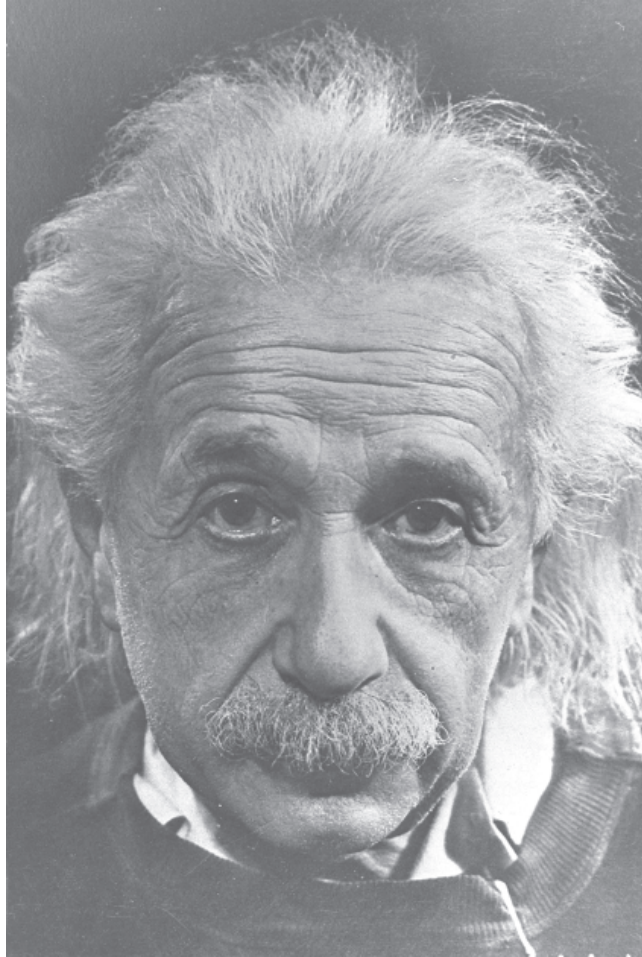


**Альберт Эйнштейн:  
обрести достоинство и свободу**







Ассоциация Мосты культуры

Русское общество друзей Еврейского университета в Иерусалиме

# АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН:



# ОБРЕСТИ ДОСТОИНСТВО И СВОБОДУ

Составитель и редактор  
Зоя Копельман

ГЕШАРИМ  
ИЕРУСАЛИМ  
5766



МОСТЫ КУЛЬТУРЫ  
МОСКВА  
2006

**АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН:  
ОБРЕСТИ ДОСТОИНСТВО  
И СВОБОДУ**

**ALBERT EINSTEIN:  
FOR JUSTICE  
AND FREEDOM**

Составитель и редактор Э. Копельман

Editor Z. Kopelman

Издатель **М. Гринберг**

Зав. редакцией *И. Аблина*

Оформление *А. Позин*

В нашем сборнике использованы материалы книги  
«А. Эйнштейн о сионизме», Библиотека-Алия, 1991.

**Мосты культуры, Москва**  
Тел./факс: (095)-684-3751  
Тел. (095)-792-3856  
e-mail: gesharim@e-slovo.ru

**Gesharim, Jerusalem**  
Tel./fax: (972)-2-624-2527  
Fax: (972)-2-624-2505  
e-mail: house@gesharim.org

[www.gesharim.org](http://www.gesharim.org)

© Мосты культуры/Гешарим, 2006

ISBN 5-93273-213-X

## Содержание

**9** Хартия ООН об объявлении 2005 года Международным годом физики и годом Эйнштейна

**10** От составителя

Вместо предисловия

**17** *Исайя Берлин. Эйнштейн и Израиль*

Альберт Эйнштейн и Еврейский университет в Иерусалиме

**35** Альберт Эйнштейн пропагандирует создание Еврейского университета в Иерусалиме

**53** Первая научная лекция Еврейского университета: читает Альберт Эйнштейн

**56** А. Эйнштейн и Национальная и университетская библиотека Израиля

**62** Открытие Еврейского университета в Иерусалиме

**70** *Приложение. Лекция о теории относительности, прочтенная Эйнштейном в Иерусалиме в 1923 году*

Альберт Эйнштейн и Земля Израиля

**79** Палестина, сионизм и арабо-израильские отношения: динамика воззрений

**91** Взгляд Эйнштейна на сионизм и отношения с арабами

**133** Альберт Эйнштейн и Государство Израиль

Альберт Эйнштейн и национальное самосознание

**145** Отношение Альберта Эйнштейна к еврейскому национализму

Альберт Эйнштейн и Катастрофа европейского еврейства

**163** Реакция Альберта Эйнштейна на Катастрофу

## Альберт Эйнштейн: факты еврейской биографии, воспоминания современников

- 177** Отрывки из книги Ф. Гернека «Альберт Эйнштейн. Жизнь во имя истины, гуманизма и мира»
- 195** Эйнштейн и музыка
- 197** *Борис Шварц*. Музыкальные и личные воспоминания об Альберте Эйнштейне
- 205** *Владимир Хазан*. Альберт Эйнштейн и Осип Дымов
- 210** *Зоя Копельман*. Письмо Л.О. Пастернака А. Эйнштейну

## Вместо послесловия

- 219** *Роман Яacobсон*. Эйнштейн и наука о языке
- 233** Альберт Эйнштейн: вехи жизни
- 238** Биографический комментарий
- 248** Список использованной литературы
- 250** Именной указатель



## ВСЕМИРНЫЙ ГОД ФИЗИКИ, 2005

Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций,  
исходя из того, что

физика обеспечивает научные основы успехов в постижении природы,

физика и ее применения являются основой многих сегодняшних технологических достижений,

образование в области физики обеспечивает людей инструментарием для построения научной инфраструктуры, необходимой для развития человечества,

в 2005 году исполняется сто лет со времени первых научных открытий Альберта Эйнштейна, ставших основанием современной физики,

приветствует решение Организации Объединенных Наций по образованию, науке и культуре (ЮНЕСКО) провозгласить 2005 год Международным годом физики;

призывает ЮНЕСКО в сотрудничестве с организациями, касающимися физики во всем мире, включая развивающиеся страны, провести мероприятия, отмечающие 2005 год как Международный год физики;

объявляет 2005 год Международным годом физики и годом Эйнштейна.

Решение утверждено всеобщим одобрением  
10 июня 2004 года.

## От составителя

Как свидетельствует постановление ЮНЕСКО, нынешний 2005 год назван «годом физики и годом Эйнштейна», а это значит, что благодаря вековому юбилею своих революционных научных открытий великий физик перекочевал в новое тысячелетие. Юбилеи обязывают, и эта книга тоже из числа подсказанных календарем изданий. Главный ее автор — Альберт Эйнштейн, и он же — главное действующее лицо в ней.

Это не биография и не популярное изложение научных идей. Это документальный репортаж о еврее Эйнштейне, великом физике, человеке, слава которого сравнится разве что со славой его современника Чарли Чаплина, хотя профессиональное новаторство второго признали миллионы восторженных зрителей, а научное дерзновение первого поначалу смогли оценить лишь несколько современников. Эта книжка — рассказ о человеке, который, начав размышлять о своем еврействе, сумел извлечь из этого объективного обстоятельства неожиданные и очень субъективные выводы, которые, однако, он — сделавшись знаменитым — решил во что бы то ни стало донести до слуха и ума как можно большего числа людей. Как кажется, Эйнштейн приложил меньше усилий для популяризации своей теории относительности, чем для пропаганды своей концепции еврейства, призывая нас развивать в себе национальное самосознание, чтобы обрести достоинство и свободу. В тот жестокий век, в обстановке немецкого наци-

оналистического угара ранних 20-х в Берлине, на фоне крови и ужаса арабских погромов 30-х в вверенной Английскому мандату Палестине и неподдающегося описанию геноцида 40-х в Европе Эйнштейн утверждал, что осознать себя евреем означает признать свою самоценность и стать свободным от всякой зависимости от inferнальных страстей, бушующих во внешнем мире.

Эта книжка рассказывает о реакции Эйнштейна на события еврейской истории, свидетелем которых ему довелось быть. О том, как Эйнштейн воспринял идеологию сионизма и задачу построения еврейского «национального очага» на земле древнего Израиля. О том, как отнесся к идее еврейского государства и к ее реальному воплощению. О том, как терпел (или, вернее, не терпел) антисемитские выходки своих коллег-физиков в Германии и бесплатно читал лекции по физике так называемым *остъюден*, евреям из Восточной Европы, которых не хотели пускать в немецкие университеты.

Для Эйнштейна евреи были в первую очередь нацией, высоко ценящей достижения духа и интеллекта, народом, рвущимся к знаниям и умеющим хранить мудрость прошлых поколений. Эта убежденность побуждала его прилагать все возможные усилия для того, чтобы еврейское стремление к образованию и научному творчеству смогло реализоваться. Именно в силу этой убежденности он так загорелся идеей создания политически независимого еврейского университета в Палестине, а еврейский «национальный очаг» рассматривал как гарантию свободного развития личности своих дискриминируемых в Европе соплеменников. Отсюда и его сотрудничество с Техникумом (как раньше назывался Технион) в Хайфе, и его активнейшее участие в создании и работе Еврейского университета в Иерусалиме.

Если речи и выступления Эйнштейна на касающиеся евреев темы вписать в биографический и исторический контексты, естественным образом складываются несколько сюжетов, которые и определили разделы настоящей книги. Это многолетняя история его отношений с Еврейским университетом в Иерусалиме, которому Эйнштейн завещал весь свой архив. Это и его меняющаяся под давлением исторических обстоятельств, но всегда сочувственная позиция по отношению к сионистскому строительству, а с другой стороны — высшая степень признательности Эйнштейну

от правительства Израиля, предложившего ученому занять пост президента. Это и реакция Эйнштейна на нацизм: личный отказ от немецкого гражданства и обращения к демократическим режимам с просьбами, а потом и требованиями впустить еврейских беженцев и многое, многое другое. Особое место в этом ряду составляет впервые публикуемый путевой дневник Эйнштейна, вернее, тот его фрагмент, который касается посещения им Палестины в феврале 1923 года. Штрихи дневниковых записей позволяют сопоставить зоркие путевые впечатления Эйнштейна и его возвышенно эмоциональную реакцию, вдохновленную встречами с восторженной публикой.

Материалы книги свидетельствуют о гуманной отзывчивости Эйнштейна. Они создают образ чистого, в высшей степени совестливого человека, живущего по Моисеевой заповеди любви к ближнему и верного этическим идеалам еврейских пророков. Да, он сочувствовал немодной сегодня социалистической идеологии, был пацифистом и долго верил в возможность двунационального государства в Палестине, но ведь он был сыном своего времени, когда подобные убеждения понимались как прогрессивные. Однако у него хватило гибкости и прозорливости понять, что желаемое не совпадает с реальностью и перед лицом фактов приходится отступать от политических идеалов. При этом этическими принципами он не поступался никогда, и потому знакомство с Эйнштейном как еврейским общественным деятелем, каковым он себя конечно же не считал, убеждает в том, что с печальным постоянством опровергаемая формула «гений и злодейство — вещи несовместные» иногда все-таки остается истиной.

Дополняют книгу несколько биографических свидетельств и разысканий, из которых одно связано с литератором русско-еврейской эмиграции Осипом Дымовым (на русском языке его очерк появляется впервые), а два других касаются любви Эйнштейна к музыке и его профессиональной игры на скрипке. Трогательный рассказ скрипача Бориса Шварца не только воссоздает убедительный образ «Эйнштейна в жизни», но и попросту показывает, что Эйнштейн спас человека от неминуемой гибели, а этот спасенный, в свою очередь, успел спасти еще двоих. Кто знает, возможно, в биографии физика были и другие подобные примеры.

Книгу обрамляют две внушительные статьи выдающихся ученых, по происхождению российских евреев. Философ Исайя Берлин размышляет

о влиянии идей Эйнштейна на духовность и мировоззрение современников вне сферы физики и ее применений. Филолог Роман Якобсон анализирует язык творчества Эйнштейна и сопоставляет его с данными лингвистики и языком искусства.

Несмотря на юбилейный характер нашего издания, оно пока не годится на роль исторического памятника — поднятые Эйнштейном вопросы и предложенные им ответы все еще актуальны.

\* \* \*

Я хочу поблагодарить всех, кто помогал мне в работе над этой книгой, в первую очередь Михаила Гринберга, которому принадлежит инициатива в ее издании, и хранителя Архива Эйнштейна в Еврейском университете в Иерусалиме Рони Гросса, без дружелюбной квалифицированной помощи которого она была бы много беднее. Я также благодарю свою коллегу Наталию Гуткину, помогавшую мне во всем — от начального сбора материалов до последнего критического взгляда на сверстанный том. И наконец, с особой теплотой мне хочется выразить признательность своему старинному другу Евсею Литваку, знатоку истории подмандатного Иерусалима, чьи разъяснения не раз направляли меня при комментировании публикуемых текстов.

Зоя Копельман,  
Иерусалим

*Работу над этой книгой я посвящаю памяти моего папы, Леонтия Яковлевича (Йом-Тов Липмана) Вигдоровича, бывшего студента факультета естественных наук в университете Льежа, Бельгия, которому война помешала стать физиком.*

*Ему я обязана своим первым образованием в области квантовой электроники и первым знакомством с Эйнштейном — в подаренной мне к 15-летию книге Леопольда Инфельда «Альберт Эйнштейн».*



# Вместо предисловия



Milchestr. bei lauer Luft. Mittags Aufbruch  
Port Said. Konstantins Gespräch mit Jatin  
und japanischem Touristen. Beide stark  
europäisiert - bis zum Ausbruch

Денежная купюра Израиля достоинством в 5 лир (фунтов) с портретом Альберта Эйнштейна и эйнштейновской моделью Вселенной, 1968.



Исайя Берлин

## Эйнштейн и Израиль<sup>1</sup>

Когда мэ́р Иерусалима Тедди Колек и президент Израильской Академии наук профессор Арье Дворецкий пригласили меня выступить с сообщением об Эйнштейне, моей первой (и, как, вероятно, подумают, верной) мыслью было отклонить это лестное и совершенно неожиданное предложение. Причина ясна: свое право на бессмертную славу Альберт Эйнштейн завоевал присущим ему непостижимым научным гением, о котором я, подобно подавляющему большинству человечества, абсолютно некомпетентен рассуждать. Повсеместно Эйнштейн был признан самым революционным новатором в физике после Ньютона. Этим определялось то исключительное уважение и внимание, с какими повсюду относились к нему самому и к его суждениям по любым вопросам. Он и сам это признавал. Несмотря на безграничную скромность, смущение перед лестью и неприязнь к рекламе, ему было приятно думать, что если все равно нельзя избежать преклонения перед знаменитостями, то пусть уж лучше оно выпадает на долю тех, кто прославился своими достижениями в сфере интеллекта и культуры, чем завоеваниями или авторитетом власти. И в самом деле, если специалист в области математической физики воспринимается

---

<sup>1</sup> Isaiah Berlin. Einstein and Israel. In: G. Holton, Y. Elkana, eds. Albert Einstein: Historical and Cultural Perspectives. The Centennial Symposium in Jerusalem in March 1979. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 1982. P. 281 — 292. Перевод Ю. Миллер.

как персона мирового масштаба, это и само по себе замечательно, и делает честь человечеству.

Если сравнить воздействие идей Эйнштейна на области, к теоретической физике (и, возможно, философии физики) непосредственно не относящиеся, с тем влиянием на общество, которое оказали труды других великих первопроходцев науки, то придем к странному выводу. Не углубляясь далеко в историю, начнем с Галилея. Его метод и естественно-научный подход сыграли решающую роль в развитии общественной мысли XVII столетия и оказали серьезное воздействие на проблемы, находящиеся за пределами сугубо технических применений. Влияние идей Ньютона было огромно; независимо от того, правильно они воспринимались или нет, вся программа Просвещения, особенно во Франции, вполне осознанно базировалась на принципах и методах Ньютона и черпала свою уверенность и мощное влияние из его поразительных достижений. А это, в свою очередь, не просто изменило представления людей, но послужило созданию ряда основополагающих концепций и направлений современной западной культуры: этических, политических, технологических, исторических, социальных... Не было такой сферы мысли или жизни, которая избежала бы последствий этого культурного преобразования.

В меньшей степени это справедливо по отношению к Дарвину — теория эволюции задела многие области человеческой мысли помимо биологии. Она повергла в уныние теологов, повлияла на исторические науки, этику, политику, социологию, антропологию. Социальный дарвинизм, основанный на неправильном толковании идей Дарвина и Хаксли, с его евгеническими и зачастую расистскими выводами, отрицательно сказался на общественной жизни и политике. Фрейда я, пожалуй, не столь уверенно отношу к разряду естествоиспытателей, однако его учение также оказало воздействие на области, далеко отстоящие от психологии, — историю, жизнеописание, эстетику, социологию, педагогику.

Но Эйнштейн? Его научные достижения тесно связаны с философией науки, и его собственные взгляды (сначала он принял феноменализм Маха, позднее отказался от него) показывают, что он обладал даром мыслителя. Аналогичный вывод можно сделать и из его оценки базовых концепций Спинозы, Юма, Канта, Рассела. В этом отношении Эйнштейн и Планк были поистине уникальны среди выдающихся физиков нашего

столетия. Однако повлиял ли Эйнштейн на мировоззрение своего поколения? На мнение интеллектуалов? Несомненно, он являл собой героический образ — человек чистого сердца, благородного образа мыслей, неординарного морального и политического мужества, посвятивший жизнь непоколебимому стремлению к правде, веривший в личную свободу и социальное равенство, симпатизировавший социализму и ненавидевший национализм, милитаризм, угнетение, насилие, потребительское отношение к жизни. Но помимо того, что он был воплощением человеческой добродетели, жажды социальной справедливости и уникальной интеллектуальной мощи, помимо его образцовой биографии и репутации одного из культурнейших, достойнейших и гуманнейших людей своего времени, — какое же воздействие оказал Эйнштейн на общество, где многие, судя по всему, руководствуются совершенно иными идеалами?

Слово «относительность» и по сей день ошибочно трактуется как релятивизм, отрицание истины или моральных и иных ценностей, или, по крайней мере, сомнение в их объективном характере. Но это — очень старое и знакомое заблуждение. Релятивизм в том смысле, в каком его понимали древнегреческие софисты, римские скептики, французские и английские субъективисты, немецкие романтики и националисты и в каком он и поныне выводит из себя теологов, историков и широкую публику, полностью противоречил тому, во что верил Эйнштейн. Он был человеком ясных и твердых моральных убеждений, которые проявлялись во всех его поступках. Природа в его глазах требовала научного анализа, рациональной систематизации; цель науки он видел в объективном познании независимо существующей реальности — пусть даже понятия, при помощи которых это познание производилось и описывалось, являлись произвольными построениями человеческого разума.

Так в чем же заключается то общее воздействие, которое оказало его учение? Современная теоретическая физика даже в самых общих чертах не может быть изложена на доступном нам языке столь же удачно, как, к примеру, были выражены Вольтером основные идеи Ньютона. Выдающиеся умы Британии вроде Холдейна и Герберта Сэмюэла пытались извлечь из общей теории относительности универсальные, как правило весьма банальные, метафизические или теологические истины, но это лишний раз показало, что таланты этих людей лежат в иных сферах.

Однако если воздействие научных идей Эйнштейна на общественную мысль своего времени проследить сложно, влияние его ненаучного взгляда на одно из самых позитивных политических явлений современности бесспорно и очевидно. Эйнштейн отдал все свое влияние и мировую известность, а по сути — свою душу, движению, создавшему Государство Израиль. И отдельные люди, и целые нации в долгу перед теми, кто помог им изменить к лучшему представление о самих себе и при этом остаться реалистом. Ни один сколько-нибудь уважающий себя сионист не откажется, будь у него такая возможность, воздать Эйнштейну должное. На протяжении всей жизни Эйнштейн не переставал поддерживать сионистское движение и интересоваться Еврейским университетом. Не раз он спорил с Вейцманом, не однажды резко критиковал Еврейский университет и, в частности, его первого президента<sup>2</sup>, а изъяны сионистской политики по отношению к арабам вызывали у него чувство глубокого сожаления, но он никогда не отказывался от веры в основополагающие принципы сионизма. Если сегодняшние молодые люди (да и не только они), евреи и неевреи, ненавидящие, подобно Эйнштейну, узкий национализм и сектантство, стремящиеся к социальной справедливости и верящие в общечеловеческие ценности, захотят узнать, почему он, дитя ассимилированных баварских евреев, поддерживал возвращение евреев в Палестину, т.е. сионизм, и еврейское государство — поддерживал не безоглядно и не без терзаний, которые испытывает любой порядочный и чуткий человек по отношению к поступкам, совершаемым во имя его народа, когда они кажутся ему неверными или неразумными, и тем не менее поддерживал их твердо и всю жизнь, — если они захотят понять это, им следует прочитать

---

<sup>2</sup> Первым президентом Еврейского университета в Иерусалиме был Иегуда Лейб Магнес (1877, Сан-Франциско — 1948, Нью-Йорк) — еврейский общественный и культурный деятель, в 1923 г. возглавил подготовительные работы для открытия Еврейского университета, а затем был его канцлером (1925 — 1935) и президентом (до 1948). Именем Магнеса названо издательство Еврейского университета.

Основное расхождение между Магнесом и Эйнштейном было связано с тем, что Магнес старался уподобить Еврейский университет в Иерусалиме американским университетам, а Эйнштейн настаивал на немецкой модели высшего учебного заведения. Кроме того, Эйнштейн категорически возражал против того, чтобы спонсоры Еврейского университета диктовали ему свои условия, как в академической сфере, так и в политике, тогда как Магнес был в этом отношении гораздо сговорчивее.

его работы. Со свойственной Эйнштейну ясностью и даром проникновения в самую суть любого предмета — независимо от того, относится этот вопрос к сфере науки или общественной жизни,— Эйнштейн просто и правдиво высказал все, что считал необходимым сказать. Позвольте мне напомнить некоторые из его заявлений и поступков и в особенности очертить тот путь, который им предшествовал.

Эйнштейн родился в Ульме в нерелигиозной семье. Образование он получил в Мюнхене, где, по-видимому, не сталкивался с дискриминацией; его резко отрицательная реакция на школу, вплоть до состояния, близкого к нервному срыву, как кажется, не была спровоцирована антисемитизмом. Возможно, он противился казарменной муштре и националистическому угару, царившим в системе образования Германии на исходе прошлого столетия. Он далее учился в Милане и Цюрихе, преподавал в Цюрихе, служил в бернском патентном бюро, занимал академические должности в университетах Праги и Цюриха, после чего в 1913 году находившиеся тогда в зените славы Нернст, Хабер и Планк уговорили его перейти на исследовательскую работу в Берлин.

Нет нужды описывать атмосферу, царившую в Пруссии накануне Первой мировой войны. В 1929 году в письме дипломатическому посланнику Германии Эйнштейн писал:

Когда пятнадцать лет назад [то есть в 1914 году] я приехал в Германию, я впервые обнаружил, что я — еврей. Этим открытием я более обязан неевреям, нежели евреям.

Несмотря на сказанное, важную роль сыграло и влияние германских сионистов, в особенности одного из лидеров германских евреев Курта Блюменфельда, с которым Эйнштейна до конца дней связывали узы теплой дружбы. Но, как и в случае с Герцлем, решающим фактором в становлении его еврейского самосознания стало не столько открытие для себя некой неизвестной доселе доктрины (приверженцев сионизма он знал еще в Праге, но в ту пору его это не заинтересовало), сколько шовинизм и ксенофобия, заразившие высшие круги берлинского общества. Именно это привело его к пониманию того, насколько зыбко положение еврейской общины даже на цивилизованном Западе:

Лучшее, что заложено в человеке, может реализоваться, только когда он ощущает себя членом некоего сообщества. Отсюда неминуемо следует, что если еврей утратил связь со своим собственным народом, ему грозит моральная опасность, ведь в глазах народа, среди которого он обитает, он считается чужаком.

Трагедия евреев заключается в том... что они потеряли поддержку сплавившей их общины. Результатом стало отсутствие у индивидуума прочного фундамента, что в крайнем проявлении равносильно душевному разладу.

Единственным выходом, доказывал он, является развитие тесной связи с неким активным сообществом, что позволило бы отдельным евреям сносить ненависть и унижение, которым они столь часто подвергаются со стороны остального человечества. Герцль достоин восхищения, говорит нам Эйнштейн, за то, что «во весь голос» заявил: только создание национального очага в Палестине способно излечить это зло. От него не избавиться ассимиляцией. Евреи, обитавшие в старых гетто Германии, были бедны, лишены гражданских и политических прав, изолированы от европейского прогресса. Тем не менее, полагал он,

...эти люди, как бы ни был убог их удел, имели перед нами явное преимущество: каждый из них всеми фибрами души был привязан к общине, которая, в свою очередь, полностью брала его под свое крыло. В общине каждый чувствовал себя своим, там никто не требовал от человека жить вразрез со своими убеждениями. Наши предки были обездолены и материально, и интеллектуально, но как социальный организм они являли собой завидный образец психологической стабильности<sup>3</sup>.

Затем наступила эмансипация, быстрая адаптация к новому открывшемуся миру, страстные попытки натянуть на себя одежды, скроенные по чужим меркам, вплоть до полной потери самоидентификации, что вело в перспективе к исчезновению евреев как группы. Но этому не было суждено произойти.

---

<sup>3</sup> Эта и ряд последующих цитат взяты из статьи: А. Эйнштейн. О еврейской Палестине (см. с. 47 настоящего издания).

Языковая, бытовая и до некоторой степени даже религиозная адаптация евреев к соответствующим нормам окружающих европейских народов не уничтожила атмосферы отчужденности, которую окружение испытывает к евреям. Следствием этой адаптации стал антисемитизм, корни которого в непосредственной реакции на еврея как на чужака, а очистить мир от чужаков, как известно, посредством продиктованной лишь добрыми намерениями агитации невозможно.

Игнорировать или оспаривать эмоциональный предрассудок или открытую враждебность, заявлял Эйнштейн, абсолютно бесполезно; крещеный титулованный еврей, «тайный советник» был в его глазах попросту жалок. Злом он считал государственные границы, армии, но не национальное существование как таковое; сосуществование мирных наций при взаимном уважении и терпимости к различиям между ними представлялось ему цивилизованным и справедливым. Приводимое далее определение сионизма мало чем отличается от реакции на сходные проблемы интернационалиста и социалиста Моше Гесса в 60-х годах XIX века. Позволю себе процитировать слова Эйнштейна, сказанные в 1933 году:

Недостаточно, если каждый сам по себе участвует в мировом культурном процессе,— необходимо приступить к такой работе, которая выполняема только усилиями всей нации. Это единственный путь к тому, чтобы еврейство вновь стало здоровой общиной.

Следовательно,

Палестина является не только убежищем для евреев Восточной Европы, но и олицетворением нового пробуждения духа всей еврейской нации.

Данное заявление представляется мне классической формулировкой сионистского кредо, близкой по духу неполитическому духовному национализму Ахад-га-Ама: то, что отстаивал Эйнштейн, было, по существу, созданием социального и духовного центра. Но когда британское правительство вкупе с арабским сопротивлением привели к тому, что и он вынужден был признать создание государства неизбежной необходимостью,

он согласился с идеей политического сионизма, равно как и с использованием силы ради того, чтобы выжить. Он, вероятно, видел в государстве неизбежное зло и тем не менее понимал, что это — бремя и обязанность, которые следует сносить с чувством собственного достоинства и тактом, не предъявляя чрезмерных претензий. Его, как и всех достойных сионистов, все более беспокоили отношения с арабами Палестины. Он мечтал о государстве, в котором могло бы осуществиться сотрудничество евреев и арабов в полном объеме, но с грустью сознавал, что на фоне реальных событий это, увы, маловероятно. Он оставался последовательным сторонником еврейского государства Израиль; именно здесь должны быть воплощены еврейские идеалы, особенно три из них: «знание ради знания, почти фанатичная любовь к справедливости, стремление к личной независимости».

Вряд ли нужно напоминать, что такой подход в корне отличался от позиции образованных евреев Германии его круга, не говоря уже о людях сходного происхождения, социального и интеллектуального уровня где бы то ни было в Западной Европе. Достаточно вспомнить ранние годы Эйнштейна, когда еврейские проблемы были чужды ему, и зрелого Эйнштейна, ни на секунду не сомневавшегося в правоте своего идеалистического интернационализма и ненавидевшего все, что разъединяет людей, чтобы по достоинству оценить его удивительную пронизательность, реалистичность и моральное мужество, которым и сегодня могут по праву гордиться его соплеменники. В конце концов, прочие видные немецкие ученые еврейского происхождения, чья безукоризненная честность пользовалась всеобщим уважением — Фриц Хабер, Макс Борн, Джеймс Франк, — реагировали на происходящее совсем иначе. То же можно сказать и о таких писателях и художниках, как Артур Шницлер, Стефан Цвейг, Густав Малер, Карл Краус или Франц Верфель, которые слишком близко познакомились с антисемитизмом в Вене.

Я не хочу намекать на то, что Эйнштейн непременно порицал культурную ассимиляцию как во всех случаях постыдную или обреченную на провал. Вполне возможно, что дети еврейских родителей обнаруживали себя настолько далекими от общины и ее традиций, что, даже осознавая ситуацию, уже психологически не могли восстановить с ней искреннюю связь. Ему было ясно, что в цивилизованном обществе у каждого челове-



ка должна быть возможность следовать своим путем так, как это представляется лучшим ему самому, если при этом его свободный выбор не ущемляет других. Он не обвинял этих ученых, писателей, художников в бесчестии или малодушии; он не ставил под сомнение их моральные качества и сожалел только о недостатке их национального самосознания.

Именно неспособностью к самообману или уверткам, умением смотреть правде в глаза и — если того требуют факты — способностью идти наперекор господствующим идеям отмечен дерзновенный отказ Эйнштейна от принципиальных положений системы Ньютона, и та же независимость характерна для его поведения в иных областях. Он отвергал традиционную житейскую мудрость. «Здравый смысл, — говорил он, — это набор предрассудков, заложенных в мозг в первые восемнадцать лет жизни». Если Эйнштейна что-либо не устраивало по моральным и политическим причинам (то же относилось и к математике), он не игнорировал противоречия, не убегал от него и не старался забыть; не пытался подогнать несовместимое и кое-как связать концы с концами, наставив заплатку-другую в надежде, что «на его век хватит»; он не ждал прихода Мессии — мировой революции, наступления всеобщего царства разума и справедливости, чтобы проблема разрешилась. Если башмак жмет, с какой стати говорить, что со временем он разносится и будет более удобным, или что форма ноги изменится, или что вам только кажется, будто он жмет, — одним словом, что реальность гармонична, а потому конфликты, несправедливости, варварство принадлежат к тому порядку вещей, который освящен свыше. Если его наставники в философии Юм и Мах были правы, значит, существует только один мир, мир человеческого опыта; только этот мир реален — по другую сторону от него лежит, по всей видимости, тайна. И в самом деле, он стоял на том — и верил в это безоговорочно, — что Вселенная постижима как величайшая из тайн; однако любая теория ничего не стоит, если не принимает в расчет непосредственный человеческий опыт, к которому он относил также интуитивное воображение, чьи пути зачастую не постигаются сознанием.

Именно такое понимание реальности оберегало его от превращения в доктринера. Когда его точно выверенное знание входило в противоречие с господствующей точкой зрения, он не игнорировал то, что подсказывала его моральная убежденность, общественная или политическая позиция.

Он был убежденным пацифистом; во время Первой мировой войны он сделался непопулярным в Германии, осудив эту воюющую державу. Но в 1933 году он признал необходимым сопротивляться Гитлеру и нацистам, даже и с применением силы, что повергло в ужас его бывших единомышленников из пацифистского лагеря. Он был поборником всеобщего равенства и демократом со склонностью к социализму. Тем не менее он настолько остро чувствовал необходимость защиты личности от государства, что верил: «Билль о правах»<sup>4</sup> был бы погран, если стоящая у власти некая просвещенная и искушенная элита не сумела бы время от времени давать ощутимый отпор притязаниям толпы. Он превозносил американскую конституцию, в частности гармоничное распределение власти между президентом, конгрессом и общественным мнением (один из его ранних политических наставников австрийский социалист Фридрих Адлер вряд ли одобрил бы это). Он ненавидел любые разграничения между людьми, включая и высокомерную элитарность. Однако когда в университетах Германии и Польши еврейских студентов стали преследовать националистически настроенные однокашники, он заявил, что Вейцман был прав; либеральные и социалистические резолюции оказались бесполезными — евреям следует действовать и создать свой собственный университет в Иерусалиме.

Всю свою жизнь он ненавидел национализм. Однако он признавал, что евреям остро необходима какая-либо форма национального существования; более того, он не считал, что чувство национальной принадлежности и национализм — равноценные понятия. Несомненно, что он серьезно относился к политической лояльности. Дважды он отрекся от своего германского гражданства. Он бы не смог в молодости принять швейцарское гражданство или во времена Гитлера — американское, если бы не чувствовал, что будет абсолютно лоялен по отношению к этим демократическим государствам, коль скоро — по вполне очевидным причинам — счел невозможным сохранять за собой германский паспорт. Вот это-то сочетание чуткости к социальным процессам и четкого постижения главных ценностей человеческого бытия уберегло его от доктринерского фанатизма; именно это сделало его убедительным в моральном отношении.

---

<sup>4</sup> «Биллем о правах» назывался принятый английским парламентом в 1689 г. закон о правах и гражданских свободах личности. По аналогии, так же именуют первые десять статей конституции США, посвященные тем же проблемам. В более широком смысле под «биллем о правах» часто понимают права человека вообще.

Он был простодушным человеком и иногда, я полагаю, попадался на удочку любителей глупых шуток и проходимцев. Однако у простодушия есть свои формы восприятия: подчас оно смотрит на мир собственными глазами, а не сквозь «очки» общепринятых норм или неоспоримой догмы. Та самая независимость, что побудила его отвергнуть устоявшиеся понятия физического пространства-времени и, вопреки сопротивлению физиков и философов, смело выдвинуть гипотезу о гравитационных волнах и световых квантах, сделала его свободным морально и политически.

Этот человек, стремившийся к уединению, абсолютно равнодушный к лести, хотя не было равных ему в славе на всех пяти континентах, веровал в спасительность труда, упорнейшего труда, направленного на разгадку тайн природы, чудесным образом подвластных анализу человеческого разума. В итоге этот мягкий, тихий, скромный человек пришелся не по вкусу истеблишменту самого разного толка: германским националистам и страдавшим германофобией французам, тотальным пацифистам и еврейским ассимиляторам, ортодоксальным раввинам и советским марксистам, как, впрочем, и защитникам непреходящих моральных ценностей, в которые он на самом деле твердо верил.

Он не был ни субъективным идеалистом, отрицающим существование материального мира, ни скептиком. Он считал, что научные концепции и теории являются свободными творениями человеческого воображения, а не результатами экспериментально полученных данных, как полагали Бэкон, Милль или Мах. Однако то, что ученый стремится проанализировать или описать при помощи теорий и концепций, само по себе является объективной структурой, часть которой, если подходить с научной точки зрения, составляют сами люди. Моральные и эстетические ценности, положения, стандарты, принципы не могут быть выведены из наук, которые задаются вопросом «что есть это?», а не «что это должно быть?», но, по Эйнштейну, их нельзя также вывести из классовых, культурных или расовых различий или обусловить этими различиями. Эти понятия универсальны в не меньшей степени, чем законы природы, из которых их невозможно вывести. Они справедливы для всех людей во все времена, открыты при помощи моральной или эстетической пронизательности, свойственной всему человечеству, и воплощены в основных принципах (но не в мифологии) великих мировых религий.

Подобно Спинозе, он считал, что тот, кто отрицает это, попросту ослеплен страстями; несомненно, он ощущал в Спинозе родственную душу. Как и Спиноза, он считал Бога воплощенным в природе разумом, в буквальном смысле высшим существом, изумительной гармонией, «Deus sive Natura»<sup>5</sup>. Как и Спиноза, он не обнажал перед хулителями своей горечи и не шел с ними на компромисс — он оставался невозмутимым и разумным, человечным, терпимым, свободомыслящим. Он не стремился главенствовать над окружающими и не требовал от своих последователей слепой преданности. Он поддерживал любое движение — скажем, Лигу Наций или левые группы в Соединенных Штатах, — если полагал, что в итоге это принесет какую-то пользу или, как минимум, что от этого будет больше пользы, нежели вреда.

Так же обстояло дело и с еврейской Палестиной. Он ненавидел шовинизм; он критически, порой сверх всякой меры, высказывался об отношении сионистского руководства к арабам, что не заставляло его, однако, впадать в иную крайность, как то нередко случалось с другими; он осудил администрацию президента Эйзенхауэра за стремление угождать арабским странам в ущерб Израилю — подобную политику он списывал на американский империализм. Он осуждал некоторые действия руководства Еврейского университета. К примеру, он полагал, что из массы ученых-беженцев, покинувших нацистскую Европу, назначения на штатные должности должны получать молодые, а не маститые специалисты. Но его преданность оставалась незыблемой. Он не собирался покинуть сионистское движение из-за недостатков его лидеров. Его сионизм базировался на убеждении, что люди имеют неотъемлемое право избавиться от голода, нищеты, беззащитности, несправедливости, да и от бездомности тоже.

В известном смысле он и сам был бездомным. В письме своему другу Борну он писал, что у него нет корней, повсюду он был чужаком. По его собственному признанию, он был одиноким человеком, который инстинктивно избегает близости. Он был мыслителем-отшельником, которого мало кто мог узнать как человека. Глубокий гуманизм и сочувствие к жертвам политических преследований, социальной дискриминации, экономической эксплуатации были основой его мировоззрения и не нуждаются в специ-

<sup>5</sup> «Бог или Природа» (лат.), формула из книги Б. Спинозы «Этика».

альном объяснении; быть может, в какой-то мере они компенсировали его неумение налаживать личные отношения.

Подобно многим физикам, так или иначе причастным к созданию атомной бомбы, он на склоне лет ощутил бремя ответственности ученых за изобретение новых чудовищных средств разрушения — и осудил приютившую его страну за применение этих средств; ему казалось, что Америка пошла по опасному пути империализма. Его ненависть к жестокости и варварству реакционеров и фашистов порой рождала иллюзию об отсутствии врагов слева — заблуждение многих порядочных и благородных людей, стоившее жизни некоторым из них.

Вероятно, его исключительный талант ученого приводил к схематичному, чрезмерно упрощенному взгляду на практические вопросы, в том числе сложные вопросы политики и культуры, не имеющие четких однозначных решений; он часто не замечал изъяны и переменчивость повседневной жизни, недоступные точному количественному анализу. Ибо, на мой взгляд, талант естествоиспытателя в чем-то отличается от таланта гуманитария. Часто отмечалось, что выдающиеся открытия и изобретения требуют большой силы воображения и не поддающейся рациональному анализу интуиции, подсказывающей, где искать верное решение, и что это схоже с образным видением художника или гениальным осмыслением прошлого у историков или филологов. Вполне вероятно, что это так. Вместе с тем, имея дело с людьми и их проблемами, нужно принимать в расчет природу человеческого опыта и ощущать пределы человеческих возможностей; без такого осознания поставленных природой границ нет критерия отбора в бесчисленном множестве логически возможных, но по сути невероятных или абсурдных гипотез — исторических и психологических.

Очень возможно, что Аристотель и Кант, Вольтер и Юм правы в своих рассуждениях о том, что делает людей разумными: ощущение, что что-то может, а что-то никак не может случиться в человеческих делах, естественная ассоциативность идей, такие базовые понятия, как «прошлое» и «будущее», «вещи» и «люди», «причина и следствие», «логические связи», — вся эта тесно увязанная совокупность категорий и понятий и в самом деле влияет на человеческое мышление, а возможно, и на феномен безумия. Отход от этого, как свидетельствует, к примеру, творчество сюр-

реалистов — художников, поэтов, композиторов, — может быть интересным, но намеренно иррациональным.

Однако в математике или теоретической физике такое чувство реальности не кажется необходимым. В самом деле, временами может понадобиться нечто почти противоположное. Если речь идет о принципиально значимых открытиях (скажем, о комплексных числах, неевклидовой геометрии или квантовой теории), разъединяются традиционно связанные представления, происходит отказ от ряда категорий — обязательной принадлежности нормального человеческого опыта, и тогда требуется талант представить себе нечто в принципе невообразимое, не имеющее выражения на обыденном языке, говорящем о повседневных фактах и нуждах. Это то самое расставание с банальной реальностью, если хотите, уход из нее, из-за которого родился расхожий образ абстрактного мыслителя — Фалеса, падающего в колодезь<sup>6</sup>, или рассеянного профессора, который варит собственные часы вместо яйца.

Такое бегство в мир абстракций — идеальный мир чистых форм, выраженных специально изобретенными символами, мир без случайностей и хаотических вмешательств, даже без первичных допущений, свойственных повседневному опыту, — иногда может быть связано с психическим кризисом, своего рода встряской в раннюю пору жизни. Срыв, пережитый Эйнштейном в бытность мюнхенским школьником, сродни пережитому в детстве Ньютоном и Дарвином, также сохранившим некоторую эмоциональную замкнутость. И эти мыслители тоже засвидетельствовали некое пережитое ими ощущение, охарактеризованное Эйнштейном как глубокое религиозное волнение при явлении Бога, открывшего себя во всеобъемлющем единстве и разумной гармонии природы, выстроенной по всеохватному замыслу. Это было видение реальности, не подверженной никаким потрясениям. В результате Эйнштейн оставался последователь-

---

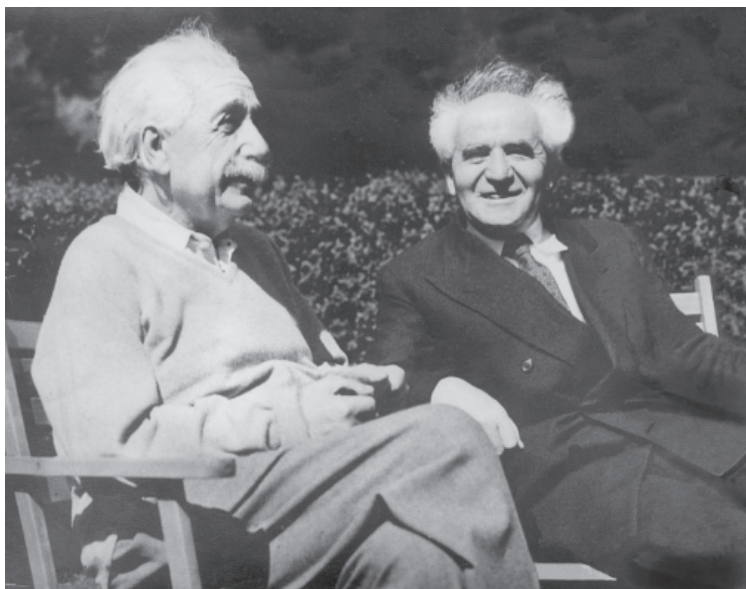
<sup>6</sup> Фалес Милетский (638 — 548 до н.э.) — ученый, с именем которого обычно связывают начало греческого естествознания; в 585 г. он сумел предсказать солнечное затмение, ему не было равных в знании геометрии, метеорологии, сельского хозяйства. Все, что он знал о светилах, растениях, математических законах, побуждало его искать некую общую *Первооснову* — «архэ», из которой бы вытекало все сущее. Поглощенный этой проблемой, Фалес превратился в типичного ученого-чудака, не замечающего, что творится вокруг. Его рассеянность стала притчей во языцех, например, говорили, что однажды он свалился в колодезь, заглядевшись на небо.

ным детерминистом и никогда не соглашался с тем, что принцип неопределенности есть неотъемлемая категория естествознания либо атрибут объективной природы, а считал его исключительно признаком нашего предварительного и неполного представления об окружающем мире.

Подобная склонность к чистой абстракции и обобщениям временами может происходить от неспособности к тесным отношениям с другими людьми, к полнокровной социальной жизни. Такое предположение представляется мне вполне допустимым. Быть может, именно это и произошло с Альбертом Эйнштейном. То, что не находило выхода в его частной жизни, ученый отдал миру. Не только за его достижениями укрепилась всемирная слава — но его облик, его черты стали знакомы миллионам мужчин и женщин. Его внешность превратилась в зрительный символ, в стереотип того, что люди называют «гениальным ученым», подобно тому, как идеализированный Бетховен превратился в клише вдохновенного художника. Кто знает, как выглядели другие ученые, осененные крылами гения, — Планк, Бор, Резерфорд? Или, коль на то пошло, Ньютон, Галилей или Дарвин? Лицо Эйнштейна, с его ясным, добросердечным выражением или меланхолической отрешенностью, вызванной углубленностью в собственные мысли, трогало людские сердца. Он был очень знаменит, воистину — народный герой, и его внешность была столь же узнаваема и любима, сколь и облик Чарли Чаплина, причем задолго до того, как портреты Эйнштейна стали красоваться на американских почтовых марках и израильских банкнотах.

В заключение мне представляется важным вернуться к вопросу об Израиле. Сионистское движение, как и Израиль, постоянно — а сегодня более чем когда бы то ни было — подвергалось нападкам как извне, так и изнутри, иногда обоснованно и справедливо, но большей частью — нет. Эйнштейн, непримиримый к малейшим отступлениям от норм человеческой порядочности, и прежде всего — со стороны своего собственного народа, верил в это движение и это государство и твердо стоял на их стороне до конца своих дней, как бы критически он ни относился в те или иные моменты к его деятелям или политическим акциям. По-видимому, это является одним из наиболее высоких моральных свидетельств, которыми может гордиться любое государство или движение нашего века. Постоянная публичная поддержка со стороны крайне доброжелательного

(и вполне информированного) человека на фоне почти полного негативизма со стороны его интеллектуального окружения, чьи этические и политические воззрения он в целом разделял, не может быть сама по себе достаточна для какой-либо доктрины или политики, однако и не может быть сброшена со счетов. Она чего-нибудь да стоит, в данном случае — очень многого.



Премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион в гостях у Эйнштейна в Принстоне, 1951.



# Альберт Эйнштейн и Еврейский университет в Иерусалиме



На палубе корабля, плывущего в США, апрель 1921 года. Слева направо: Менахем Усьшкин, Хаим Вейцман, Эльза и Альберт Эйнштейн, жена Хаима Вейцмана Вера, Бенцион Мосинзон.

# Альберт Эйнштейн пропагандирует создание Еврейского университета в Иерусалиме

Многие сионистские деятели утверждали, что идея создания еврейского университета в Палестине впервые была высказана ими, тем не менее принято считать, что она принадлежит профессору Гейдельбергского университета, математику Герману Шапира (1840 — 1898) и была публично высказана им в статье 1882 года. К этой идее многократно возвращались на сионистских собраниях, конференциях и конгрессах, пока наконец в 1913 году на 11-м Сионистском конгрессе в Вене не была утверждена комиссия для осуществления этого проекта, однако Первая мировая война лишила комиссию возможности развернуть свою деятельность.

Закладка краеугольного камня Еврейского университета в Иерусалиме превратилась в торжественную церемонию, состоявшуюся на исходе дня 15 ава (24 июля) 1918 года. Решено было заложить 12 камней — по числу колен Израилевых, но так много лиц и организаций еврейской Палестины претендовали на эту честь, что в результате заложили 14 камней. Первый камень — от имени еврейского народа — положил Хаим Вейцман, второй, от имени Его Величества короля Великобритании Георга V и английского правительства, — генерал Алленби. Впечатления того дня сохранились в памяти Эдвина Сэмюэла, сына сэра Герберта Сэмюэла, Верховного комиссара мандатных властей в Палестине:

Одним из грандиозных событий того времени стала закладка краеугольных камней Еврейского университета на горе Скопус в Иерусалиме. То была мечта, рожденная еще на заре сионизма, — Еврейский университет на Земле Обетованной, где обучение идет снова на святом языке. В 1918 году война все еще шла на всех фронтах. Пока генерал Алленби и Вейцман опускали свои камни в окружении огромной толпы, которая пешком устремлялась вверх на гору, мы могли слышать, как британские и турецкие орудия яростно гремят где-то милях в пятнадцати к северу от нас. Эта церемония и в самом деле была проявлением неколебимой веры. [Samuel, 1970. P. 39.]

Однако для открытия университета предстояло еще многое сделать, в первую очередь выработать программу будущего учебного заведения и найти средства, необходимые для его постройки и обеспечения. В начале сентября 1919 года на сионистской конференции в Лондоне Хуго Бергман представил свою программу Еврейского университета, которая несколько позже увлекла и Эйнштейна. Вот ее основные пункты:

- а) Обеспечить высокий научный уровень будущего университета.
- б) Печься прежде всего о потребностях Земли Израиля, принимая в расчет ее нужды для дальнейшего развития.
- в) Удовлетворить, с оглядкой на задачи, упомянутые в предыдущем пункте, стремление еврейской молодежи, в первую очередь жителей Земли Израиля, к овладению наукой и к высшему образованию.
- г) Поднять культурный уровень еврейского населения Палестины и тем самым содействовать формированию ивритской национальной цивилизации на демократической основе. [Lavsky, 1997. P. 128.]

Альберт Эйнштейн решил внести в это благородное начинание свою лепту. Биограф Эйнштейна Абрахам Пайс так реконструирует настроения и обстоятельства, побудившие известного уже физика включиться в практическую деятельность сионистов:

Я уверен, что, сознавая себя в первую очередь ученым, Эйнштейн на второе место ставил свою принадлежность к евреям, причем

важность этого чувства с годами возрастала. Это национальное самосознание не имело религиозного подтекста. В 1924 году он стал членом иудаистской общины в Берлине и исправно платил взносы, но для него это было всего лишь актом солидарности. По мнению Эйнштейна, сионизм был прежде всего формой стремления обрести человеческое достоинство.

Больше других пробуждению национального сознания Эйнштейна способствовал Курт Блюменфельд, с 1910 по 1914 г. генеральный секретарь находившегося тогда в Берлине Исполкома Всемирной сионистской организации, а с 1924 по 1933 г. — президент Союза немецких сионистов. Бен-Гурион назвал его величайшим революционером духа в движении сионистов. Он принадлежал к седьмому поколению неассимилировавшихся немецких евреев. В превосходном очерке Блюменфельд писал о своих беседах с Эйнштейном в 1919 г., о стараниях «открыть то, что спрятано в каждом человеке, а не стараться втиснуть что-то несвойственное его натуре». Именно ему Эйнштейн не раз поручал подготовку своих заявлений по различным вопросам сионизма. Именно Блюменфельду удалось убедить Эйнштейна поехать с Вейцманом в Соединенные Штаты (в апреле — мае 1921 г.) с целью сбора средств для планируемого «Еврейского университета». [Пайс, 1989. С. 302 — 303.]

Мнение самого Эйнштейна по данному вопросу сохранилось в публикации еврейско-немецкой газеты «Jüdische Rundschau» (21.06.1921), которая, как там указывалось, была воспроизведением интервью, данного Эйнштейном одной из американских газет во время поездки в США. Вот этот материал:

### Как я стал сионистом<sup>1</sup>

Всего одним поколением раньше евреи Германии не считали, что принадлежат к еврейскому народу. Они ощущали себя лишь членами некой религиозной общины, и многие из них и по сей день придер-

<sup>1</sup> How I became a Zionist. In: The Collected Papers of A. Einstein in the Hebrew University of Jerusalem. English translations of selected texts. V. 7. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 2002. P. 234 — 237. Перевод Ю. Миллер.

живаются такой точки зрения. По сути, они значительно более ассимилированы, чем русские евреи. Они окончили смешанные школы и тем подготовили себя к немецкой национальной и культурной жизни. Однако, несмотря на официально декларируемое политическое равноправие, в Германии существует сильный общественный антисемитизм. Сторонниками антисемитских движений являются в первую очередь образованные слои немецкого общества, и одна из причин выбранной ими позиции в том, что влияние евреев на интеллектуальную жизнь немецкого народа сильно превосходит численную долю евреев в населении страны. При этом, насколько я могу судить, экономическое могущество немецких евреев сильно преувеличено. Еврейское влияние на прессу, литературу, науку Германии и в самом деле весьма значительно и бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Об этом озабоченно говорят также немцы, не относящие себя к антисемитам, и доводы их звучат вполне искренне. Они признают, что евреи представляют собой отличающуюся от немцев нацию, и оттого чувствуют, что растущее еврейское влияние угрожает их национальному самосознанию. Вероятно, процент евреев в Англии немногим ниже, чем в Германии. И все же английские евреи не оказывают такого влияния на британское общество и его культуру, как немецкие евреи в Германии. При этом евреям в Англии доступны самые высокие посты – там еврей может стать лордом главным судьей или вице-королем Индии<sup>2</sup>, тогда как в Германии подобное назначение еврея попросту немыслимо.

Во многих случаях антисемитизм диктуется политическими соображениями. Иными словами, зачастую принадлежность к политической партии показывает, станет ли тот или иной человек открыто декларировать антисемитизм. К примеру, если социалист по своим убеждениям антисемит, он не станет обнаруживать это ни словесно, ни в поведении, поскольку антисемитизм не соответствует программе его партии. Иное дело консерваторы – в их среде антисемитизм проистекает из желания разжечь и использовать в своих интересах те инстинкты, которые уже заложены в людях. В стране наподобие Англии,

---

<sup>2</sup> А. Эйнштейн имеет в виду Даниэля Исаака Руфуса (1860 — 1935). Выходец из семьи еврейских негоциантов, Руфус сделал великолепную карьеру и занимал в Великобритании высшие государственные должности: с 1910 г. — генеральный прокурор, в 1913 — 1920 гг. — лорд главный судья, в 1920 — 1926 гг. — вице-король Индии, т.е. глава британской колониальной администрации на полуострове Индостан. Проявлял интерес к сионизму. В 1926 г. стал председателем Палестинской электрической корпорации.

где еврейское влияние и, соответственно, реакция на него неевреев, проявляются слабее, существование древней, глубоко укоренившейся либеральной традиции препятствует быстрому росту антисемитизма. Я говорю это, не будучи знаком со страной. По сей день я ни разу не бывал в Англии, тем не менее отношение английских ученых и средств массовой информации к моей теории сами по себе весьма показательны. Если в Германии оценка моей теории, как правило, зависела от политической направленности газеты, отношение английских ученых доказало, что они руководствуются принципом объективности и в науке не подвержены влиянию политических пристрастий. Англичане – как я считаю нужным добавить – внесли огромный вклад в развитие науки и потому с особенной энергией и особенным успехом принялись за разбор теории относительности. В то время как антисемитизм в Америке принимает исключительно общественные формы, в Германии политический антисемитизм гораздо более заметен, чем общественный. Мне это видится так: национальная специфика евреев необходимо сказывается на их взаимоотношениях с неевреями. Вывод, который – на мой взгляд – евреи должны сделать из этого, заключается в том, чтобы полнее осознать свою специфику в стиле общественных отношений и признать свои заслуги в достижениях культуры. Прежде всего им следует продемонстрировать известный древний аристократизм, а не стремиться как можно скорее раствориться в нееврейском окружении – чего это окружение меньше всего хочет и ждет от них. С другой стороны, антисемитизм в Германии имеет последствия, которые с еврейской точки зрения можно только приветствовать. Я убежден, что антисемитизму немецкое еврейство в значительной мере обязано своим длительным существованием. Еврейская религиозная традиция, которая прежде препятствовала смешению евреев с неевреями и их интеграции в обществе, теряет свой авторитет под натиском растущего благосостояния и лучшего образования. Таким образом, это противодействие окружающей среды, называемое антисемитизмом, остается единственной причиной социального отъединения. Не будь этого противодействия, ассимиляция германских евреев давным-давно бы уже завершилась.

Все это я испытал на себе. Не считая последних семи лет, я жил в Швейцарии и совершенно не сознавал там своего еврейства. Ничто не задевало во мне какие-либо еврейские чувства, ничто не побуждало задумываться над тем, что я еврей. Но с переездом в Берлин все изменилось. Там я воочию увидел мытарства многих еврейских юно-

шей. Я увидел, как антисемитское окружение закрыло им доступ к систематическому образованию и препятствовало попыткам найти надежный источник средств к существованию. Это особенно сильно коснулось евреев – уроженцев Восточной Европы, которых постоянно преследовали. Я не верю, что в Германии их чересчур много, лишь в Берлине они достаточно заметны. Тем не менее их присутствие все настойчивее становится ключевым вопросом национальной жизни немцев. На митингах, конференциях, в печати поднялось движение за немедленную высылку или интернирование этой категории евреев. В качестве доводов в пользу этих жестоких требований ссылаются на нехватку жилья и экономическую депрессию. Ясно, что эти факты намеренно сделали орудием агитации с целью настроить общественное мнение против еврейских иммигрантов из Восточной Европы.

Этих восточноевропейских евреев сделали «козлами отпущения» – на них возложили ответственность за все экономические невзгоды сегодняшней Германии, тогда как на деле это – болезненные последствия войны. Вражда к этим несчастным беженцам, едва спасшимся из того ада, каким стала ныне Восточная Европа, превратилась в эффективное политическое оружие. Оно используется любым демагогом. Когда германское правительство принялось рассматривать радикальные меры в отношении еврейских иммигрантов из Восточной Европы, я выступил в защиту гонимых и указал в «Берлинер тагеблат» на всю антигуманность и безрассудство подобных мер. Вместе с несколькими коллегами, евреями и неевреями, я стал читать этим иммигрантам университетские курсы, и я должен сказать, что мы получили официальное признание и полную поддержку Министерства просвещения Германии<sup>3</sup>.

Подобные жизненные обстоятельства пробудили во мне национальное чувство. Я – еврей, но не в том смысле, что ставлю во главу угла задачу сохранения еврейской национальности наравне со всеми остальными. Я рассматриваю еврейскую национальность как некий

<sup>3</sup> Слова Эйнштейна ярко иллюстрирует относящаяся к тому же времени мемуарная запись историка Семена Марковича Дубнова:

«Ко мне являлись представители союза еврейских студентов, огромной армии учащихся из России и Польши, наполнявших высшие учебные заведения Германии. Они устраивали конференции с участием почетных гостей, вроде Эйнштейна и Эдуарда Бернштейна; иногда и я участвовал в таких собраниях. При всей своей организованности, студентам приходилось немало бедствовать. Пред моими глазами стоит картина-символ, виденная мною однажды в Берлине на Доротеенштрассе, близ университета. Среди толпы пешеходов и скучившихся на узкой улице автомобилей стоит бледный молодой человек с провинциальным иешиботским



факт и полагаю, что каждому еврею следует принимать этот факт во внимание. Я считаю необходимым развивать в себе еврейское самосознание, что в интересах нашего нормального сосуществования с неевреями. Именно это стало основным мотивом моего присоединения к сионистскому движению. Для меня сионизм не ограничивается движением за освоение земель Палестины. Еврейская нация – это неотъемлемая часть реальности, будь то в Палестине или в диаспоре, и еврейское национальное чувство должно жить повсюду, где бы ни находились евреи. Люди любого племени, любого народа – в условиях современности – должны сознавать свою племенную принадлежность, чтобы не утратить уникальности и моральной стойкости. Именно несокрушимая витальность американского еврейства отчетливо показала мне, насколько больны евреи Германии.

Мы живем в эпоху обостренного национализма – будучи малым народом, мы не можем не считаться с этим явлением. Но мой сионизм не исключает космополитических взглядов. Я верю в реальность еврейской нации и убежден, что у каждого еврея есть обязательства по отношению к своим соплеменникам. Смысл сионизма, конечно, многогранен. Он предоставляет возможность достойного существования тем евреям, которые претерпевают адские муки на Украине или испытывают экономический гнет в Польше. Репатриация евреев в Палестину и предоставление им здорового, нормального в экономическом отношении существования доказывает, что у сионизма есть эффективные методы, способные сослужить добрую службу всему человечеству. Но главное – сионизм укрепляет еврейское национальное самосознание, так необходимое для жизни евреев в диаспоре, а существование еврейского центра в Палестине придает им силы и моральную поддержку. Меня всегда коробил недостойный конформизм, который я замечал у многих людей своего круга.

Создавая в Палестине свободное еврейское сообщество, мы вновь предоставляем еврейскому народу возможность полно, без помех реализовать свой творческий потенциал. Будущий Еврейский университет в Иерусалиме и подобные ему учреждения не только приблизят

---

сундуком в руках, видимо растерявшийся в водовороте незнакомой ему столицы. Он, по-видимому, только что сошел с поезда железной дороги на вокзале Фридрихштрассе, куда прибывают все пришельцы из Восточной Европы, и, не зная, куда ему идти, направился к зданию университета. Я думал: вот он, тип старого иешиботника из России, идущий в европейскую высшую иешиву, германский университет, чтобы учиться и мучиться, — атавизм ряда поколений, рвавшихся наверх, к истокам знаний». [Дубнов, 2004. С. 540.]

национальное возрождение еврейского народа, но и позволят евреям внести свой вклад в духовную жизнь планеты на основе свободного партнерства.



Итак, в 1921 году Альберт Эйнштейн впервые посетил Америку. Вместе с ним приехали его вторая жена Эльза, Хаим Вейцман, в то время председатель Всемирной сионистской организации, Менахем Усышкин и Шмариягу Левин. Во все время этой поездки, которая продолжалась с 3 апреля по 30 мая, Эйнштейна постоянно сопровождал Шломо Гинцберг, тогда как другие сионистские деятели занимались своими делами и лишь изредка встречались с физиком<sup>4</sup>.

Гости прибыли на пароходе «Роттердам», и, пока корабль пришвартовывался к пристани, к нему подошла лодка с корреспондентами, которые спросили Вейцмана о теме его бесед с Эйнштейном во время плавания. Вейцман сказал, что «Эйнштейн часами растолковывал ему принципы теории относительности и что теперь он, Вейцман, убежден, что он, Эйнштейн, действительно разобрался в них». [Pais, 1994. P. 151.] Эйнштейн сошел с парохода, держа в одной руке вересковую трубку, а другой — прижимая к себе дорогую скрипку.

Встречать знатных гостей пришли тысячи евреев, торжественным строем прибыли бойцы Еврейского легиона. Американская газета «New-York Times» (3.04.1921) опубликовала заявление Эйнштейна:

Я не знаю другого такого общественного начинания, которое доставило бы мне столько радости, как предложение создать Еврейский университет в Иерусалиме. Учитывая традиционное уважение к знаниям, которое евреи, не растеряв, пронесли сквозь многовеко-

---

<sup>4</sup> Ср. признание Эйнштейна месяцем раньше: «Я вовсе не мечтаю ехать в Америку и делаю это только в интересах сионистов, которые вынуждены попрошайничать, чтобы на эти доллары построить учебные заведения в Иерусалиме, и для которых я выступаю в роли первосвященника и приманки... Но я делаю, что могу, из желания помочь моим соплеменникам, к которым повсюду так плохо относятся». [Из письма Морису Соловину, 8.03.1920. Цит. по: Calaprice, 2000. P. 126.]

вые тяготы, нам еще больше видеть, что столько талантливых сынов еврейского народа отрезано от высшего образования.

Те же газетные страницы сохранили его первое впечатление от встречи с Америкой: «Евреи, евреи, никого, кроме евреев. Впервые в жизни я увидел евреев как массу».

Поездка по Америке сопровождалась множеством торжественных церемоний и чтением лекций по физике. Так, 11 апреля в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке было устроено чествование Эйнштейна и Вейцмана за их вклад в дело сионизма, а несколькими днями позже Эйнштейн дал три лекции по теории относительности в Колумбийском университете и четыре — в Сити-Колледже (Нью-Йорк). Все лекции в тот свой приезд Эйнштейн читал по-немецки, говорить по-английски он в то время еще не умел, и встреча с президентом Америки Хардингом в Белом доме превратилась в пантомиму.

Эйнштейны посетили Чикаго, Бостон, Кливленд, и повсюду на вокзалах их встречала многотысячная толпа, и повсюду Эйнштейн читал лекции по физике и ему присуждали почетные университетские звания. И всякий раз он подчеркивал, как нуждается мировое еврейство в солидарности и в том, чтобы в Палестине был у евреев свой университет.

О том, как Альберт Эйнштейн помогал собирать деньги на будущий Еврейский университет в Иерусалиме, рассказал сопровождавший его Шломо Гинцберг — история невеселая, но поучительная.

\* \* \*

То было в 1921 году. Годом раньше сионистская конференция в Лондоне, первая после мировой войны, постановила немедленно приступить к созданию Еврейского университета и приняла его начальную программу (научно-исследовательские институты на иврите по физике, химии и биологии и отделение по изучению иудаики и востоковедения). К этой программе в 1921 году добавился институт экономики и юриспруденции как школа подготовки еврейских служащих (по настоянию Жаботинского, который прежде всего заботился о практической пользе университета). Встал вопрос о субсидировании этого предприятия. Тогда Керен га-Йесод (Основной фонд) только начинал

свою деятельность. Это был финансовый орган Сионистской организации, и казалось естественным, что задачу создания университета этот фонд возьмет на себя. И тут случилось неожиданное: с самого начала в этом вопросе обнаружилась двойственность позиции большинства сионистских активистов. С одной стороны, они признавали важность университета как части создания «национального очага» на Земле Израиля и видели в нем мощное средство для пропаганды сионизма, а с другой – опасались, что забота об университете отвлечет усилия и оттянет средства Керен га-Йесод от других, «более срочных», как они говорили, задач движения. После долгих прений нашли выход: был создан «Особый фонд университета в Основном фонде». *Особость* этого фонда понималась так, что в него смогут поступать средства из источников, закрытых для кассы сионизма, тогда как принадлежность к Основному фонду обеспечит сионистам решающую роль в будущем университете и увенчает их дополнительными лаврами. Так был определен первый бюджет Еврейского университета – 100 тысяч фунтов стерлингов в целом при 50 тысячах годовых, – который подавался, если того требовали обстоятельства, под вывеской Основного фонда.

С целью осуществления плана Основного фонда весной 1921 года в США отправилась делегация во главе с Хаимом Вейцманом, и к ней присоединился профессор Альберт Эйнштейн, чья роль заключалась в содействии именно «Особому фонду университета». Как известно, представители Керен га-Йесод потерпели в США фиаско из-за активного противодействия судьи Брандеса и его товарищей из сионистского руководства в Американских Штатах<sup>5</sup>. Группа Брандеса вела бесконечные переговоры с представителями Сионистской организации, но к согласию с ними не пришла. Однако в разгар напряженных диспутов Брандес и его сторонники с великим почетом приняли профессора Эйнштейна и всячески подчеркивали свой долг по отношению к Еврейскому университету. Судья Мак, как один из лидеров американской группы, рассмотрел возможность согласованной деятельности в пользу «Особого фонда университета». Я прекрасно помню нашу ра-

---

<sup>5</sup> Отголоски этого раскола можно различить в извещении о предстоящем визите Эйнштейна в Палестину: «В Иерусалиме ждут приезда профессора Эйнштейна в ближайшие дни. Его там будут интересоваться исключительно дела Еврейского университета, он также прочтет несколько лекций». [«Га-олам», № 3, 31.01.1923, с. 58.] Но усилия Эйнштейна не пропали даром: менее чем через два года «группа Брандеса внесла 120 тыс. долларов в “Фонд университета” и 105 тыс. долларов — в проект Рутенберга» [там же, № 4, 7.02.1923, с. 75].

дость, когда мы подписали с ним договор о совместных шагах и получили от него подтверждение в готовности американской стороны осуществлять эти шаги на деле. И тут буквально на следующий день пришло разочарование: судья Мак заявил, что в момент подписания договора не обратил внимания на официальное название «Особый фонд университета в Основном фонде», и теперь он обязан аннулировать договор, если из названия нашей стороны не будут убраны подчеркнутые слова. Создатели фонда не могли с этим согласиться. И так – считай, из-за заголовка – успех Эйнштейна был «заморожен». Тем временем д-р Вейцман и его товарищи отправились в поездки по США с целью сбора средств на Основной фонд, а задачи «Особого фонда университета» отошли на задний план. Когда Эйнштейна пригласили в Чикаго и случайно оказалось, что он прибыл туда раньше, чем представители Керен га-Йесод, выяснилось, что местные активисты никак не подготовились к его приезду, и все дело сорвалось. Когда я стал выражать протест по этому поводу, мне было сказано: «Мы не хотели, чтобы Эйнштейн собрал тут деньги, предназначенные для Вейцмана». Правду сказать, университет был для Основного фонда не дочкой, а падчерицей, но даже и это отдаленное родство смогло обесценить идею университета в глазах противников Вейцмана. Вроде бы хотели предложить университету целых два стула, а он провалился в яму между ними. [«Га-арец», 9.03.1945.]

\* \* \*

Весной 1921 года, когда делегация во главе с д-ром Вейцманом отправилась в США, чтобы открыть там филиал Керен га-Йесод, к ней присоединился профессор Альберт Эйнштейн, пекшийся о будущем Еврейском университете, и я, пишущий эти строки, который тогда был секретарем университетской комиссии. <...> Эйнштейн находился тогда в зените славы. Если память мне не изменяет, незадолго до того он получил Нобелевскую премию и был всемирно известен как физик<sup>6</sup>. Его имя делалось все более и более популярным, после того как

---

<sup>6</sup> Мемуарист ошибся. Телеграмма, извещавшая, что Эйнштейну присуждена Нобелевская премия по физике, пришла на его берлинский адрес уже после поездки в США, в ноябре 1922 г., когда он с женой находился на борту парохода по пути в Японию, поэтому Эйнштейн не смог прибыть в Стокгольм для получения награды. За него медаль и диплом лауреата получил на церемонии Нильс Бор, а денежное вознаграждение от Нобелевского комитета — 32 тысячи долларов — Эйнштейн целиком передал своей первой жене Милеве Марич и оставшимся с нею двум их сыновьям.

его астрономическое предсказание, основанное на теории относительности, подтвердилось затмением солнца. Он не был сионистом, но его щедрая отзывчивость на благородное дело дала толчок к последующей заинтересованности сионизмом вообще и еврейским университетом в частности. <...>

Тем временем профессор Эйнштейн сделался большим поклонником д-ра Вейцмана – и в личном плане, и как общественного лидера. Как-то на сионистском митинге, где его настойчиво просили выступить, он встал и заявил: «У вас есть один лидер – Вейцман; вот и идите за ним». В этом состояла вся его «речь». Как бы то ни было, раскол по поводу Керен га-Йесод пагубно отразился на «Особом фонде университета», и хотя Эйнштейна все любили и почитали и в США куда только не звали с визитами, когда сам он пригласил несколько десятков важных гостей, чтобы за чашкой чая потолковать о еврейском университете, откликнулись единицы. Нет сомнения, что выступления Эйнштейна в пользу университета сильно повысили авторитет этого начинания в глазах самых широких кругов, однако единственным практическим результатом его поездки в США было создание Комитета врачей, заботой которого стал сбор средств для будущего медицинского факультета... [«Еврейскому университету в Иерусалиме 25 лет: 1925 — 1950». Иерусалим, 1949.]

\* \* \*

По возвращении в Берлин Эйнштейн подвел итог поездки в частном письме:

...Сионизм и вправду являет собой новый еврейский идеал, то, что способно дать еврейскому народу новую радость бытия. <...>  
Я рад, что принял предложение Вейцмана. [18.06.1921. Архив А. Эйнштейна, ед. хр. 9 - 561.]

27 июня 1921 года Эйнштейн выступил на сионистском митинге в Берлине и высказал свой взгляд на роль «национального очага» и национального университета. Сохранились две версии этого выступления — конспект устной речи и ее подготовленный для печати, расширенный вариант, опубликованный в «Jüdische Rundschau» (1.07.1921). Вот эта публикация:

## О еврейской Палестине<sup>7</sup>

Еврейское строительство в Палестине для нас, евреев, не просто филантропический акт или освоение новых земель, это – дело перво-степенного значения для еврейского народа. Палестина не просто убежище для восточноевропейских евреев, но в первую очередь символ вновь пробудившегося чувства национального единства. Своевременно ли и нужно ли укреплять нашу еврейскую солидарность? Я на этот вопрос отвечаю без тени колебаний: да, и мой ответ продиктован не только эмоциями, но и рациональными соображениями.

Давайте обратимся к истории евреев Германии на протяжении последнего столетия. Сто лет назад наши предки за очень малым исключением все еще обитали в культурном гетто. Они были бедны, политически пассивны и отгорожены от неевреев барьером религиозных традиций, иного образа жизни и дискриминационных законов. Их духовное развитие ограничивалось их собственной литературой, его почти не затронул небывалый интеллектуальный подъем, охвативший Европу, начиная с эпохи Возрождения. Однако в *одном* отношении эти люди, как бы ни был убог их удел, имели перед нами явное преимущество: каждый из них всеми фибрами души был привязан к общине, которая, в свою очередь, полностью брала его под свое крыло. В общине каждый чувствовал себя своим, там никто не требовал от человека жить вразрез со своими убеждениями. Наши предки были обездолены и материально, и интеллектуально, но как социальный организм они являли собой завидный образец психологической стабильности. Затем пришла пора эмансипации. Неожиданно перед индивидуумом открылись такие возможности для развития, какие ему и во сне не снились. Отдельные евреи быстро выдвинулись и заняли ключевые позиции в экономической и общественной жизни. Они жадно впитывали великолепнейшие произведения западного искусства и достижения западной науки. Страстно устремились они в общий процесс творческого поиска, созидая непреходящие ценности, которые были необходимы и им самим. Это сопровождалось усвоением внешнего, нееврейского образа жизни, этических принципов и мышления. Евреи все более и более удалялись от религиозных и социальных традиций

---

<sup>7</sup> A. Einstein. On A Jewish Palestine. Printed version of the speech (final version). In: The Collected Papers of A. Einstein in the Hebrew University of Jerusalem. English translations of selected texts. V. 7. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 2002. P. 243 — 245. Перевод Ю. Миллер.

своего прошлого. Казалось, они полностью растворились в окружающих народах, превосходивших их численно и более совершенной политической и культурной организацией, и через несколько поколений евреи станут попросту неразличимы. Полное исчезновение еврейского национального своеобразия («Volkstum») в Центральной и Западной Европе представлялось неизбежным.

Однако все сложилось иначе. Похоже, в нациях с ярко выраженной расовой индивидуальностью существуют инстинкты, препятствующие растворению. Языковая, бытовая и до некоторой степени даже религиозная адаптация евреев к соответствующим нормам окружающих европейских народов не уничтожила атмосферы отчужденности, которую окружение испытывает к евреям. Следствием этой адаптации стал антисемитизм, корни которого в непосредственной реакции на еврея как на чужака, а очистить мир от чужаков, как известно, посредством продиктованного лишь добрыми намерениями давления невозможно. Нации не желают смешиваться; каждая хочет идти своим путем. Удовлетворительного сосуществования можно достигнуть только при условии взаимной терпимости и уважения.

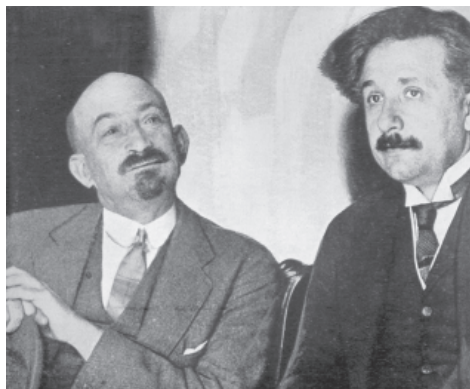
Для осуществления данной цели чрезвычайно важно, чтобы мы, евреи, снова осознали свою национальную принадлежность и вновь обрели то самоуважение, без которого немислимо наше полноценное существование. Мы должны заново научиться видеть себя потомками древних праотцев и своей истории и, осознав себя народом, должны поставить перед собой такие культурные задачи, которые укрепили бы в нас чувство солидарности. Недостаточно, если каждый сам по себе участвует в мировом культурном процессе, – необходимо приступить к такой работе, которая выполняема только усилиями всей нации. Это единственный путь к тому, чтобы еврейство вновь стало общиной.

Именно с этих позиций я призываю вас посмотреть на сионистское движение. Сегодня история диктует нам необходимость включиться в экономическое и культурное восстановление страны наших предков. Вдохновенные и высоко одаренные люди заложили фундамент этой работы, и много замечательных людей готовы посвятить ей свои жизни. Пусть каждый из вас проникнется значимостью этого подвижничества и содействует ему всем, чем только может.

А теперь мне хотелось бы кое-что рассказать о пережитом в последние месяцы, во время поездки по Америке, которую я совершил в услугу Сионистской организации специально ради создания университета в Иерусалиме. Самым сильным впечатлением оказалась встреча



с еврейским народом, который я увидел впервые в жизни. Дамы и господа! Я повидал невероятно много евреев (смех в зале), но ни в Берлине, ни в любом другом уголке Германии мне никогда не доводилось сталкиваться с еврейским народом. Тот еврейский народ, который я увидел в Америке, прибыл туда из России и Польши, вообще из Восточной Европы. Эти мужчины и женщины все еще сохраняют здоровое национальное чувство, по сию пору не уничтоженное процессом дробления, превращающим народ в изолированные одиночки. Я обнаружил, что они полностью готовы к самопожертвованию и практическому созиданию. Например, в небывало короткий срок они сумели собрать необходимые средства для будущего университета в Иерусалиме – по крайней мере, для его медицинского факультета. Я обнаружил также, что в подавляющем большинстве это представители среднего класса и даже совсем простые люди, а не те, кто обладает общественным положением или одарен особыми талантами. Именно в их среде лучше всего сохранилось здоровое чувство принадлежности к единому целому и готовность к самопожертвованию. Там, в США, у меня создалось впечатление, что, если мы сумеем построить в Палестине национальный еврейский центр, мы тем самым обретем новый интеллектуальный центр, и вот тогда-то ощущение собственной изоляции исчезнет, хотя большинство из нас по-прежнему останется рассеянным по всем странам. Именно такого целительного животворящего эффекта я ожидаю от возрождения Палестины.



Хаим Вейцман и Альберт Эйнштейн  
в США, апрель 1921 года.

Эйнштейн использовал любую возможность пропагандировать идею Еврейского университета, неутомимо разъясняя задачи и цели этого беспрецедентного в истории научного и учебного центра. Вот лишь одно из его выступлений, опубликованное в еврейской газете «Jüdische Pressezentrale Zürich» (26.08.1921), выходящей на немецком языке в Цюрихе:

### О создании Еврейского университета в Иерусалиме<sup>8</sup>

Создание Еврейского университета в Палестине диктуется как необходимое двумя соображениями. Во-первых, еврейское отечество в Палестине просто невысказимо без университета. Бактериологические и иные исследования насущны для обеспечения здоровья населению страны. Подготовка, а также последующая интеллектуальная поддержка врачей, особенно тех, кто уже ознакомился со страной, и обеспечение их медикаментами, необходимы. Для сельского хозяйства не менее необходимы практические химические исследования почвы и растений. Это станет частью факультета естествознания. С целью предоставить этим научным институтам свободу и независимость, необходимо развивать теоретическую физику и химию, а это уже почти комплектуется философский факультет, коль скоро речь идет о науках о природе. Ясно, что не менее важны институты гуманитарных исследований, особенно в области истории, еврейской культуры и Ближнего Востока в целом, а в частности – языка иврит, – и все это с целью пропаганды знаний об этой стране и предоставить в распоряжение живущих в ней людей центр интеллектуальной деятельности. Вряд ли можно себе представить широкомасштабное еврейское освоение Палестины без подобного интеллектуального центра. Очевидно также, что эти специфические задачи – если подходить к ним по-научному – требуют в качестве базы развития философии, археологии и т.д. Все, мною сказанное, кратко суммирует то, что требуется для развития страны, учитывая создание современной научной терминологии на иврите.

Еврейский университет в Палестине обязан иметь национальный характер, и в этом смысле языком преподавания, как правило, должен быть иврит, а языковые трудности на первых порах будут преодо-

<sup>8</sup> A. Einstein. On the Founding of the Hebrew University in Jerusalem. In: Ibid, p. 248 — 249.

лены благодаря тому, что в первые годы это будет в основном исследовательское предприятие, без классных занятий, особенно в том, что касается естественных наук.

Второй главнейшей задачей Еврейского университета в Палестине должно быть предоставление возможности для занятий еврейской молодежи из Восточной Европы, поскольку очень многие одаренные евреи оказались сегодня вне всякой возможности соприкоснуться с исследованиями академического уровня. Я убедился, что огромное число евреев из Восточной Европы, которые во всех отношениях способны к занятиям в университете, тщетно пытались поступить в высшие учебные заведения Центральной Европы, и полагаю, что на всех нас лежит почетная обязанность протянуть им руку помощи. Мы даже надеемся, что Еврейский университет в Палестине выйдет на столь высокий уровень, что еврейские студенты диаспоры захотят учиться и работать здесь по собственному желанию, а не только вынужденные обстоятельствами.

Я верю, что, создавая процветающий Еврейский университет международного класса, мы поможем многим преуспевающим еврейским интеллектуалам преодолеть постыдную тенденцию скрывать свое еврейство и отрицать свою групповую принадлежность. По моему убеждению, это явление отнюдь не всегда связано с недостатком твердости характера, а скорее коренится в том, что индивидуум более подвержен влиянию своего нееврейского окружения – особенно если в его среде доминируют антисемитские настроения.

Всю свою жизнь я считал своим священным долгом оказывать любую посильную помощь делу создания и процветания Еврейского университета в Палестине, причем это началось не сегодня, когда университет наконец обретает реальность. И я знаю, что многие еврейские ученые думают и чувствуют, как я. Широко известная и ценимая газета «*Jüdische Pressezentrale Zürich*» заслуживает особой признательности после многих выступлений в защиту еврейских интересов. Эта популярная и влиятельная газета заслужит еще большую благодарность, если пробудит в широкой публике интерес и внимание к предмету и убедит читателей делать добровольные пожертвования в пользу Еврейского университета в Иерусалиме.



В том же 1921 году Эйнштейну довелось неоднократно пропагандировать программу будущего Еврейского университета. Вот одно из его выступлений.

\* \* \*

Еврейский университет в Иерусалиме следует организовать таким образом, чтобы он отвечал потребностям страны в научно-исследовательских учреждениях. На первых порах он не в силах конкурировать с полностью укомплектованными университетами Запада. Он должен начать свою работу с некоего числа исследовательских институтов, занятых изучением природных условий Палестины. Первым следует создать сельскохозяйственный институт, затем, скорее всего, – химический. Эти центры должны находиться в самой тесной связи с экспериментальными станциями и агрономическими школами – как существующими, так и теми, что еще появятся. Затем необходим микробиологический институт, чьи сотрудники займутся поисками методов борьбы с эпидемическими заболеваниями в Палестине. В числе одного из первых мы также должны предусмотреть институт востоковедения, который займется исследованием страны, ее исторических памятников, иврита и арабского языка (возможно, и других языков Востока). Эти институты заложат основу научно-исследовательской работы в Палестине.

Сегодня потребность в профессорах и лекторах не столь актуальна. Действительно, не стоит подталкивать еврейское население Палестины – малочисленное, но все же растущее – к старой ошибке одностороннего увлечения свободными профессиями и интеллектуальной деятельностью. Наоборот, надо добиваться нормального профессионального состава еврейского населения. Только с ростом населения может расти университет. Постепенно он включит в сферу своей деятельности помимо чисто исследовательской работы и педагогическую. Одновременно следует привлечь к занятиям в Еврейском университете еврейских студентов разных стран. Насколько это следует поощрять в первую пору существования университета – проблема, требующая особого рассмотрения.

Однако во всяком случае можно надеяться, что с течением времени Еврейский университет в Иерусалиме превратится в центр еврейской интеллектуальной жизни, представляющей ценность не только для евреев. (Перевод с английского Ю. Миллер.)

# Альберт Эйнштейн пропагандирует создание Еврейского университета в Иерусалиме

Многие сионистские деятели утверждали, что идея создания еврейского университета в Палестине впервые была высказана ими, тем не менее принято считать, что она принадлежит профессору Гейдельбергского университета, математику Герману Шапира (1840 — 1898) и была публично высказана им в статье 1882 года. К этой идее многократно возвращались на сионистских собраниях, конференциях и конгрессах, пока наконец в 1913 году на 11-м Сионистском конгрессе в Вене не была утверждена комиссия для осуществления этого проекта, однако Первая мировая война лишила комиссию возможности развернуть свою деятельность.

Закладка краеугольного камня Еврейского университета в Иерусалиме превратилась в торжественную церемонию, состоявшуюся на исходе дня 15 ава (24 июля) 1918 года. Решено было заложить 12 камней — по числу колен Израилевых, но так много лиц и организаций еврейской Палестины претендовали на эту честь, что в результате заложили 14 камней. Первый камень — от имени еврейского народа — положил Хаим Вейцман, второй, от имени Его Величества короля Великобритании Георга V и английского правительства, — генерал Алленби. Впечатления того дня сохранились в памяти Эдвина Сэмюэла, сына сэра Герберта Сэмюэла, Верховного комиссара мандатных властей в Палестине:

Одним из грандиозных событий того времени стала закладка краеугольных камней Еврейского университета на горе Скопус в Иерусалиме. То была мечта, рожденная еще на заре сионизма, — Еврейский университет на Земле Обетованной, где обучение идет снова на святом языке. В 1918 году война все еще шла на всех фронтах. Пока генерал Алленби и Вейцман опускали свои камни в окружении огромной толпы, которая пешком устремлялась вверх на гору, мы могли слышать, как британские и турецкие орудия яростно гремят где-то милях в пятнадцати к северу от нас. Эта церемония и в самом деле была проявлением неколебимой веры. [Samuel, 1970. P. 39.]

Однако для открытия университета предстояло еще многое сделать, в первую очередь выработать программу будущего учебного заведения и найти средства, необходимые для его постройки и обеспечения. В начале сентября 1919 года на сионистской конференции в Лондоне Хуго Бергман представил свою программу Еврейского университета, которая несколько позже увлекла и Эйнштейна. Вот ее основные пункты:

- а) Обеспечить высокий научный уровень будущего университета.
- б) Печься прежде всего о потребностях Земли Израиля, принимая в расчет ее нужды для дальнейшего развития.
- в) Удовлетворить, с оглядкой на задачи, упомянутые в предыдущем пункте, стремление еврейской молодежи, в первую очередь жителей Земли Израиля, к овладению наукой и к высшему образованию.
- г) Поднять культурный уровень еврейского населения Палестины и тем самым содействовать формированию ивритской национальной цивилизации на демократической основе. [Lavsky, 1997. P. 128.]

Альберт Эйнштейн решил внести в это благородное начинание свою лепту. Биограф Эйнштейна Абрахам Пайс так реконструирует настроения и обстоятельства, побудившие известного уже физика включиться в практическую деятельность сионистов:

Я уверен, что, сознавая себя в первую очередь ученым, Эйнштейн на второе место ставил свою принадлежность к евреям, причем

важность этого чувства с годами возрастала. Это национальное самосознание не имело религиозного подтекста. В 1924 году он стал членом иудаистской общины в Берлине и исправно платил взносы, но для него это было всего лишь актом солидарности. По мнению Эйнштейна, сионизм был прежде всего формой стремления обрести человеческое достоинство.

Больше других пробуждению национального сознания Эйнштейна способствовал Курт Блюменфельд, с 1910 по 1914 г. генеральный секретарь находившегося тогда в Берлине Исполкома Всемирной сионистской организации, а с 1924 по 1933 г. — президент Союза немецких сионистов. Бен-Гурион назвал его величайшим революционером духа в движении сионистов. Он принадлежал к седьмому поколению неассимилировавшихся немецких евреев. В превосходном очерке Блюменфельд писал о своих беседах с Эйнштейном в 1919 г., о стараниях «открыть то, что спрятано в каждом человеке, а не стараться внушить что-то несвойственное его натуре». Именно ему Эйнштейн не раз поручал подготовку своих заявлений по различным вопросам сионизма. Именно Блюменфельду удалось убедить Эйнштейна поехать с Вейцманом в Соединенные Штаты (в апреле — мае 1921 г.) с целью сбора средств для планируемого «Еврейского университета». [Пайс, 1989. С. 302 — 303.]

Мнение самого Эйнштейна по данному вопросу сохранилось в публикации еврейско-немецкой газеты «Jüdische Rundschau» (21.06.1921), которая, как там указывалось, была воспроизведением интервью, данного Эйнштейном одной из американских газет во время поездки в США. Вот этот материал:

### Как я стал сионистом<sup>1</sup>

Всего одним поколением раньше евреи Германии не считали, что принадлежат к еврейскому народу. Они ощущали себя лишь членами некой религиозной общины, и многие из них и по сей день придер-

<sup>1</sup> How I became a Zionist. In: The Collected Papers of A. Einstein in the Hebrew University of Jerusalem. English translations of selected texts. V. 7. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 2002. P. 234 — 237. Перевод Ю. Миллер.

живаются такой точки зрения. По сути, они значительно более ассимилированы, чем русские евреи. Они окончили смешанные школы и тем подготовили себя к немецкой национальной и культурной жизни. Однако, несмотря на официально декларируемое политическое равноправие, в Германии существует сильный общественный антисемитизм. Сторонниками антисемитских движений являются в первую очередь образованные слои немецкого общества, и одна из причин выбранной ими позиции в том, что влияние евреев на интеллектуальную жизнь немецкого народа сильно превосходит численную долю евреев в населении страны. При этом, насколько я могу судить, экономическое могущество немецких евреев сильно преувеличено. Еврейское влияние на прессу, литературу, науку Германии и в самом деле весьма значительно и бросается в глаза даже самому поверхностному наблюдателю. Об этом озабоченно говорят также немцы, не относящие себя к антисемитам, и доводы их звучат вполне искренне. Они признают, что евреи представляют собой отличающуюся от немцев нацию, и оттого чувствуют, что растущее еврейское влияние угрожает их национальному самосознанию. Вероятно, процент евреев в Англии немногим ниже, чем в Германии. И все же английские евреи не оказывают такого влияния на британское общество и его культуру, как немецкие евреи в Германии. При этом евреям в Англии доступны самые высокие посты – там еврей может стать лордом главным судьей или вице-королем Индии<sup>2</sup>, тогда как в Германии подобное назначение еврея попросту немыслимо.

Во многих случаях антисемитизм диктуется политическими соображениями. Иными словами, зачастую принадлежность к политической партии показывает, станет ли тот или иной человек открыто декларировать антисемитизм. К примеру, если социалист по своим убеждениям антисемит, он не станет обнаруживать это ни словесно, ни в поведении, поскольку антисемитизм не соответствует программе его партии. Иное дело консерваторы – в их среде антисемитизм проистекает из желания разжечь и использовать в своих интересах те инстинкты, которые уже заложены в людях. В стране наподобие Англии,

---

<sup>2</sup> А. Эйнштейн имеет в виду Даниэля Исаака Руфуса (1860 — 1935). Выходец из семьи еврейских негоциантов, Руфус сделал великолепную карьеру и занимал в Великобритании высшие государственные должности: с 1910 г. — генеральный прокурор, в 1913 — 1920 гг. — лорд главный судья, в 1920 — 1926 гг. — вице-король Индии, т.е. глава британской колониальной администрации на полуострове Индостан. Проявлял интерес к сионизму. В 1926 г. стал председателем Палестинской электрической корпорации.



где еврейское влияние и, соответственно, реакция на него неевреев, проявляются слабее, существование древней, глубоко укоренившейся либеральной традиции препятствует быстрому росту антисемитизма. Я говорю это, не будучи знаком со страной. По сей день я ни разу не бывал в Англии, тем не менее отношение английских ученых и средств массовой информации к моей теории сами по себе весьма показательны. Если в Германии оценка моей теории, как правило, зависела от политической направленности газеты, отношение английских ученых доказало, что они руководствуются принципом объективности и в науке не подвержены влиянию политических пристрастий. Англичане – как я считаю нужным добавить – внесли огромный вклад в развитие науки и потому с особенной энергией и особенным успехом принялись за разбор теории относительности. В то время как антисемитизм в Америке принимает исключительно общественные формы, в Германии политический антисемитизм гораздо более заметен, чем общественный. Мне это видится так: национальная специфика евреев необходимо сказывается на их взаимоотношениях с неевреями. Вывод, который – на мой взгляд – евреи должны сделать из этого, заключается в том, чтобы полнее осознать свою специфику в стиле общественных отношений и признать свои заслуги в достижениях культуры. Прежде всего им следует продемонстрировать известный древний аристократизм, а не стремиться как можно скорее раствориться в нееврейском окружении – чего это окружение меньше всего хочет и ждет от них. С другой стороны, антисемитизм в Германии имеет последствия, которые с еврейской точки зрения можно только приветствовать. Я убежден, что антисемитизму немецкое еврейство в значительной мере обязано своим длительным существованием. Еврейская религиозная традиция, которая прежде препятствовала смешению евреев с неевреями и их интеграции в обществе, теряет свой авторитет под натиском растущего благосостояния и лучшего образования. Таким образом, это противодействие окружающей среды, называемое антисемитизмом, остается единственной причиной социального отъединения. Не будь этого противодействия, ассимиляция германских евреев давным-давно бы уже завершилась.

Все это я испытал на себе. Не считая последних семи лет, я жил в Швейцарии и совершенно не сознавал там своего еврейства. Ничто не задевало во мне какие-либо еврейские чувства, ничто не побуждало задумываться над тем, что я еврей. Но с переездом в Берлин все изменилось. Там я воочию увидел мытарства многих еврейских юно-

шей. Я увидел, как антисемитское окружение закрыло им доступ к систематическому образованию и препятствовало попыткам найти надежный источник средств к существованию. Это особенно сильно коснулось евреев – уроженцев Восточной Европы, которых постоянно преследовали. Я не верю, что в Германии их чересчур много, лишь в Берлине они достаточно заметны. Тем не менее их присутствие все настойчивее становится ключевым вопросом национальной жизни немцев. На митингах, конференциях, в печати поднялось движение за немедленную высылку или интернирование этой категории евреев. В качестве доводов в пользу этих жестоких требований ссылаются на нехватку жилья и экономическую депрессию. Ясно, что эти факты намеренно сделали орудием агитации с целью настроить общественное мнение против еврейских иммигрантов из Восточной Европы.

Этих восточноевропейских евреев сделали «козлами отпущения» – на них возложили ответственность за все экономические невзгоды сегодняшней Германии, тогда как на деле это – болезненные последствия войны. Вражда к этим несчастным беженцам, едва спасшимся из того ада, каким стала ныне Восточная Европа, превратилась в эффективное политическое оружие. Оно используется любым демагогом. Когда германское правительство принялось рассматривать радикальные меры в отношении еврейских иммигрантов из Восточной Европы, я выступил в защиту гонимых и указал в «Берлинер тагеблат» на всю антигуманность и безрассудство подобных мер. Вместе с несколькими коллегами, евреями и неевреями, я стал читать этим иммигрантам университетские курсы, и я должен сказать, что мы получили официальное признание и полную поддержку Министерства просвещения Германии<sup>3</sup>.

Подобные жизненные обстоятельства пробудили во мне национальное чувство. Я – еврей, но не в том смысле, что ставлю во главу угла задачу сохранения еврейской национальности наравне со всеми остальными. Я рассматриваю еврейскую национальность как некий

<sup>3</sup> Слова Эйнштейна ярко иллюстрирует относящаяся к тому же времени мемуарная запись историка Семена Марковича Дубнова:

«Ко мне являлись представители союза еврейских студентов, огромной армии учащихся из России и Польши, наполнявших высшие учебные заведения Германии. Они устраивали конференции с участием почетных гостей, вроде Эйнштейна и Эдуарда Бернштейна; иногда и я участвовал в таких собраниях. При всей своей организованности, студентам приходилось немало бедствовать. Перед моими глазами стоит картина-символ, виденная мною однажды в Берлине на Доротеенштрассе, близ университета. Среди толпы пешеходов и скучившихся на узкой улице автомобилей стоит бледный молодой человек с провинциальным иешиботским

факт и полагаю, что каждому еврею следует принимать этот факт во внимание. Я считаю необходимым развивать в себе еврейское самосознание, что в интересах нашего нормального сосуществования с неевреями. Именно это стало основным мотивом моего присоединения к сионистскому движению. Для меня сионизм не ограничивается движением за освоение земель Палестины. Еврейская нация – это неотъемлемая часть реальности, будь то в Палестине или в диаспоре, и еврейское национальное чувство должно жить повсюду, где бы ни находились евреи. Люди любого племени, любого народа – в условиях современности – должны сознавать свою племенную принадлежность, чтобы не утратить уникальности и моральной стойкости. Именно несокрушимая витальность американского еврейства отчетливо показала мне, насколько больны евреи Германии.

Мы живем в эпоху обостренного национализма – будучи малым народом, мы не можем не считаться с этим явлением. Но мой сионизм не исключает космополитических взглядов. Я верю в реальность еврейской нации и убежден, что у каждого еврея есть обязательства по отношению к своим соплеменникам. Смысл сионизма, конечно, многогранен. Он предоставляет возможность достойного существования тем евреям, которые претерпевают адские муки на Украине или испытывают экономический гнет в Польше. Репатриация евреев в Палестину и предоставление им здорового, нормального в экономическом отношении существования доказывает, что у сионизма есть эффективные методы, способные сослужить добрую службу всему человечеству. Но главное – сионизм укрепляет еврейское национальное самосознание, так необходимое для жизни евреев в диаспоре, а существование еврейского центра в Палестине придает им силы и моральную поддержку. Меня всегда коробил недостойный конформизм, который я замечал у многих людей своего круга.

Создавая в Палестине свободное еврейское сообщество, мы вновь предоставляем еврейскому народу возможность полно, без помех реализовать свой творческий потенциал. Будущий Еврейский университет в Иерусалиме и подобные ему учреждения не только приблизят

---

сундуком в руках, видимо растерявшийся в водовороте незнакомой ему столицы. Он, по-видимому, только что сошел с поезда железной дороги на вокзале Фридрихштрассе, куда прибывают все пришельцы из Восточной Европы, и, не зная, куда ему идти, направился к зданию университета. Я думал: вот он, тип старого иешиботника из России, идущий в европейскую высшую иешиву, германский университет, чтобы учиться и мучиться, — атавизм ряда поколений, рвавшихся наверх, к истокам знаний». [Дубнов, 2004. С. 540.]

национальное возрождение еврейского народа, но и позволят евреям внести свой вклад в духовную жизнь планеты на основе свободного партнерства.



Итак, в 1921 году Альберт Эйнштейн впервые посетил Америку. Вместе с ним приехали его вторая жена Эльза, Хаим Вейцман, в то время председатель Всемирной сионистской организации, Менахем Усышкин и Шмариягу Левин. Во все время этой поездки, которая продолжалась с 3 апреля по 30 мая, Эйнштейна постоянно сопровождал Шломо Гинцберг, тогда как другие сионистские деятели занимались своими делами и лишь изредка встречались с физиком<sup>4</sup>.

Гости прибыли на пароходе «Роттердам», и, пока корабль пришвартовывался к пристани, к нему подошла лодка с корреспондентами, которые спросили Вейцмана о теме его бесед с Эйнштейном во время плавания. Вейцман сказал, что «Эйнштейн часами растолковывал ему принципы теории относительности и что теперь он, Вейцман, убежден, что он, Эйнштейн, действительно разобрался в них». [Pais, 1994. P. 151.] Эйнштейн сошел с парохода, держа в одной руке вересковую трубку, а другой — прижимая к себе дорогую скрипку.

Встречать знатных гостей пришли тысячи евреев, торжественным строем прибыли бойцы Еврейского легиона. Американская газета «New-York Times» (3.04.1921) опубликовала заявление Эйнштейна:

Я не знаю другого такого общественного начинания, которое доставило бы мне столько радости, как предложение создать Еврейский университет в Иерусалиме. Учитывая традиционное уважение к знаниям, которое евреи, не растеряв, пронесли сквозь многовеко-

---

<sup>4</sup> Ср. признание Эйнштейна месяцем раньше: «Я вовсе не мечтаю ехать в Америку и делаю это только в интересах сионистов, которые вынуждены попрошайничать, чтобы на эти доллары построить учебные заведения в Иерусалиме, и для которых я выступаю в роли первосвященника и приманки... Но я делаю, что могу, из желания помочь моим соплеменникам, к которым повсюду так плохо относятся». [Из письма Морису Соловину, 8.03.1920. Цит. по: Calaprice, 2000. P. 126.]

вые тяготы, нам еще больше видеть, что столько талантливых сынов еврейского народа отрезано от высшего образования.

Те же газетные страницы сохранили его первое впечатление от встречи с Америкой: «Евреи, евреи, никого, кроме евреев. Впервые в жизни я увидел евреев как массу».

Поездка по Америке сопровождалась множеством торжественных церемоний и чтением лекций по физике. Так, 11 апреля в «Метрополитен-опера» в Нью-Йорке было устроено чествование Эйнштейна и Вейцмана за их вклад в дело сионизма, а несколькими днями позже Эйнштейн дал три лекции по теории относительности в Колумбийском университете и четыре — в Сити-Колледже (Нью-Йорк). Все лекции в тот свой приезд Эйнштейн читал по-немецки, говорить по-английски он в то время еще не умел, и встреча с президентом Америки Хардингом в Белом доме превратилась в пантомиму.

Эйнштейны посетили Чикаго, Бостон, Кливленд, и повсюду на вокзалах их встречала многотысячная толпа, и повсюду Эйнштейн читал лекции по физике и ему присуждали почетные университетские звания. И всякий раз он подчеркивал, как нуждается мировое еврейство в солидарности и в том, чтобы в Палестине был у евреев свой университет.

О том, как Альберт Эйнштейн помогал собирать деньги на будущий Еврейский университет в Иерусалиме, рассказал сопровождавший его Шломо Гинцберг — история невеселая, но поучительная.

\* \* \*

То было в 1921 году. Годом раньше сионистская конференция в Лондоне, первая после мировой войны, постановила немедленно приступить к созданию Еврейского университета и приняла его начальную программу (научно-исследовательские институты на иврите по физике, химии и биологии и отделение по изучению иудаики и востоковедения). К этой программе в 1921 году добавился институт экономики и юриспруденции как школа подготовки еврейских служащих (по настоянию Жаботинского, который прежде всего заботился о практической пользе университета). Встал вопрос о субсидировании этого предприятия. Тогда Керен га-Йесод (Основной фонд) только начинал

свою деятельность. Это был финансовый орган Сионистской организации, и казалось естественным, что задачу создания университета этот фонд возьмет на себя. И тут случилось неожиданное: с самого начала в этом вопросе обнаружилась двойственность позиции большинства сионистских активистов. С одной стороны, они признавали важность университета как части создания «национального очага» на Земле Израиля и видели в нем мощное средство для пропаганды сионизма, а с другой – опасались, что забота об университете отвлечет усилия и оттянет средства Керен га-Йесод от других, «более срочных», как они говорили, задач движения. После долгих прений нашли выход: был создан «Особый фонд университета в Основном фонде». *Особость* этого фонда понималась так, что в него смогут поступать средства из источников, закрытых для кассы сионизма, тогда как принадлежность к Основному фонду обеспечит сионистам решающую роль в будущем университете и увенчает их дополнительными лаврами. Так был определен первый бюджет Еврейского университета – 100 тысяч фунтов стерлингов в целом при 50 тысячах годовых, – который подавался, если того требовали обстоятельства, под вывеской Основного фонда.

С целью осуществления плана Основного фонда весной 1921 года в США отправилась делегация во главе с Хаимом Вейцманом, и к ней присоединился профессор Альберт Эйнштейн, чья роль заключалась в содействии именно «Особому фонду университета». Как известно, представители Керен га-Йесод потерпели в США фиаско из-за активного противодействия судьи Брандеса и его товарищей из сионистского руководства в Американских Штатах<sup>5</sup>. Группа Брандеса вела бесконечные переговоры с представителями Сионистской организации, но к согласию с ними не пришла. Однако в разгар напряженных диспутов Брандес и его сторонники с великим почетом приняли профессора Эйнштейна и всячески подчеркивали свой долг по отношению к Еврейскому университету. Судья Мак, как один из лидеров американской группы, рассмотрел возможность согласованной деятельности в пользу «Особого фонда университета». Я прекрасно помню нашу ра-

---

<sup>5</sup> Отголоски этого раскола можно различить в извещении о предстоящем визите Эйнштейна в Палестину: «В Иерусалиме ждут приезда профессора Эйнштейна в ближайшие дни. Его там будут интересоваться исключительно дела Еврейского университета, он также прочтет несколько лекций». [«Га-олам», № 3, 31.01.1923, с. 58.] Но усилия Эйнштейна не пропали даром: менее чем через два года «группа Брандеса внесла 120 тыс. долларов в “Фонд университета” и 105 тыс. долларов — в проект Рутенберга» [там же, № 4, 7.02.1923, с. 75].

дость, когда мы подписали с ним договор о совместных шагах и получили от него подтверждение в готовности американской стороны осуществлять эти шаги на деле. И тут буквально на следующий день пришло разочарование: судья Мак заявил, что в момент подписания договора не обратил внимания на официальное название «Особый фонд университета в Основном фонде», и теперь он обязан аннулировать договор, если из названия нашей стороны не будут убраны подчеркнутые слова. Создатели фонда не могли с этим согласиться. И так – считай, из-за заголовка – успех Эйнштейна был «заморожен». Тем временем д-р Вейцман и его товарищи отправились в поездки по США с целью сбора средств на Основной фонд, а задачи «Особого фонда университета» отошли на задний план. Когда Эйнштейна пригласили в Чикаго и случайно оказалось, что он прибыл туда раньше, чем представители Керен га-Йесод, выяснилось, что местные активисты никак не подготовились к его приезду, и все дело сорвалось. Когда я стал выражать протест по этому поводу, мне было сказано: «Мы не хотели, чтобы Эйнштейн собрал тут деньги, предназначенные для Вейцмана». Правду сказать, университет был для Основного фонда не дочкой, а падчерицей, но даже и это отдаленное родство смогло обесценить идею университета в глазах противников Вейцмана. Вроде бы хотели предложить университету целых два стула, а он провалился в яму между ними. [«Га-арец», 9.03.1945.]

\* \* \*

Весной 1921 года, когда делегация во главе с д-ром Вейцманом отправилась в США, чтобы открыть там филиал Керен га-Йесод, к ней присоединился профессор Альберт Эйнштейн, пекшийся о будущем Еврейском университете, и я, пишущий эти строки, который тогда был секретарем университетской комиссии. <...> Эйнштейн находился тогда в зените славы. Если память мне не изменяет, незадолго до того он получил Нобелевскую премию и был всемирно известен как физик<sup>6</sup>. Его имя делалось все более и более популярным, после того как

---

<sup>6</sup> Мемуарист ошибся. Телеграмма, извещавшая, что Эйнштейну присуждена Нобелевская премия по физике, пришла на его берлинский адрес уже после поездки в США, в ноябре 1922 г., когда он с женой находился на борту парохода по пути в Японию, поэтому Эйнштейн не смог прибыть в Стокгольм для получения награды. За него медаль и диплом лауреата получил на церемонии Нильс Бор, а денежное вознаграждение от Нобелевского комитета — 32 тысячи долларов — Эйнштейн целиком передал своей первой жене Милеве Марич и оставшимся с нею двум их сыновьям.

его астрономическое предсказание, основанное на теории относительности, подтвердилось затмением солнца. Он не был сионистом, но его щедрая отзывчивость на благородное дело дала толчок к последующей заинтересованности сионизмом вообще и еврейским университетом в частности. <...>

Тем временем профессор Эйнштейн сделался большим поклонником д-ра Вейцмана – и в личном плане, и как общественного лидера. Как-то на сионистском митинге, где его настойчиво просили выступить, он встал и заявил: «У вас есть один лидер – Вейцман; вот и идите за ним». В этом состояла вся его «речь». Как бы то ни было, раскол по поводу Керен га-Йесод пагубно отразился на «Особом фонде университета», и хотя Эйнштейна все любили и почитали и в США куда только не звали с визитами, когда сам он пригласил несколько десятков важных гостей, чтобы за чашкой чая потолковать о еврейском университете, откликнулись единицы. Нет сомнения, что выступления Эйнштейна в пользу университета сильно повысили авторитет этого начинания в глазах самых широких кругов, однако единственным практическим результатом его поездки в США было создание Комитета врачей, заботой которого стал сбор средств для будущего медицинского факультета... [«Еврейскому университету в Иерусалиме 25 лет: 1925 — 1950». Иерусалим, 1949.]

\* \* \*

По возвращении в Берлин Эйнштейн подвел итог поездки в частном письме:

...Сионизм и вправду являет собой новый еврейский идеал, то, что способно дать еврейскому народу новую радость бытия. <...>  
Я рад, что принял предложение Вейцмана. [18.06.1921. Архив А. Эйнштейна, ед. хр. 9 - 561.]

27 июня 1921 года Эйнштейн выступил на сионистском митинге в Берлине и высказал свой взгляд на роль «национального очага» и национального университета. Сохранились две версии этого выступления — конспект устной речи и ее подготовленный для печати, расширенный вариант, опубликованный в «Jüdische Rundschau» (1.07.1921). Вот эта публикация:



## О еврейской Палестине<sup>7</sup>

Еврейское строительство в Палестине для нас, евреев, не просто филантропический акт или освоение новых земель, это – дело перво-степенного значения для еврейского народа. Палестина не просто убежище для восточноевропейских евреев, но в первую очередь символ вновь пробудившегося чувства национального единства. Своевременно ли и нужно ли укреплять нашу еврейскую солидарность? Я на этот вопрос отвечаю без тени колебаний: да, и мой ответ продиктован не только эмоциями, но и рациональными соображениями.

Давайте обратимся к истории евреев Германии на протяжении последнего столетия. Сто лет назад наши предки за очень малым исключением все еще обитали в культурном гетто. Они были бедны, политически пассивны и отгорожены от неевреев барьером религиозных традиций, иного образа жизни и дискриминационных законов. Их духовное развитие ограничивалось их собственной литературой, его почти не затронул небывалый интеллектуальный подъем, охвативший Европу, начиная с эпохи Возрождения. Однако в *одном* отношении эти люди, как бы ни был убог их удел, имели перед нами явное преимущество: каждый из них всеми фибрами души был привязан к общине, которая, в свою очередь, полностью брала его под свое крыло. В общине каждый чувствовал себя своим, там никто не требовал от человека жить вразрез со своими убеждениями. Наши предки были обездолены и материально, и интеллектуально, но как социальный организм они являли собой завидный образец психологической стабильности. Затем пришла пора эмансипации. Неожиданно перед индивидуумом открылись такие возможности для развития, какие ему и во сне не снились. Отдельные евреи быстро выдвинулись и заняли ключевые позиции в экономической и общественной жизни. Они жадно впитывали великолепнейшие произведения западного искусства и достижения западной науки. Страстно устремились они в общий процесс творческого поиска, созидая непреходящие ценности, которые были необходимы и им самим. Это сопровождалось усвоением внешнего, нееврейского образа жизни, этических принципов и мышления. Евреи все более и более удалялись от религиозных и социальных традиций

---

<sup>7</sup> A. Einstein. On A Jewish Palestine. Printed version of the speech (final version). In: The Collected Papers of A. Einstein in the Hebrew University of Jerusalem. English translations of selected texts. V. 7. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 2002. P. 243 — 245. Перевод Ю. Миллер.

своего прошлого. Казалось, они полностью растворились в окружающих народах, превосходивших их численно и более совершенной политической и культурной организацией, и через несколько поколений евреи станут попросту неразличимы. Полное исчезновение еврейского национального своеобразия («Volkstum») в Центральной и Западной Европе представлялось неизбежным.

Однако все сложилось иначе. Похоже, в нациях с ярко выраженной расовой индивидуальностью существуют инстинкты, препятствующие растворению. Языковая, бытовая и до некоторой степени даже религиозная адаптация евреев к соответствующим нормам окружающих европейских народов не уничтожила атмосферы отчужденности, которую окружение испытывает к евреям. Следствием этой адаптации стал антисемитизм, корни которого в непосредственной реакции на еврея как на чужака, а очистить мир от чужаков, как известно, посредством продиктованного лишь добрыми намерениями давления невозможно. Нации не желают смешиваться; каждая хочет идти своим путем. Удовлетворительного сосуществования можно достигнуть только при условии взаимной терпимости и уважения.

Для осуществления данной цели чрезвычайно важно, чтобы мы, евреи, снова осознали свою национальную принадлежность и вновь обрели то самоуважение, без которого немислимо наше полноценное существование. Мы должны заново научиться видеть себя потомками древних праотцев и своей истории и, осознав себя народом, должны поставить перед собой такие культурные задачи, которые укрепили бы в нас чувство солидарности. Недостаточно, если каждый сам по себе участвует в мировом культурном процессе, – необходимо приступить к такой работе, которая выполняема только усилиями всей нации. Это единственный путь к тому, чтобы еврейство вновь стало общиной.

Именно с этих позиций я призываю вас посмотреть на сионистское движение. Сегодня история диктует нам необходимость включиться в экономическое и культурное восстановление страны наших предков. Вдохновенные и высоко одаренные люди заложили фундамент этой работы, и много замечательных людей готовы посвятить ей свои жизни. Пусть каждый из вас проникнется значимостью этого подвижничества и содействует ему всем, чем только может.

А теперь мне хотелось бы кое-что рассказать о пережитом в последние месяцы, во время поездки по Америке, которую я совершил в услугу Сионистской организации специально ради создания университета в Иерусалиме. Самым сильным впечатлением оказалась встреча

с еврейским народом, который я увидел впервые в жизни. Дамы и господа! Я повидал невероятно много евреев (смех в зале), но ни в Берлине, ни в любом другом уголке Германии мне никогда не доводилось сталкиваться с еврейским народом. Тот еврейский народ, который я увидел в Америке, прибыл туда из России и Польши, вообще из Восточной Европы. Эти мужчины и женщины все еще сохраняют здоровое национальное чувство, по сию пору не уничтоженное процессом дробления, превращающим народ в изолированные одиночки. Я обнаружил, что они полностью готовы к самопожертвованию и практическому созиданию. Например, в небывало короткий срок они сумели собрать необходимые средства для будущего университета в Иерусалиме – по крайней мере, для его медицинского факультета. Я обнаружил также, что в подавляющем большинстве это представители среднего класса и даже совсем простые люди, а не те, кто обладает общественным положением или одарен особыми талантами. Именно в их среде лучше всего сохранилось здоровое чувство принадлежности к единому целому и готовность к самопожертвованию. Там, в США, у меня создалось впечатление, что, если мы сумеем построить в Палестине национальный еврейский центр, мы тем самым обретем новый интеллектуальный центр, и вот тогда-то ощущение собственной изоляции исчезнет, хотя большинство из нас по-прежнему останется рассеянным по всем странам. Именно такого целительного животворящего эффекта я ожидаю от возрождения Палестины.



Хаим Вейцман и Альберт Эйнштейн  
в США, апрель 1921 года.

Эйнштейн использовал любую возможность пропагандировать идею Еврейского университета, неутомимо разъясняя задачи и цели этого беспрецедентного в истории научного и учебного центра. Вот лишь одно из его выступлений, опубликованное в еврейской газете «*Jüdische Pressezentrale Zürich*» (26.08.1921), выходящей на немецком языке в Цюрихе:

### О создании Еврейского университета в Иерусалиме<sup>8</sup>

Создание Еврейского университета в Палестине диктуется как необходимое двумя соображениями. Во-первых, еврейское отечество в Палестине просто невысказимо без университета. Бактериологические и иные исследования насущны для обеспечения здоровья населению страны. Подготовка, а также последующая интеллектуальная поддержка врачей, особенно тех, кто уже ознакомился со страной, и обеспечение их медикаментами, необходимы. Для сельского хозяйства не менее необходимы практические химические исследования почвы и растений. Это станет частью факультета естествознания. С целью предоставить этим научным институтам свободу и независимость, необходимо развивать теоретическую физику и химию, а это уже почти комплектуется философский факультет, коль скоро речь идет о науках о природе. Ясно, что не менее важны институты гуманитарных исследований, особенно в области истории, еврейской культуры и Ближнего Востока в целом, а в частности – языка иврит, – и все это с целью пропаганды знаний об этой стране и предоставить в распоряжение живущих в ней людей центр интеллектуальной деятельности. Вряд ли можно себе представить широкомасштабное еврейское освоение Палестины без подобного интеллектуального центра. Очевидно также, что эти специфические задачи – если подходить к ним по-научному – требуют в качестве базы развития философии, археологии и т.д. Все, мною сказанное, кратко суммирует то, что требуется для развития страны, учитывая создание современной научной терминологии на иврите.

Еврейский университет в Палестине обязан иметь национальный характер, и в этом смысле языком преподавания, как правило, должен быть иврит, а языковые трудности на первых порах будут преодо-

<sup>8</sup> A. Einstein. On the Founding of the Hebrew University in Jerusalem. In: *Ibid*, p. 248 — 249.

лены благодаря тому, что в первые годы это будет в основном исследовательское предприятие, без классных занятий, особенно в том, что касается естественных наук.

Второй главнейшей задачей Еврейского университета в Палестине должно быть предоставление возможности для занятий еврейской молодежи из Восточной Европы, поскольку очень многие одаренные евреи оказались сегодня вне всякой возможности соприкоснуться с исследованиями академического уровня. Я убедился, что огромное число евреев из Восточной Европы, которые во всех отношениях способны к занятиям в университете, тщетно пытались поступить в высшие учебные заведения Центральной Европы, и полагаю, что на всех нас лежит почетная обязанность протянуть им руку помощи. Мы даже надеемся, что Еврейский университет в Палестине выйдет на столь высокий уровень, что еврейские студенты диаспоры захотят учиться и работать здесь по собственному желанию, а не только вынужденные обстоятельствами.

Я верю, что, создавая процветающий Еврейский университет международного класса, мы поможем многим преуспевающим еврейским интеллектуалам преодолеть постыдную тенденцию скрывать свое еврейство и отрицать свою групповую принадлежность. По моему убеждению, это явление отнюдь не всегда связано с недостатком твердости характера, а скорее коренится в том, что индивидуум более подвержен влиянию своего нееврейского окружения – особенно если в его среде доминируют антисемитские настроения.

Всю свою жизнь я считал своим священным долгом оказывать любую посильную помощь делу создания и процветания Еврейского университета в Палестине, причем это началось не сегодня, когда университет наконец обретает реальность. И я знаю, что многие еврейские ученые думают и чувствуют, как я. Широко известная и ценимая газета «Jüdische Pressezentrale Zürich» заслуживает особой признательности после многих выступлений в защиту еврейских интересов. Эта популярная и влиятельная газета заслужит еще большую благодарность, если пробудит в широкой публике интерес и внимание к предмету и убедит читателей делать добровольные пожертвования в пользу Еврейского университета в Иерусалиме.



В том же 1921 году Эйнштейну довелось неоднократно пропагандировать программу будущего Еврейского университета. Вот одно из его выступлений.

\* \* \*

Еврейский университет в Иерусалиме следует организовать таким образом, чтобы он отвечал потребностям страны в научно-исследовательских учреждениях. На первых порах он не в силах конкурировать с полностью укомплектованными университетами Запада. Он должен начать свою работу с некоего числа исследовательских институтов, занятых изучением природных условий Палестины. Первым следует создать сельскохозяйственный институт, затем, скорее всего, – химический. Эти центры должны находиться в самой тесной связи с экспериментальными станциями и агрономическими школами – как существующими, так и теми, что еще появятся. Затем необходим микробиологический институт, чьи сотрудники займутся поисками методов борьбы с эпидемическими заболеваниями в Палестине. В числе одного из первых мы также должны предусмотреть институт востоковедения, который займется исследованием страны, ее исторических памятников, иврита и арабского языка (возможно, и других языков Востока). Эти институты заложат основу научно-исследовательской работы в Палестине.

Сегодня потребность в профессорах и лекторах не столь актуальна. Действительно, не стоит подталкивать еврейское население Палестины – малочисленное, но все же растущее – к старой ошибке одностороннего увлечения свободными профессиями и интеллектуальной деятельностью. Наоборот, надо добиваться нормального профессионального состава еврейского населения. Только с ростом населения может расти университет. Постепенно он включит в сферу своей деятельности помимо чисто исследовательской работы и педагогическую. Одновременно следует привлечь к занятиям в Еврейском университете еврейских студентов разных стран. Насколько это следует поощрять в первую пору существования университета – проблема, требующая особого рассмотрения.

Однако во всяком случае можно надеяться, что с течением времени Еврейский университет в Иерусалиме превратится в центр еврейской интеллектуальной жизни, представляющей ценность не только для евреев. (Перевод с английского Ю. Миллер.)

# Первая научная лекция Еврейского университета: читает Альберт Эйнштейн

В 1923 году Альберт Эйнштейн с супругой двенадцать дней провели в Палестине. В Иерусалиме, на горе Скопус, там, где еще только предполагалось возвести учебное здание, 7 февраля Эйнштейн прочел по-французски лекцию по теории относительности — первую научную лекцию будущего Еврейского университета. Слушать лауреата Нобелевской премии по физике пришли Верховный комиссар мандатных властей сэр Герберт Сэмюэл и все знатные люди города, евреи, мусульмане и христиане. Первые фразы Эйнштейн предполагал сказать на иврите, о чем есть запись в его дневнике: «Я должен начать с приветствия на иврите, которое я читаю с большим трудом» (см. с. 85 настоящего издания), однако приходится признать, что он на это не отважился, иначе о том не преминула бы сообщить еврейская печать. Лекцию предваряло вступительное слово Менахема Усышкина, Председателя сионистской экзекутивы [исполнительной власти евреев] в подмандатной Палестине:

Уважаемый Верховный комиссар, профессор Эйнштейн,  
главы общин, дамы и господа!

Мне выпала честь представить вам нашего высокоуважаемого гостя, великого ученого, профессора Альберта Эйнштейна. Я не собираюсь объяснять вам, какое место занимает этот великий человек в

мировой науке. Тому две причины. Во-первых, об этом человеке и его учении написана обширная литература на всех языках мира. Во-вторых, и это главное, насколько велика его мудрость, настолько же велика его скромность. Мы счастливы, что его голос прозвучит на нашей Святой Земле, в нашей вечной столице. Мы счастливы, что его голос прозвучит в этом доме, который вскоре станет центром науки, учения и премудрости.

Этот дом стоит на том самом месте, на котором две тысячи лет тому назад стояли ноги римлянина Тита и его легионеров — тех, кто разорил нашу землю и изгнал наш народ. Но спустя две тысячи лет внук изгнанников вернулся сюда и положил основание центру мировой науки.

Профессор Эйнштейн! Отсюда вы видите гору Мория. Три тысячи лет тому назад величайший сын нашего народа царь Соломон выстроил здесь Дом молитвы Богу Превечному и, освящая этот Дом, молил о том, чтобы этот Дом стал местом молитвы для всех народов. И сегодня мы молим о том, чтобы этот дом — дом Еврейского университета, который мы освящаем на горе Скопус, стал Домом Науки для всех народов.

С того момента, как вы взойдете на эту кафедру, она станет нашей гордостью и святыней. Наш великий брат! Взойди же на это высокое место, которое ждало тебя две тысячи лет! [Ussyshkin, 1934. P. 368.]

Эйнштейну показали новую и старую Палестину. Позднее в том же 1923 году, делясь впечатлениями от своей поездки на одном из еврейских собраний, Эйнштейн, в частности, сказал:

Я убежден, что наша поселенческая деятельность в Палестине принесет успех, и мы создадим там тесно спаянную общину. Ей предстоит стать моральным и духовным центром еврейского народа. Именно в этом, а не в экономической стороне дела я вижу подлинное значение работы по возрождению Палестины. На мой взгляд, не столь важна экономическая независимость Палестины, сколь ее переход в категорию высокой духовной и моральной ценности для всего еврейского народа. С этой точки зрения много достигнуто



возрождением языка иврит. Затем должно последовать развитие наук и искусств. В этой связи я придаю важнейшее значение Еврейскому университету. Палестина не решит *еврейский вопрос*, но ее развитие будет означать возрождение духа еврейского народа». (Перевод с английского Ю. Миллер.)

Эйнштейн видел в Еврейском университете в Иерусалиме прежде всего научный центр, и неудивительно, что именно он стал редактором первого научного сборника, выпущенного еще не открытым университетом в 1923 году. Сборник, на обложке которого было отпечатано «*Scripta Universitatis Atque Bibliothecae Hierosolymitanarum. Hierosolymis. MCMXXIII*», содержал статьи по математике и физике, в том числе совместную работу Эйнштейна и Якова Громмера о единой теории поля, написанную ими в январе 1922 года. Все объявления в печати о научных публикациях Еврейского университета в 20-е годы неизменно называли Эйнштейна в ряду членов редакционного совета.



# А. Эйнштейн и Национальная и университетская библиотека Израиля

Особого рассказа заслуживает участие Эйнштейна в создании Национальной и университетской библиотеки Израиля. После Первой мировой войны основная деятельность по сбору книг для библиотеки велась в Берлине. Книги отбирали с учетом требований будущего Еврейского университета, в соответствии с его новой программой, одобренной на сионистской конференции в Лондоне в июле 1920 года, но предпочтение все-таки отдавалось книгам по иудаике, поскольку было принято решение об открытии также факультета еврейской истории и культуры. В отличие от естественно-научных факультетов, для которых требовались в первую очередь оснащенные лаборатории и доступ к новейшим научным журналам, гуманитарный факультет не мог существовать без богатой библиотеки. Комплектовать ее поручили профессору Генриху Лёве, много лет занимавшему должность библиотекаря в библиотеке Берлинского университета. Учитывая ограниченный бюджет, Шломо Гинцберг, распорядитель «Фонда Еврейского университета», просил искать прежде всего книжные пожертвования и такие собрания, которые оставались после смерти видных библиофилов и ученых, а деньги тратить по возможности на транспортировку, каталогизацию и другие технические нужды. С другой стороны, Генрих Лёве пытался внедрить в общественное сознание мысль, что всякий автор должен дарить экземпляры каждой своей новой книги библиотеке будущего университета и видеть в этом свой «почетный долг».

Так Национальная библиотека стала обладательницей многих редких изданий и нескольких ценнейших коллекций, например собрания по востоковедению Игнаца Гольдциера из Будапешта, а также пожертвований, полученных от крупных библиотек мира, например от Британского музея. В относительно короткие сроки в Берлине, Лондоне и городах США для отправки в Палестину были собраны тысячи томов. После прибытия в Иерусалим они попадали в ведение Хуго Бергмана, руководившего их сортировкой и каталогизацией, чтобы книги наконец пришли к читателям, число которых за первый год работы Бергмана выросло с четырех до почти ста человек в день. И тут остро встал вопрос о специальном помещении.

Начиная с 20-х годов, Эйнштейн позволил использовать его имя в кампании по сбору средств на Национальную библиотеку, в первую очередь на создание естественно-научного отдела. Он призывал жертвовать библиотеке книги и журналы. В 1923 году, благодаря собранным в США с помощью Эйнштейна средствам, а также завещанию Давида Вольфсона, оставившего библиотеке немалую сумму, на горе Скопус был приобретен участок для строительства библиотечного корпуса. Но реально библиотека начала работать на территории университета еще до завершения нового здания: в дни праздника Суккот в 1924 году, т.е. за полгода до официального открытия Еврейского университета в Иерусалиме, после торжественной церемонии она распахнула свои двери навстречу первым читателям.

Однако не всегда еврейской Национальной и университетской библиотеке удавалось приобрести те собрания и книги, которые должны были принадлежать ей по праву. В истории ее формирования были и печальные страницы, одна из которых связана с Россией и Альбертом Эйнштейном.

\* \* \*

В 1922 году в Берлине Бен-Цион Кац, видный еврейский журналист, до революции издававший в России газеты на идише и на иврите, решил съездить в Россию с целью осмотреть библиотеку барона Гинцбурга и вступить в переговоры с советской властью об обмене книгами. Библиотека Давида Горадиевича Гинцбурга (1857 — 1910), востоковеда и общественного деятеля, была одной из крупнейших в Европе и содержала

ценнейшие еврейские и арабские рукописи и инкунабулы. Барон завещал ее еврейской публичной библиотеке в Иерусалиме, однако передача коллекции задержалась в связи с войной.

Хлопоты по вопросам вывоза библиотеки барона Гинцбурга вылились в хождения по инстанциям и бесконечные переговоры, не давшие результата. Бен-Цион Кац рассказал об этом в книге своих воспоминаний.

\* \* \*

В Москве я обратился к комиссару просвещения, профессору Покровскому, который был близок к Ленину. Профессор принял меня любезно, и мы долго беседовали с ним о российской истории. В те дни был обнаружен дневник царя Николая II, и Покровский сказал мне, что в дневнике нет ничего нового и большой исторической ценности он не представляет. В отношении библиотеки Покровский во всем со мной согласился и тут же подписал бумагу, что не возражает по поводу обмена библиотеки Гинцбурга на новые немецкие книги из Германии, предлагает считать меня представителем Еврейского университета в Иерусалиме, а в случае возможных затруднений рекомендует передать дело ему на официальное рассмотрение. Я буду представлять университет, советское правительство тоже назначит своего представителя, а третьим лицом в арбитраже будет представитель какой-нибудь нейтральной страны. С этим письмом я обратился к директору Румянцевского музея профессору Виноградову. Мне было известно, что в подвалах музея находится 160 ящиков с книгами барона Гинцбурга. Профессор Виноградов тут же заявил, что не собирается экспроприировать это собрание, что он вообще – противник всякой экспроприации, но у него тоже есть право на эту библиотеку, поскольку он ее спас, и если б не он, книги пропали. Он сказал, что обменивать книги на книги смысла не имеет, зато выдвинул встречное предложение: мы выкупим библиотеку Гинцбурга, а уж он, получив деньги, сам отправится в Берлин и купит то, что необходимо музею. Он сказал также, что знает цену библиотеке барона – она стоит около 100 тысяч фунтов стерлингов, поскольку в ней имеются три тысячи ценных рукописей, но он просит лишь пять тысяч фунтов и за эту плату готов доставить книги в Берлин. Об этих переговорах прознала Евсекция и изъявила желание, чтобы часть денег пошла на приобретение книг на идише, однако Виноградов ответил, что он – хозяин музея и сам ре-

шит, как ему распоряжаться деньгами. Я встречался также с помощником Сталина, Страшуну из Вильны. Сталин в те дни был комиссаром по делам национальных меньшинств, а Страшун – возглавлял еврейский отдел и прямо сказал, что на требования Евсекции внимания не обращает. Он мог бы поговорить со Сталиным, но не видит в том нужды.

Я послал телеграмму профессору Генриху Лёве и сообщил, что нужны 5 тысяч фунтов. Профессор ответил мне тоже телеграфом: он передал просьбу в Лондон и ждет ответа. Позднее я получил от профессора еще одну телеграмму – мне предлагали тысячу фунтов. Я постеснялся даже заговаривать о столь ничтожной сумме с человеком, знавшим истинную цену собрания, и ответил, что, если бы нашлось хотя бы три тысячи фунтов, я мог бы начать переговоры. На эту телеграмму ответа не последовало. Я ждал долго и наконец решил возвратиться в Берлин, но прежде зашел в Комиссариат иностранных дел и был принят неким Якубовичем, начальником отдела виз для иностранцев. Я объяснил, что не могу ждать, но дело, удерживавшее меня в Москве, не закончено, а потому попросил, чтобы через месяц мне снова дали въездную визу, чтобы я смог сюда вернуться. Якубович согласился, и я поехал в Берлин.

Два месяца спустя я и в самом деле получил въездную российскую визу, но не было причин ею воспользоваться: сионистское руководство в Англии не очень-то хотело выделить три тысячи фунтов на покупку книг.

Прошло еще около двух лет. Я встретился с Александром Браудо, ехавшим по делам советского правительства в Лондон через Берлин. Браудо был главным библиотекарем Государственной библиотеки в Петербурге (которая раньше называлась Публичной) и пользовался авторитетом в правительственных кругах. Он долго вел войну с польскими учеными по вопросам соблюдения соглашения между Польшей и Россией о собственности на исторические ценности, хранившиеся в петербургской библиотеке. Поляки требовали передачи их Польше, а Браудо доказал, что эти ценности принадлежат России, и таким образом все осталось в библиотеке в Петербурге. Эта победа придала ему веса в глазах советской власти. До Первой мировой войны Браудо был одним из главных еврейских общественных деятелей, это он открыл русским революционерам, что Азеф был провокатором<sup>9</sup>. Я под-

<sup>9</sup> Ср. запись в мемуарах С. Дубнова: «Александр Исаевич Браудо, библиотекарь Публичной библиотеки и неприменный член всех еврейских организаций столицы». [Дубнов, 2004.

робно рассказал Браудо о состоянии дел с собранием барона Гинцбурга, и он заверил меня, что сделает все возможное, чтобы вернуть библиотеку барона Гинцбурга ее владельцу, то есть Еврейскому университету в Иерусалиме. Он знал, что правительство было готово провести арбитраж, и посоветовал мне написать, что полномочный представитель Еврейского университета в Иерусалиме видит в нем, Александре Браудо, полномочного представителя правительства России, а уж правительство не станет оспаривать его полномочий.

И тут мне пришла в голову мысль обратиться к Альберту Эйнштейну и попросить у него продолжить прервавшиеся переговоры о книгах барона. Я направился к профессору Генриху Лёве и попросил его составить краткое резюме наших ходатайств, чтобы затем вместе пойти к Эйнштейну. Эйнштейн встретил нас очень радушно. Он заверил, что разберется в нашем деле и напишет столько писем, сколько потребуется. Хорошо бы, сказал он, чтобы мы с Лёве подготовили все письма, а он их просмотрит, может быть, подправит кое-что. Мы еще неоднократно бывали в доме Эйнштейна и втроем работали над окончательной версией нужных нам писем. Речь шла о двух предложениях: либо денежная сделка, либо арбитраж. Ясно, что мы предпочитали сделку: при помощи Эйнштейна собрать сумму в пять тысяч фунтов в Лондоне и Берлине казалось вполне возможным. Однако советское правительство ответило Эйнштейну с величайшей осторожностью и потребовало 15 тысяч фунтов, то есть втрое больше того, что прежде запросил профессор Виноградов. Это имело свои основания: в Берлине в 1922 году на пять тысяч фунтов можно было купить неизмеримо больше, чем в 1924 – 1925. Но мы просто не знали, где достать 15 тысяч, и потому решили добиваться арбитража. Российское правительство утвердило Браудо своим арбитром, но потребовало еще одного – члена Евсекции, что для нас было невыгодно. И тут случилось несчастье – Браудо скоростижно умер.

Во время всех этих переговоров в Берлин прибыл комиссар народного просвещения Луначарский. Он остановился в консульстве, на улице Унтер-ден-Линден. Я пошел к Эйнштейну и сообщил ему об

---

С. 256.] В разоблачении Азефа Браудо играл весьма скромную роль: «Когда я в Париже узнал о письме Лопухина к Столыпину, я написал в Петербург в Публичную библиотеку Браудо и просил его лично передать прилагаемое письмо “общему нашему знакомому, о ком мы с вами беседовали в Париже последний раз”. Этим путем через Браудо я и раньше раз или два писал Лопухину», — сообщил в своей книге охотник за провокаторами Владимир Бурцев. [Бурцев, 1989. С. 145 — 146.]

этом. Эйнштейн обрадовался и рассказал, что знаком с Луначарским и даже несколько раз бывал у него в те годы, когда Луначарский находился в Берлине. Он тут же на месте написал Луначарскому письмо с просьбой о встрече и попросил меня отправить его заказным с ближайшей почты. Никакого ответа не последовало. Несколько дней спустя Эйнштейн признался мне, что впервые в жизни не получил даже строчки в ответ на свое письмо.

Сионистское руководство не сочло нужным выделить на покупку библиотеки барона Гинцбурга необходимую сумму. Эйнштейн страшно рассердился, но писать по этому вопросу в сионистское руководство отказался. Он также не захотел обращаться к берлинским богачам, сколотившим состояние во время инфляции. Помню нашу последнюю встречу на похоронах одного из российских иммигрантов, Ительсона, ученого, изредка выступавшего в Берлине с лекциями. Эйнштейн увидел меня, подошел и сказал: «Никто даже не знает, какой это был великий человек. Ученый и философ, и вот, видите, почти никто из бывших россиян не пришел проводить его в последний путь».

Копии писем, которые российское правительство послало Эйнштейну, находятся в архиве в Иерусалиме. Подлинники я передал Бернару Коэну, полномочному представителю Джойнта в Берлине, чтобы передать их Еврейскому университету. Книжное собрание барона Гинцбурга находится в России, в Ленинграде. [Katz, 1983. P. 128 — 130.]



Альберт Эйнштейн с послом Израиля в США  
Элиягу Эйлатом, май 1950 года.

# Открытие Еврейского университета в Иерусалиме

1 апреля 1925 года Еврейский университет в Иерусалиме был открыт. То было событие исторического значения, о котором Верховный комиссар Палестины Герберт Сэмюэл докладывал своему правительству:

Среди евреев спрос на образование чрезвычайно высок, и почти все еврейские дети, независимо от пола, посещают школы, причем большая доля продолжает учебу в гимназиях и учреждениях, дающих технические специальности...

Образовательные учреждения в Палестине включают значительное число начальных школ для детей обоего пола, несколько гимназий, хорошо оснащенный технический колледж, сельскохозяйственную школу (она существует уже почти пятьдесят лет), где обучается более ста учащихся, и недавно открытый Еврейский университет на горе Скопус. В настоящее время университет является в основном исследовательским учреждением, но начато также и преподавание. На сегодня открыты следующие факультеты: еврейских наук [иудаики], биохимический и электробиологический факультеты; другие факультеты, включая отделение арабистики, находятся в стадии завершения. Есть еще отличный Сельскохозяй-



ственный исследовательский институт в Тель-Авиве, который считается факультетом Еврейского университета в Иерусалиме. Университет был официально открыт на впечатляющей церемонии лордом Бальфуrom 1 апреля 1925, и предполагается, что он станет одним из главных элементов «еврейского национального очага». [Samuel, 1925. P. 13, 38.]

По прошествии времени, в свободных от официальной лапидарности мемуарах, Верховный комиссар подчеркнул другие аспекты того же события:

В марте 1925 года в Палестину прибыл сам лорд Бальфур и провел с нами неделю. Ему тогда было почти семьдесят семь лет, и путешествие давалось ему с трудом, но он не побоялся усталости и дорожных неудобств ради того, чтобы воочию увидеть плоды своей Декларации, которая навечно связала его имя с историей Святой Земли. Особым событием было официальное открытие Еврейского университета, чьи здания постепенно вырастали в отрогах и на склонах горы Скопус. Бальфур был центральной фигурой на этой достопримечательной церемонии. По примеру греческого театра в природном амфитеатре была сооружена огромная аудитория под открытым небом с сиденьями для тысяч человек и длинной приподнятой сценой у восточного края. Это сооружение и его окрестности являли собою чудное зрелище: на расстоянии чуть больше мили — опоясанный стеной Иерусалим, разбросанные в беспорядке холмы Иудеи и дальний спуск в Иорданскую долину с видом на синие воды Мертвого моря у горизонта, заслоненного возвышавшимися на противоположном берегу горами Гильада и Моава. Когда пришло время говорить лорду Бальфуру, в лучах заходящего солнца на высокой трибуне появилась статная, в серебристом венце волос фигура бывшего премьер-министра Великобритании, облаченного в алую мантию кембриджского выпускника. Церемонией руководил Вейцман. В ней принял участие специально прибывший сюда Алленби, и лорд Улсватер, недавний спикер палаты общин, и главный раввин Британской империи Дж. Г. Герц, и д-р Раппард из Женевы, секретарь Мандатной комиссии, и пред-

ставители ряда видных университетов из разных стран, и много-много важных почетных гостей. [Samuel, 1955. P. 175.]

А вот какая картина вырисовывается из сообщений еврейской печати того времени. В Иерусалиме царило небывалое оживление, люди все прибывали — многие с тем, чтобы остаться на Земле Израиля в дальнейшем. Так, 500 американских евреев приплыли накануне в Хайфу, вокзал в Иерусалиме высаживал все новых и новых пассажиров, с самого утра улицы были запружены повозками, дилижансами, пешими паломниками из сионистских поселений, сквозь ряды которых прокладывали себе путь автомобили. На сидячих местах амфитеатра разместилось около трех тысяч человек, еще около четырех тысяч заполнили окружающее пространство задолго до начала церемонии. При появлении торжественного президиума долго не стихали овации. Раввин Авраам Ицхак Кук прочел молитву об освящении дома и сказал: «Этот университет станет началом нашего Избавления. Наука и религия, прогресс и традиция вместе должны лежать в основании нашего служения». По завершении церемонии, где выступили с речами Верховный комиссар и лорд Бальфур, Хаим Вейцман и национальный поэт Хаим Нахман Бялик, а также другие почетные гости, раввин Кук прочел молитву о мире между народами.

Выступающие подчеркивали, что университет делает пока первые шаги, что его институты и факультеты все еще находятся в стадии создания и планирования, однако задача университета ясна — стать одним из достойных партнеров высших учебных заведений Европы и Америки. Особо подчеркивалось, что языком преподавания и науки в университете постепенно станет лишь иврит, поэтому Еврейский университет в Иерусалиме является важнейшим звеном в общем национальном возрождении евреев.

Хорошо дополняет эту картину рассказ виконта Эдвина Сэмюэла, сына Верховного комиссара сэра Герберта:

Из всех торжеств и поездок, в которых мне довелось сопровождать отца, ни одно не может сравниться с официальным открытием Еврейского университета в Иерусалиме. Позади вырезанного в восточном склоне горы Скопус амфитеатра светился золотисто-коричневым фоном лунный ландшафт Иудейской пустыни — не-

сравненное зрелище. Много лет спустя я узнал, что президент Еврейского университета с 1962 года Элиягу Эйлат тоже присутствовал на церемонии открытия. Он в ту пору работал в сельском хозяйстве в Реховоте, милях в сорока от прибрежной полосы, и не имел в кармане ни гроша. Вместе с товарищами по работе он всю ночь шел в Иерусалим пешком. Прибыв на гору Скопус, он обнаружил, что все сидячие места заняты тысячами приглашенных. Он взобрался на сосну, росшую у края амфитеатра, и, раздвигая ветви, смотрел на открытие университета, в котором ему впоследствии пришлось учиться и президентом которого он, спустя почти сорок лет, стал. [Samuel, 1970. P. 62.]

Альберт Эйнштейн на открытие Еврейского университета в Иерусалиме не приехал, и тому было несколько серьезных причин, в первую очередь, как уже отмечалось, разногласия с политикой руководства университета и его президента И.Л. Магнеса. Тем не менее, в связи с открытием, Эйнштейн подарил Еврейскому университету в Иерусалиме свою рукопись общей теории относительности, а накануне торжественного события газета «The New Palestine» (27.03.1925) опубликовала по-английски его напутственное слово «Миссия нашего университета», неделей позже републикованное на иврите в журнале «Га-олам».

### Миссия нашего университета<sup>10</sup>

Открытие нашего Еврейского университета на горе Скопус в Иерусалиме – не только событие, наполняющее всех нас справедливой гордостью, но и причина для серьезных размышлений.

Университет – это место, где обретает самовыражение универсализм человеческого духа. Наука и исследование считают своей целью истину и ничего, кроме истины. Отсюда естественным образом вытекает, что организации, поставленные на службу науке, должны способствовать сближению между людьми и народами. Увы, сегодняшние европейские университеты в большинстве своем пестуют шовинизм и слепую нетерпимость ко всему отличному от коренной национальности или расы, ко всему, что несет на себе печать своеобразия. В этих

<sup>10</sup> Rosenkranz, 1998. P.97.

условиях наиболее страдают евреи, и не только потому, что их тяга к знаниям и желание полноправно участвовать в жизни общества натываются на всевозможные препятствия, но также потому, что большинство евреев чувствует себя особенно стесненно в этой атмосфере узкого чужого национализма. Сейчас, когда на наших глазах рождается Еврейский университет, я хочу выразить надежду, что наш университет будет всегда свободен от этого зла, а преподаватели и студенты всегда будут исходить из убеждения, что наилучшее служение своему народу основывается на укреплении его связи со всем человечеством и с высшими человеческими ценностями.

В наши дни еврейский национализм необходим, поскольку исключительно путем консолидации нашей национальной жизни мы сможем избавиться от противостояния, причиняющего сегодня евреям столько страданий. Пусть скорее наступит время, когда наш национализм станет настолько само собой разумеющимся, что нам не придется больше привлекать к нему особого внимания. Причастность к прошлому и связь с сегодняшними достижениями нашего народа придают нам уверенности: нам есть чем гордиться перед лицом всего человечества. Однако именно те наши организации, которые занимаются образованием и просвещением, должны считать одной из самых благородных своих задач воспитание народа в духе, свободном от националистского обскурантизма и злобной нетерпимости.

Наш университет – пока еще скромное начинание, и сейчас самой правильной тактикой было бы начать с небольшого числа исследовательских институтов. Постепенно университет станет развиваться естественным и органичным образом, и я убежден, что положительные результаты не заставят себя ждать. Со временем Еврейский университет самым наглядным образом продемонстрирует, на какие духовные свершения способны евреи.

Особая задача предстоит университету в сфере духовного наставничества и просвещения тружеников нашей земли. Мы не горим желанием создавать в Палестине еще один городской народ с образом жизни, подобным укладу европейских горожан, с привычками и представлениями европейской буржуазии. Мы хотим, чтобы появился народ тружеников, мы в первую очередь хотим создать еврейскую деревню и страстно мечтаем, чтобы сокровища культуры были доступны нашему трудящемуся классу – особенно потому, что, как мы знаем, евреи в любых обстоятельствах превыше всего ставят образование. В связи с этим на Еврейский университет ложится обязанность создать

нечто уникальное, отвечающее нуждам тех особых форм жизни, что закладываются нашим народом в Палестине.

Все мы стремимся объединить наши усилия ради успешной миссии университета. Когда широкие еврейские массы осознают значение поставленной цели, наш университет быстро превратится в грандиозный духовный центр, вызывающий уважение всего просвещенного человечества.



Приветствия первому Еврейскому университету прислали министерства образования США и Южной Африки, правительство Польши, еврейские организации и видные деятели со всего мира, в том числе Зигмунд Фрейд, в телеграмме которого были, в частности, такие слова:

Университет — это место, где преподают науку, невзирая на различия религий и национальностей, где занимаются исследованием ради того, чтобы поведать миру, насколько мы понимаем окружающий нас мир и насколько мы способны повелевать им. Это предприятие является свидетельством прогресса, к которому всегда и всеми силами стремился наш народ в течение двух тысячелетних мук рассеяния. Мне жаль, что слабое здоровье не позволило мне лично присутствовать на празднестве открытия Еврейского университета в Иерусалиме. [«Га-олам», № 14, 3.04.1925.]

Торжественные митинги и многолюдные собрания по случаю открытия Еврейского университета в Иерусалиме прошли по всему миру. В одном из них принял участие Альберт Эйнштейн, который находился тогда в Аргентине.

Из Буэнос-Айреса сообщают, что там, в большом зале театра устроили праздничный вечер в честь открытия Еврейского университета. Театр был полон, и среди почетных гостей были представители правительства Аргентины, посланцы разных стран и местные ученые. Профессор Эйнштейн был главным оратором, и многочис-

ленная публика устроила ему сокрушительную овацию. [«Га-олам», № 17, 24.04.1925.]

Старые журналы сообщают также, что 2 апреля, на следующий день после торжественного открытия, на территории университета на горе Скопус состоялась церемония закладки краеугольных камней Института математики и физики, которые было решено назвать именами лорда Бальфура и Альберта Эйнштейна. Представители университета в академических мантиях стояли в окружении огромной толпы, д-р Магнес огласил грамоту, на которой поставили свои подписи лорд Бальфур, Верховный комиссар сэр Герберт Сэмюэл и д-р Вейцман и которую положили в землю и накрыли камнем. О значении будущего института сказал прочувствованную речь сэр Артур Шустер, представитель Британского Королевского общества [Академии наук]. Затем высокие гости отправились пешком в резиденцию Верховного комиссара близ больницы «Августа Виктория», где в большом зале состоялся круглый стол с участием представителей академического мира Европы. Приветственные речи звучали на иврите, по-английски, по-французски и на латыни, а президент Египетского университета «Аль-Азхар», профессор Л. Саид, начав говорить по-английски, закончил на арабском языке.

Эйнштейн с самого начала вошел в совет директоров Еврейского университета и был председателем его академического совета, но в 1928 году, вследствие разногласий с политикой Магнеса, отказался от всех своих официальных постов. В последующие годы он продолжал следить за работой Еврейского университета и принимал в ней неформальное участие. В 1935-м, после длительной переписки Х. Вейцмана с Эйнштейном и связанными с университетом влиятельными лицами, руководство университета приняло точку зрения Эйнштейна, политика учреждения изменилась, и Эйнштейн с чистой совестью занял предложенные ему посты и стал исполнять официальные роли. Его сотрудничество с Еврейским университетом продолжалось несколько десятилетий и завершилось актом дружбы и доверия: 18 марта 1950 года Эйнштейн подписал и запечатал свое последнее завещание, согласно которому все его письма и рукописи должны быть переданы на хранение в Еврейский университет в Иерусалиме (лишь скрипку Эйнштейн завещал внуку Бернару Цезару).

Позднее, в 1951 году в Принстоне, в Институте высших исследований, где работал Эйнштейн, ему был вручен почетный диплом Еврейского университета в Иерусалиме. В ответном благодарственном слове Эйнштейн писал:

За свою долгую жизнь, благодаря счастливому стечению обстоятельств, мне удалось кое-что сделать для углубления наших физических представлений. Это мне принесло столько дифирамбов, что долгое время я ощущал больше смущение, нежели ликование. Но знаки уважения, оказанные вами, наполнили меня истинной радостью — радостью за те выдающиеся достижения, которых добился наш еврейский народ на протяжении лишь нескольких поколений в исключительно трудных условиях, сам по себе, проявляя безграничное мужество и идя на невероятные жертвы. Университет, который двадцать семь лет назад был всего лишь мечтой и робкой надеждой<sup>11</sup>, этот университет сегодня — осязаемая реальность,местилище свободного знания, учебы и упоенного братского труда. Здесь он стоит — на земле, освобожденной нашим народом в великих невзгодах; это — духовный центр процветающего и динамичного общества, чьи достижения наконец получили заслуженное всеобщее признание.

В эту пору, когда исполняются мечты, на меня тяжким бременем давит лишь одно: превратности судьбы заставили нас отстаивать свои права силой оружия. Это был единственный способ избежать полного уничтожения. Однако мудрость и умеренность, проявляемые руководителями нашего государства, дают мне основания надеяться, что постепенно с арабским народом будут установлены отношения, основанные на плодотворном сотрудничестве и взаимном уважении и доверии. Это — единственный путь для обретения обоими народами истинной независимости.

В заключение приведем приветственное послание Эйнштейна Еврейскому университету в Иерусалиме по случаю 25-летия этого учебного и исследовательского центра.

<sup>11</sup> Эйнштейн имеет в виду свою лекцию по физике на горе Скопус в 1923 году.

\* \* \*

Я счастлив поздравить Еврейский университет с его 25-летием. За это время многое было достигнуто благодаря преданности делу его ученых и сотрудников, преодолевших трудности внутреннего и внешнего порядка, нехватку средств и две войны.

Поддержание культурной жизни является первейшей заботой еврейского народа. Нас не было бы сегодня на свете, не будь в нас постоянной тяги к учению. Я отчетливо могу себе представить, как Еврейский университет приобретает все большее и большее значение не только для молодого Государства Израиль, но и для евреев во всем мире. И если это и в самом деле будет так, дух университета должен соответствовать грандиозности задачи. Другими словами, нашим высшим идеалом должно стать накопление и распространение знаний как таковых. Только после этого мы сможем создать и поддерживать условия, необходимые для успешного проведения прикладных исследований и получения экономической пользы для нашей страны. Узкий прагматичный подход столь же опасен, как преувеличенный национализм или чисто формальное выполнение религиозных предписаний. Не следует также забывать о провинциализме, который часто обнаруживает себя в беспочвенном бахвальстве.

Я надеюсь, что Еврейский университет вскоре будет беспрепятственно осуществлять свою работу в своем красивом доме, укреплять взаимопонимание между людьми и самоотверженно бороться за утверждение истины. [The Hebrew University of Jerusalem: 1925 — 1950. Jerusalem, 1949.]



А. Эйнштейн получает диплом почетного доктора Еврейского университета в Иерусалиме, Принстон, 1951.



## Приложение

# Лекция о теории относительности, прочтенная Эйнштейном в Иерусалиме в 1923 году

К сожалению, в архиве Эйнштейна нет конспекта прочитанной им на горе Скопус лекции (возможно, его вообще не было, если учесть число данных им публичных лекций о теории относительности). Однако по следам его выступления выходящая в Палестине еврейская газета «Га-арец» (9.02.1923) опубликовала статью доктора физики Аарона Чернявского, излагавшую на иврите основные положения лекции его великого коллеги, с которым Чернявский был знаком еще по университету в Цюрихе. Вот эта публикация (за исключением хвалебной преамбулы).

\* \* \*

Мир Эйнштейна, с нашей точки зрения, совершенно необычен. Я говорю не о его субъективном мире – не о его чувствах и воззрениях, а о реальном, объективном мире. В мире Эйнштейна нет событий и явлений, нет сменяющих друг друга периодов. Все то, что с нашей точки зрения уже произошло или собирается произойти в будущем или происходит в данное мгновение, – все это существует как бы синхронно в эйнштейновском мире, том мире, который создала его теория относительности. В силу этого теряют смысл такие привычные и значимые для нас понятия, как причина и следствие. Мы привыкли опре-

делять их в цепочке последовательных событий, где одно обуславливает другое, и потому для нас невозможно представить, что явление, определяемое нами как причина другого явления, вскоре обнаружит себя как следующее за вторым, за тем, что мы изначально назвали следствием. Мы привыкли видеть причину как нечто, предвещающее следствие, а по теории относительности это не так. В мире теории относительности и явление-причина, и явление-следствие существуют одновременно. Если бы нам – гипотетически – удалось ощутить в непосредственном восприятии мир относительности, мы сразу смогли бы узнать и то, что на нашем языке зовется прошлым, и то, что мы привыкли называть будущим.

Однако нам не дано непосредственно воспринимать мир относительности Эйнштейна. Мы понимаем и постигаем этот мир не целиком, а лишь в отдельных его аспектах, причем увязать эти аспекты в единое целое мы не можем. Оттого нам кажется, что мы живем в трехмерном мире – наше пространство представляется нам трехмерным, т.е. простирающимся в длину, ширину и высоту. С другой стороны, нам кажется, что есть особое нечто, которое мы зовем временем, и время, по нашему представлению, имеет совсем иную природу, чем пространство. Однако оба они – пространство и время, которые кажутся нам такими разными, – в Эйнштейновом мире, мире реальном и объективном, представляют собою одно. Они взаимосвязаны, неразделимы, их природа одна. Посему мир Эйнштейна имеет четыре измерения: пространство и время в нем суть признаки одного порядка.

Категории, описывающие наш непосредственно воспринимаемый мир, сложились не случайно. Они сложились в соответствии с нашей сущностью, в процессе нашей адаптации к миру в борьбе за выживание в нем. Мы вывели эти понятия не из абстрактной любви к познающей мир философии. Именно потому, что мы исходим из непосредственного опыта, мы не смогли проникнуть в реальное четырехмерное строение мира и пришли к выводу о раздельно существующих пространстве и времени. И верно сказал профессор Эддингтон, один из старейших учеников Эйнштейна в Лондоне, что, если бы наши глаза умели смотреть одновременно в разные стороны и вращаться с разными скоростями, мы смогли бы многое увидеть в четырехмерном, пространственно-временном мире.

Это удивительный мир! В нашем обычном мире правит геометрия Евклида. Так мы зовем геометрию, которую на протяжении двух тысячелетий нам внушают с детства. Эта геометрия определяет, ска-

жем, круг как линию, составленную из равноудаленных от центра точек. А теория относительности не признает геометрии Евклида. Если, находясь в мире относительности, мы захотим очертить кривую, подобную нашему кругу, т.е. кривую, все точки которой равно удалены от центра, мы получим не привычный круг, а кривую, четыре конца которой уходят в бесконечность. Нам это непонятно, а в Эйнштейновом мире это логически обосновано.

Если в нашем привычном мире выбрать две точки, то наикратчайшим расстоянием между ними будет проведенная через них прямая. Всякая другая соединяющая их линия окажется длиннее. Расстояние между двумя точками ни при каких условиях не может быть равно нулю, если, конечно, эти точки не совпадают друг с другом. Совсем иная картина наблюдается в мире относительности. Если там мы возьмем две различные точки, между ними будет существовать бесконечное множество нулевых расстояний, а соединяющая их прямая окажется максимальным расстоянием между ними, причем это расстояние и будет тем, что мы привыкли называть временем.

Я призываю читателя не думать, что все вышесказанное – бред умалишенного. Это те самые точные представления, которые позволили предсказать многие явления и объяснить то, что иными способами рассуждений объяснить было невозможно.

Выше я говорил, что реальный четырехмерный мир в нашем сознании делится на две независимые категории пространства и времени. Поразительно то, что дистанция между пространством и временем не является постоянной. Различие между пространством и временем будет ощущаться по-разному разными наблюдателями в зависимости от их движения. Если два человека движутся с разной скоростью, они будут воспринимать разные пространства и разные времена. Предположим, что одно и то же явление изучают два исследователя: один едет в поезде, а другой не двигается с места. Эти исследователи получают разные пространственные величины и разные интервалы времени для своих наблюдений над одним и тем же явлением. Так, если некое явление один наблюдатель изучает с земли, а другой – с солнца, они получают разные результаты. Иными словами, измеренные ими длины и времена будут разными. И дело не в субъективности этих исследователей, а в реально существующей зависимости наблюдений от скорости движения наблюдающего: чем выше скорость, тем большими становятся единицы измерения. Для движущегося наблюдателя все часы будут отставать, а все длины – сокращать-

ся, поскольку чем большей станет единица измерения, тем меньше единиц уложится в измеряемой величине. Начнут отставать часы, станут замедляться процессы в человеческом организме того, кто движется. При движении со скоростью 260 000 км/с все линейные размеры в направлении движения сократятся вдвое и все процессы пойдут в два раза медленнее. Если в определенный момент разлучить двух людей и один из них тут же начнет двигаться со скоростью, которая превышает скорость движения второго на 260 000 км/с, то по истечении некоего времени, скажем, через десять лет, один из них состарится на десять, а другой – только на пять лет. И процессы старения в организме одного из них будут идти в два раза медленнее не кажущимся образом, а совершенно реально. И еще: тот, кто двигался с большей скоростью, станет вдвое короче. Если предположить, что он лежит по направлению движения, то его рост уменьшится вдвое. Если он стоит лицом по ходу движения, то тело его станет вдвое тоньше. Он, однако, этих изменений заметить не может, ведь со всеми окружающими его предметами произойдет то же самое: дома и люди, мебель и одежда, сами единицы длины – все сократится вдвое. И если ставшие короткими вещи измерить эталоном, который укоротился в той же пропорции, результат измерения никакого изменения не покажет.

«Сокращение длины» и «замедление времени» обнаруживают себя особенно резко, когда скорость движения объекта приближается к 300 000 км/с. В этом случае длина всех объектов в направлении движения станет близкой к нулю. Человек, как и любая другая вещь, станет тоньше самого тонкого бумажного листа. Если предположить, что он лежит на спине по ходу движения, его макушка упрется в пятки, а ширина плеч или талии останется прежней. Время для такого путешественника остановится, все часы замрут и все явления замрут, утратив какое бы то ни было развитие. Но сам этот человек ничего не почувствует: вне его нет ничего, что служило бы ему для сравнения, поскольку все его окружение несется вместе с ним и претерпевает те же изменения.

Все эти удивительные и странные вещи основываются на точных опытах и составляют содержание точной физической науки нашего времени.

Пространство и время, взятые по отдельности, не являются абсолютными, лишь их единство абсолютно. Но у всякого наблюдателя есть свое пространство и свое время. Невозможно понять, как один наблюдает время и оно для него едва ползет, а для другого то же время

летит, как стрела. Все сказанное касается не мнимых времени и длины, но реально существующего времени и линейного размера. Нет в природе такого объекта, чья длина не менялась бы в зависимости от скорости движения наблюдающего за ней человека, и нет ни одного явления, время которого было бы раз и навсегда определено.

Я мог бы привести еще много-много примеров, но, учитывая условия места и времени (а в нашей жизни, к сожалению, и место и время имеют силу абсолюта), ограничусь лишь тем, что уже сказано, и добавлю, что теория Эйнштейна проливает свет и на прикладные проблемы – как в том, что касается мельчайших частиц вещества – атомов и электронов, так и в том, что связано с космосом. Оттого нет предела дерзновению Эйнштейна в теории познания. Даже сами вопросы, с которыми Эйнштейн обращается к природе (и пусть ответы на них превышают возможности нашего понимания), изумляют своей глубиной и величием. Эйнштейн спрашивает: что представляет собой физический мир? Есть ли у него пределы? Есть ли у него конец? Какова его форма? И на все эти вопросы, часть из которых занимала и занимает мыслителей с древности до наших дней, наука в состоянии ответить, только опираясь на теорию относительности. Мир, космос – так говорит нам эта наука – конечен, но он не имеет границ. Примером сочетания этих двух характеристик может служить шаровая поверхность – она не имеет границ, но не бесконечна. Однако представить себе шар мы можем, тогда как огромный, превышающий все постижимые нами размеры космос мы не можем себе представить. Подобно тому как мы говорим о кривизне шара, мы говорим о кривизне нашей Вселенной. Наблюдения над взаимным расположением звезд доказывают, что радиус кривизны Вселенной измеряется сотнями миллионов световых лет. Иными словами, свет, пробегающий в каждую секунду 300 000 км, движется вдоль радиуса космической кривизны в течение сотен миллионов лет. Одно из удивительнейших следствий этого знания заключается в том, что мы можем наблюдать за одной и той же звездой с двух противоположных точек земного шара, пользуясь телескопами, чьи объективы смотрят в противоположных направлениях. В мире относительности лучи света не распространяются по прямой – они движутся по криволинейным траекториям. После того как лучи света вышли из небесного светила и преодолели расстояние в миллиарды световых лет, они встречаются снова и создают (если можно воспользоваться этим словом) нематериальную звезду, которая доступна нашему наблюдению одновременно со звездой, изначально

эти лучи испустившей. И мы теперь знаем, что не все те звезды, которые смотрят на нас с неба, суть реальные небесные тела. Некоторые из них являются местом встречи световых лучей.

Я не хочу касаться здесь широко известных вещей, что, согласно теории относительности, нет понятия силы, нет закона сохранения вещества, а вещество отклоняет световые лучи и т.п.

Несколько месяцев тому назад было затмение Солнца, наблюдать которое можно было лишь в нескольких точках земного шара. В моменты подобного затмения можно проверить некоторые положения теории Эйнштейна. Именно поэтому Эйнштейн отправился в дальний путь, в Австралию, чтобы самому убедиться в результатах этого затмения. Теперь, после посещения Японии, Эйнштейн приехал в нашу страну. К сожалению, он недолго погостит у нас. Как бы хотелось, чтобы поскорее сбылось наше заветное желание, и Эйнштейн считал бы Землю Израиля своей родиной не только теоретически, но и практически. А пока выразим нашу безграничную радость оттого, что величайший мыслитель мира не чужд нашей стране и нашему подвижничеству.



Супруги Эйнштейн на приеме у Верховного комиссара Палестины, февраль 1923 года. Первый ряд, слева направо: Эльза Эйнштейн, сэр Герберт Сэмюэл, его жена, леди Беатриса Сэмюэл, Альберт Эйнштейн, отец Домм. Второй ряд, слева направо: отец Сертиланж, Норман Бентвич, супруги Ричмонд, отец Г. Орфали.

# Альберт Эйнштейн и Земля Израиля



Открытие Еврейского университета в Иерусалиме, 1 апреля 1925 года.



# Палестина, сионизм и арабо-израильские отношения: динамика воззрений

В 1923 году супруги Эйнштейн посетили Палестину, возвращаясь из Японии в Европу. Они пробыли на Земле Израиля двенадцать дней, во время которых Альберт Эйнштейн вел дневник.

Выдержка из дневниковых записей А. Эйнштейна,  
сделанных во время его первой и единственной  
поездки в Палестину в 1923 году<sup>12</sup>

1 февраля. Прибытие в Порт-Саид рано утром. Греческий посланник облегчил нам спуск на берег и прохождение таможи. Молодой еврей Кантор появляется на таможне с телеграммой из Иерусалима, чтобы нам помочь. Город – настоящий проходной двор с соответствующей публикой. Посещение председателя общины (палестинец). 6 часов вечера – поезд в Кандару на Суэцком канале. Кантор и его компаньон Гольдштейн провожают нас туда и на пароме через канал с 8 до 11 часов вечера.

2 февраля. Прибытие. Потом отъезд в Палестину, в чем помог молодой еврейский проводник, который видел меня в Берлине на собра-

---

<sup>12</sup> Публикуется впервые; рукописный подлинник и его машинописная копия хранятся в Архиве А. Эйнштейна в Еврейском университете в Иерусалиме, ед. хр. 29 131. Перевод с немецкого выполнен Л. Найдич.

нии. Он не очень воодушевлен своими соотечественниками-евреями, но порядочный, хороший человек. Поездка сначала через пустыню, затем примерно с 7 часов через Палестину при довольно пасмурной погоде и часто начинающемся дожде.

Путь сначала по равнине с очень скудной растительностью, через арабские деревни, сменяющиеся еврейскими колониями, оливы, кактусы, апельсиновые деревья.

На полустанке недалеко от Иерусалима нас встретили Усышкин, Мосинзон и некоторые другие из наших. Поездка мимо колоний через чудесную долину вверх к Иерусалиму. Там Гинцберг, радостная встреча. В автомобиле с офицером к замку Верховного комиссара, раньше принадлежавшему кайзеру Вильгельму, совершенно в вильгельминском стиле<sup>13</sup>. Знакомство с Гербертом Сэмюэлом. Английская форма. Высоко и разносторонне образован. Высокое жизненное кредо, смягченное юмором. Скромный, тонкий сын, добродушная, грубоватая невестка с милым сынком. День дождливый, но все же просматривается великолепный вид на город, холмы, Мертвое море и Трансиорданские горы.

3 февраля. С сэром Гербертом Сэмюэлом пешком в город (шаббат!), по пути прошли мимо городской стены к живописным старым воротам. Путь в город при свете солнца. Строгий, голый холмистый ландшафт с белыми каменными домами, которые часто венчают купола, с голубым небом, пленительно прекрасным, как и город, замкнутый в квадратную стену. Далее с Гинцбергом в городе. Через базарные улицы и прочие узкие переулки к большой мечети на великолепной широкой возвышенной площади, где стоял Храм Соломона. Она [мечеть] похожа на византийские церкви, многоугольна с находящимся в середине куполом, который поддерживается колоннами. На другой стороне площади мечеть, похожая на базилику, довольно безвкусная. Затем спускаемся вниз к стене Храма (Стене Плача), где наши недалекие собратья громко молятся лицом к стене, качаясь взад-вперед всем корпусом. Жалкое зрелище людей с прошлым без настоящего. Затем по диагонали через город (очень грязный), который кишит разнообразными святыми и разными народами, шумный и восточно-чужой.

---

<sup>13</sup> В 1898 г., после заключения коалиции Германии и Турции, кайзер Вильгельм посетил Палестину, купил в ней земли и построил несколько больниц и церквей, в частности больницу Августа-Виктория в Иерусалиме, где позднее размещалась резиденция Верховного комиссара.

Роскошная прогулка по доступной части стены, затем – к Гинцбергу-Рупину, на обед с милыми и серьезными разговорами. Остаемся из-за сильного дождя. Посещение бухарского еврейского квартала и мрачной синагоги, где верующие грязные евреи, молясь, ожидают конца шаббата. В гостях у Бергмана, серьезного пражского святого, который создает библиотеку при недостатке места и денег. Ужасный дождь с еще большей грязью на улице. Возвращаемся домой с Гинцбергом и Бергманом в автомобиле.

4 февраля. С Гинцбергом и бойкой, грубовато-естественной, веселой невесткой Сэмюэла по чудесным, голым, мягким холмам и прорезающим их долинам на автомобиле в Иерихон и к его старинным руинам. Великолепный тропический оазис в пустынной местности. Обед в отеле в Иерихоне. Затем поездка по широкой Иорданской долине до Иорданского моста по ужасной слякоти, где мы видим роскошных бедуинов. Затем снова домой при сверкающем солнце. Дома при заходящем солнце красивейший вид на Мертвое море и трансйорданские холмы из служебной квартиры С. Дица, где мы пьем чай. Затем при постепенном наступлении темноты в комнате интересная беседа с Дицем о религии и национальности. Вечером милый разговор с Сэмюэлом и его невесткой. Незабываемо роскошный день; неповторимое волшебство этой строгой монументальной природы с ее темными, аристократичными арабскими сынами в тряпье. Много четвероногих – верблюдов и ослов.

5 февраля. Посещение двух еврейских строительных колоний на западе от Иерусалима, принадлежащих городу. Строительство ведется еврейским товариществом рабочих, в котором начальники избираются. Рабочие приезжают без специальных знаний и опыта, но вскоре начинают прекрасно работать. Начальники получают не большую зарплату, чем рабочие. Посещение еврейской библиотеки. Там заправляет Бергман из Праги, энергичный, но без юмора. Местный математик (учитель в гимназии) показал мне кое-что, касающееся его действительно интересных исследований постоянных матриц и их операций. Вечером музицирование с офицером в квартире Сэмюэла – слишком долго, потому что изголодались по музыке.

6 февраля. Посещение еврейской художественной школы. Прекрасная работа в тяжелых условиях. Возрождение древнего еврейского орнамента. После обеда приветствие и прием у еврейских учеников, которые выстроились цепью по обеим сторонам, а после этого встреча в

школьном зале с еврейскими гражданами вообще. Речи Усышкина и Елина и вручение ивритского адреса. Приглашение к Бентвичу на музыкальный вечер. В высшей степени музыкальная семья. Мы играли квинтет Моцарта.

7 февраля. Церковь Гроба Господня. Via Dolorosa. После обеда доклад (по-французски) в здании университета in spe [будущем]. Я должен начать с приветствия на иврите, которое я читаю с большим трудом. Затем благодарственная речь (довольно забавная) Герберта Сэмюэла и прогулка по горной дороге туда-сюда. Философские разговоры. Вечером большой академический прием с учеными и другими разговорами. Вечером полностью удовлетворен всеми этими комедиями!

8 февраля. Поездка в Тель-Авив на автомобиле с 9 до 12. Прием в гимназии. Посещение нескольких уроков. Свободные упражнения учеников; краткая благодарственная речь для них. Прием в ратуше; избран почетным гражданином. Трогательная речь. После обеда посещение строящейся электростанции Рутенберга, городской электростанции, карантинного лагеря, завода строительных материалов. Затем большой приветственный митинг перед гимназией с речами Мосинзона и моей. Посещение сельскохозяйственной опытной станции, научных вечерних курсов Чернявского и Объединения инженеров, где мне вручили диплом и роскошную серебряную шкатулку. Ужин у Толковского. Вечером встреча с образованной публикой, моя речь. Деятельность евреев за несколько лет в этом городе вызывает величайшее восхищение. Современный еврейский город вырос как из-под земли с оживленной хозяйственной и духовной жизнью. Удивительно деятельный народ наши евреи!

9 февраля. Утром собрание рабочих. Большое впечатление. Посещение сельскохозяйственной школы Микве и еврейской колонии Ротшильда Ришон <ле->Ц<ион>. Большие винные погреба. Яйца должны при искусственной инкубации охлаждаться раз в день. Обоим предприятням уже 50 лет. Пожилой человек держал приветственную речь в деревне. Школьный урок, дети в саду. Радостное впечатление от здоровой жизни, но экономически еще не совсем самостоятельны. Поездка по железной дороге в Яффу с Иоффе (врач и одновременно двоюродный брат русского сиониста) через равнину и постепенно надвигающиеся горы. Арабские и еврейские селения. Еврейская соляная фабрика на станции перед Яффой. Рабочие пришли на вокзал и при-

ветствовали меня. Прибытие перед началом шаббата в Хайфу, несмотря на предшествующие предостережения господина Штрука. Проход пешком через ужасную грязь вместе с Гинцбергом и физиком Чернявским к его свояку Певзнеру. Жена – нежная, с острым умом. Уютная комната вверху. Немецкая служанка. Вечером множество равнодушных людей из любопытства, но также и Штрук и его жена.

10 февраля. Посещение реальной школы (шаббат). Директор Бирам в прусском духе, но энергичный. Квартира Штрука. Обед у него с милыми разговорами. В гостях у матери Вейцмана, окруженной сыновьями, дочерьми и т.д. Прогулка по Кармелю со Штрукком. Встретили еврейскую работницу. Поднялись на крышу пастора с замечательным видом на Хайфу и море. Еврейский халуц сопровождает нас вниз по крутому спуску к жилищу нашего арабского друга. Маленький народ едва ли знаком с национализмом. Посещение арабского писателя с немецкой женой. Вечером праздник в Техникуме<sup>14</sup>. Снова речи, примечательные – Чернявского и Ауэрбаха. Псалмы и восточноеврейские песни при свете свечей.

11 февраля. Посещение мастерских Техникума. Затем мельница Ротшильда и фабрика оливкового масла. Первая почти готова. Безумно рафинированное, почти автоматическое производство. После обеда поездка по долине Изреэль, из Назарета к Тивериадскому озеру. По дороге посещение строящейся колонии Нахалаль, которая создается по планам Кауфмана. Почти все русские. Деревня с частными участками. Строительные работы в товариществе. После приезда в Назарет, к которому прибыли по живописному пути через горы, начался ливень. Поездка в ночи до имения Мигдаль. На последнем отрезке пути автомобиль тащит через большую грязь до усадьбы лошака. Уютные посиделки с роскошным ужином. Имение должно быть разделено на садовые участки. Наш хозяин – крепкого телосложения цыган, ставший оседлым. Его семья не выдержала жизни тут и живет теперь в Германии. Забавные паломничества с фонарем в отхожее место. Ливень ночью.

<sup>14</sup> Так по-немецки назывался поначалу Технион (политехнический институт) в Хайфе, инициатива создания которого принадлежала Хильфсферейн (или «Эзра») в Берлине. Строительство здания началось в 1912 г., а преподавание — в 1924-м (тогда было 16 студентов по гражданскому строительству и архитектуре). А.Эйнштейн посадил на земле Техниона две пальмы, а в 1924 г. стал первым президентом Технионовского общества (друзей института). Он был уверен в том, что «Израиль может выиграть битву за выживание только благодаря разработке специальных знаний в технологии».

12 февраля. Прогулка вниз, к Тивериадскому озеру. Аллея пальм и пиний. Пейзаж вроде Женевского озера. Солнце выходит. Пышная природа, но зараженность малярией. Очаровательная молодая еврейка и интересный, образованный рабочий в усадьбе. После обеда через живописную Тверию к коммунистическому поселению Дгания в месте, где Иордан вытекает из Тивериадского озера, до этого проехали через Магдалу, родину Марии, где арабы продали археологам землю по колоссальным ценам. Колонисты крайне симпатичны, в основном русские. Грязные, но с серьезным желанием, настойчивостью и любовью воплощают свой идеал в борьбе с малярией, голодом и долгами. Этот коммунизм не будет длиться вечно, но воспитает настоящих людей. После подробной беседы и осмотра поездка при хорошей погоде вверх, в Назарет. По дороге роскошный вид на море, скалистые холмы, а потом живописный городок Назарет. Вечером в немецкой гостинице, уютная, домашняя обстановка. Снова ливень.

13 февраля. Поездка на автомобиле из очень живописного, построенного террасами Назарета через долину Изреэль, Наблус [Шхем] в Иерусалим. Отъезд в довольно сильную жару, затем ощутимый холод с проливным дождем. По дороге путь перекрыт застрявшим грузовиком. Люди и автомобиль по отдельности обходным путем через каналы и поле. Автомобилям в этой стране приходится туго. Вечером немецкий доклад в Иерусалиме в набитом до отказа зале с неизбежными речами и дипломом еврейских врачей, при вручении которого выступающий испугался и запнулся. Слава Богу, и среди нас, евреев, тоже есть не столь самоуверенные. Хотят, чтобы я непременно был в Иерусалиме, меня атакуют в связи с этим сплоченными рядами. Сердце говорит да, а разум нет. Эльза накануне отъезда с тяжелым жаром.

14 февраля. Без четверти семь отъезд с Хадассой (невестка сэра Герберта С.) на вокзал. В 7 часов отъезд после прощания на вокзале. Хадасса едет до Лода. Пересадка. Жене всё хуже, в Кандаре совсем плохо. Приветливый арабский проводник. В Кандаре знакомство с несколькими служащими, которые предлагают моей жене яйца и постель. С 5 до 10 часов пребывание там. Дальнейшая поездка очень тяжела. Прибытие в Порт-Саид. Скрываемся в красивом доме господина Мушли. Всё будет хорошо.



Пребывание Альберта Эйнштейна на Земле Израиля комментировала еврейская печать в Палестине и Европе. Эти репортажи иногда интересно дополняют то, что скрывается за телеграфным стилем эйнштейнского дневника.

*Посещение двух еврейских строительных колоний на западе от Иерусалима, принадлежащих городу, – (5 февраля)*

«В понедельник утром в сопровождении Герберта Сэмюэла, А. Рупина и Ш. Гинцберга Эйнштейн посетил район Боне-Баит [ныне Бейт-га-Керем]. Его встретили комитет района и общественные деятели. Он прошел по улице Ге-халуц и зашел в несколько домов. Он заходил и в мастерские, спрашивал у хозяев, как идет работа и как протекает общественная жизнь». [«Га-арец», 7.02.1923. С. 4.]

А вот воспоминание очевидца:

«У меня сохранился снимок о его визите в Иерусалим, где он идет с домом Эмора и со мной по пустырю, усеянному иерусалимскими камнями. Мы объяснили ему, что на этом пустыре вскоре будет построен новый обширный квартал для старейших учителей и педагогов города, и название кварталу уже выбрано: Бейт-га-Керем [Дом в винограднике] — это было как раз в день закладки первых камней нового района. Альберт Эйнштейн терпеливо карабкался по валунам и скалам и словно невзначай заметил, что должен быть осторожен, поскольку у него есть лишь одна пара обуви. Эта фраза отпечаталась в моей памяти — она была так органична для этого простого и скромного человека. (Кстати, и другие ученые ходили тогда по улочкам Иерусалима как самые обыкновенные люди: я каждое утро встречал профессора Хуго Бергмана, бывшего в ту пору директором Национальной библиотеки, с ведром, в котором он носил воду для питья из дальнего колодца.)». [Фройс, 1964. С. 608.]

*Посещение еврейской библиотеки – (5 февраля)*

«В понедельник, в 17 час. профессор Эйнштейн посетил Национальную библиотеку. Его встретили представители библиотечного комитета Елин и Пресс, управляющий служащими библиотеки. Профессор Эйнштейн посетил сначала читальный зал. Когда гость вошел, все посетители встали из уважения к нему. С балкона он осматривал красивую пано-

раму города, а г. Пресс давал необходимые пояснения. Затем Эйнштейн просмотрел каталоги и поинтересовался, как они составляются. Специально для гостя руководство библиотеки приготовило набор книг по физике на иврите — с начала ивритского книгопечатания, и гость восхитился красотой печати. Профессор Эйнштейн попросил, чтобы ему собрали сведения о состоянии библиотеки и пообещал употребить свое влияние на друзей и знакомых с целью собрать деньги для переправки в Иерусалим книг, собранных для библиотеки за границей. Визит продолжался почти полтора часа». [«Га-арец», 8.02.1923. С. 3.]<sup>15</sup>

*Затем благодарственная речь (довольно забавная) Герберта Сэмюэла – (7 февраля)*

«В здании, предназначенном для Еврейского университета, профессор Эйнштейн прочел лекцию о теории относительности. Усышкин приветствовал профессора речью на иврите, после чего ученый муж прочел свою лекцию по-французски. По окончании публика устроила ему бурные овации. Собрание закрыл Верховный комиссар, который поблагодарил профессора Эйнштейна за его труд ради человечества. Он сказал: “Это хороший знак для Еврейского университета, что его первую лекцию прочел самый мудрый знаток естественных наук в мире”». [«Га-олам», № 5, 14.02.1923. С. 112.]

*После обеда посещение строящейся электростанции Рутенберга – (8 февраля)*

Неделю спустя в выходившем тогда в Берлине журнале «Га-олам» (15.02.1923, с. 5) появилась заметка: «Закончились работы по строительству электростанции в Тель-Авиве, которая является одним из пунктов программы Пинхаса Рутенберга. Станция начала подачу электроэнергии своим абонентам. Первые питающиеся от этой станции лампы уже освещают улицы Тель-Авива. Первый электрический кабель проложен под землей под улицей Алленби».

<sup>15</sup> В те же дни «Га-олам» опубликовал отчет о деятельности библиотеки за истекший месяц тевет. Отмечалось, что за этот месяц библиотекой пользовались 3059 человек, которые читали 1952 книги: 803 — на иврите, 404 — на русском, 356 — на немецком, 206 — на английском, 112 — на идише, 69 — на французском.



*...посещение... завода строительных материалов – (8 февраля)*

«После полудня профессор Эйнштейн в сопровождении г. Дизенгофа проехал в автомобиле по улицам Тель-Авива и в 15.30 посетил завод “Силикат” и очень интересовался работой конвейера и пояснениями, которые давали ему руководители завода». [«Га-арец», 11.02.1923. С. 4.]

*...большой приветственный митинг перед гимназией –*

«В 16 часов была организована публичная встреча с профессором Эйнштейном во дворе Гимназии Герцлия. Широкий двор и балконы не могли вместить тысячи человек, пришедших приветствовать почетного гостя. Д-р Мосинзон обратился к собравшимся с речью, в которой подчеркнул, что “на сей раз мы удостоились великого для нашей страны дня, удостоились принимать всемирно известного человека, вокруг которого, где бы и когда бы он ни появлялся, тотчас собирается огромная толпа, чтобы насладиться светом его облика. И хотя число людей, понимающих его новую теорию, весьма ограничено, все мы тем не менее чувствуем, что перед нами гениальное произведение, и это притягивает к нему людей.

Но профессор Эйнштейн прибыл к нам не только как еврейский ученый, один из немногих еврейских ученых, который с гордостью заявил: я — сын еврейского народа и я творю как еврей, но он пришел к нам как сионист — осмотреть страну, взглядеться в то, что тут делается, в надежде, что позднее ему удастся поселиться здесь, и на это мы скажем ему: Добро пожаловать!” Публика отозвалась приветственными криками и устроила ему бурную, длительную овацию.

Взволнованный этой встречей с народом, профессор Эйнштейн обратился к собравшимся и сказал им несколько слов чрезвычайно сердечным тоном:

“Братья! Впервые в жизни я вижу такое большое собрание евреев! Когда я с сердечным трепетом прибыл на эту землю, я не знал, что найду здесь. Я работал в тиши своей комнаты над научными вопросами, а вы — я изумляюсь вам! Я потрясен титанической работой, которую вы совершили в этой стране в таких тяжё-

лых условиях. Во всей этой работе я чувствую ваше терпение, энтузиазм и вашу творческую мощь, и я выражаю вам глубокую признательность за теплый прием, который вы устроили мне”.

Народ ответил бурными аплодисментами и начал потихоньку расходиться, увещиваемый д-ром Мосинзоном, который просил не утомлять гостя и не мешать ему знакомиться с прочими учреждениями Тель-Авива с целью понять нынешнюю ситуацию. Стоит упомянуть, что во все время встречи царил образцовый порядок, несмотря на тесноту среди тысяч собравшихся». [«Га-арец», 11.02.1923. С. 4.]

*Посещение сельскохозяйственной опытной станции –*

«Из гимназии профессор Эйнштейн в сопровождении г. Дизенгофа и д-ра Мосинзона направился на опытную станцию Сионистской экзекутивы. Директор учреждения, агроном И. Вилканский, встретил Эйнштейна и провел по всем отделениям станции. Почетный гость проявил искреннюю заинтересованность, задавал вопросы и внимательно слушал разъяснения, которые давали ему руководители отделений, каждый в своей области» [там же].

*Посещение... научных вечерних курсов Чернявского –*

«С опытной станции профессор Эйнштейн отправился в здание научных вечерних курсов на улице Иегуды Галеви, где его приняли д-р Чернявский и преподаватели. Д-р Чернявский подробно рассказал ему об этом учреждении, продемонстрировал целую выставку книг по теории относительности и подарил ему на память отпечатанный на роскошной бумаге экземпляр газеты «Га-арец», № 1059, где в статье д-ра Чернявского излагалась теория относительности Эйнштейна. Одна из учениц поднесла гостю букет цветов» [там же].

*Посещение... Объединения инженеров –*

«В 6 часов вечера профессор Эйнштейн посетил собрание Объединения инженеров, организованное в его честь в их конторе на улице Лиленблума. Инженер Райх приветствовал гостя от имени Объединения инженеров и архитекторов. Он попросил гостя принять звание почетного члена организации и вручил ему художественно оформленный диплом в искусной серебряной шкатулке — обе вещи выполнены

мастером Йеридия специально в подарок Эйнштейну. Эйнштейн поблагодарил за прекрасный прием и красивые подарки и сказал, что очень рад членству в этой организации. После того как ему показали новые станки и приборы, приобретенные объединением для его профессиональной работы, профессор снялся с товарищами на фото и тепло распрощался с ними» [там же].

*Вечером встреча с образованной публикой, моя речь –*

«Вечером муниципалитет устроил роскошный вечер в честь профессора Эйнштейна. Вечер проходил в большом зале Гимназии Герцлия, однако ввиду того, что и он не очень велик, пришлось сократить число участников: пускали только по приглачительным билетам, которые получили руководство города, общественные деятели, некоторые учителя, некоторые ивритские литераторы (учителей и писателей было постыдно мало, как у нас водится) и т.п. В 20 часов публика начала сходиться. Трибуны зала были украшены цветами и гирляндами флажков.

В 20.30 в зал вошел профессор Эйнштейн с супругой в сопровождении г. Дизенгофа, д-ра Мосинзона, семьи Толковских и Гинцберг. Собравшиеся встали при их появлении и принялись громко аплодировать.

Г. Дизенгоф взошел на трибуну и обратился к собравшимся с краткой шутиливой речью. На него, сказал мэр, возложена обязанность представить гостя. Однако задача эта отнюдь не проста. Он, Дизенгоф, специально поехал в Иерусалим, чтобы послушать лекцию профессора на горе Скопус, но вынужден признаться — и не стыдится этого, — что не очень-то понял его метод, а посему опасается рассуждать о предмете, к которому не имеет отношения, и объяснять присутствующим, в чем величие Эйнштейна и в чем состоит его новаторство в науке. Это гость согласился сделать сам, однако в первоначальную программу дня научная лекция включена не была. Но и он, Дизенгоф, не может уйти, ничего не сказав, а поскольку представить гостя публике для него слишком трудно, он избирает легкий путь и представит публику нашему почетному гостю. Тут собрались представители разных организаций и разных профессий, но всех их сплачивает одно — строительство Земли Израиля. Оратор подчеркнул величие задачи и величие нынешнего поколения, чьи душа и сердце отданы Сиону и

возрождению нашего народа у своего национального очага. Оратор сообщил собравшимся, что муниципалитет Тель-Авива избрал Эйнштейна почетным гражданином города, и это первый почетный гражданин первого ивритского города в мире.

На трибуну всходит профессор Эйнштейн и рассказывает по-немецки о связи теории относительности с философскими проблемами. В течение трех четвертей часа он говорит емкими лаконичными словами о выводах теории относительности, касающихся теории познания. Его теория противоречит взгляду Канта на пространство и время как на наши априорные представления, которые предшествуют всякой эмпирике и неотъемлемы от нашего разума. Другой вывод касается опровержения представления о бесконечности космической Вселенной. В кратком хроникальном отчете невозможно передать даже выжимки тех глубочайших рассуждений, что прозвучали, но были поняты лишь совсем немногими.

После речей гостя и д-ра Мосинзона хор Кричевского с большим вкусом исполнил два фрагмента из псалмов: “Поднимите, врата, верхи свои, и поднимитесь, двери вечные, и войдет Царь Славы!” (24:7) и “Господь царствует, Он облечен величием” (93:1). Слыша, как эти величественные, возвышенные звуки слетают с уст учениц и учеников Гимназии Герцлия, понимаешь, каким благословением является эстетическое воспитание в рамках общего образования» [*там же*].

#### *Вечером немецкий доклад в Иерусалиме – (13 февраля)*

В 16.30 в помещении школы «Лемель»<sup>16</sup> состоялось повторение лекции Эйнштейна о теории относительности. «На этот раз профессор читал по-немецки, и его тут же переводили на иврит. Эйнштейна величали “знаменосцем еврейского национального возрождения”. В ответной речи Эйнштейн, в частности, сказал: “Я считаю этот день величайшим днем в моей жизни... Мы живем в великое время — время раскрепощения еврейской души... Я убедился, что именно это постоянно происходит на вашей земле...”» [«Га-арец», 14.02.1923. С. 4.]

<sup>16</sup> Школа «Лемель» была основана в Иерусалиме в 1856 г. для еврейских детей — выходцев из Германии при финансовой поддержке общества «Эзра» (Hilfsverein); в 1923 г. располагалась на Абиссинской улице.

# Взгляд Эйнштейна на сионизм и отношения с арабами

Начиная с 1921 года, Альберт Эйнштейн постоянно подчеркивал свою связь с еврейством и сионизмом. Высказывания ученого о евреях и путях их самоопределения в XX веке столь многочисленны, что на сегодня составляют несколько книг. Одной из первых в этом ряду была изданная в 1931 году Леоном Симоном и постоянно цитируемая книга «А. Эйнштейн. О сионизме»<sup>17</sup>, фрагменты из которой воспроизводятся ниже.

Позиция Эйнштейна зачастую кажется наивной, порой хочется обвинить его в исторической слепоте, но, прежде чем обойти вниманием эти политические выступления Эйнштейна-гуманиста, следует вспомнить, как пагубно близоруки оказались в XX веке многие незаурядные умы, еврейские и нееврейские. Кроме того, Эйнштейн часто высказывает отнюдь не тривиальные суждения, которые и сегодня многим в новинку.

Что, на мой взгляд, всегда и во всем отличает Эйнштейна, это высокий этический стандарт, по которому он мерит человечество, а если человечество этому стандарту не соответствует, вряд ли можно инкриминировать сей прискорбный факт Эйнштейну. Он так много сделал для науки и

---

<sup>17</sup> A. Einstein. About Zionism: Speeches and Letters by Professor Einstein. Transl. and ed. by L. Simon. New York, The Macmillan Company, 1931.

для евреев, что не нуждается в нашей апологии, и все же хочу отметить, что его позиция во многих болевых вопросах существования еврейского народа менялась, и он не боялся отказываться от своих прежних слов, если считал их заблуждением.

Прочтенные в хронологическом порядке эти материалы наглядно демонстрируют динамику взглядов Эйнштейна на еврейское заселение Палестины и конфликт евреев с арабами.

## 1927

### Евреи и Земля Израиля<sup>18</sup>

Палестинская проблема, на мой взгляд, двояка. В первую очередь это – проблема расселения евреев в этой стране. Она требует широкомасштабной помощи извне; ее успешное решение невозможно до тех пор, пока в нее не будут поступать отчисления из общенациональных еврейских источников. Вторая задача – поощрение там частной инициативы, особенно в торговле и промышленности.

Самое глубокое впечатление, произведенное на меня сионистской деятельностью в Палестине, связано с самопожертвованием молодых тружеников – мужчин и женщин. Уроженцы разных уголков земного шара, люди разного происхождения, они преуспели, потому что, вдохновленные общим идеалом, объединились в тесно спаянные трудовые коллективы. Мне чрезвычайно понравился дух инициативы, проявившийся в развитии городов. Есть во всем этом нечто грандиозное. Чувствуешь, что эти свершения родились исключительно на взлете мощных национальных эмоций. Ничем иным нельзя объяснить эти из ряда вон выходящие достижения, особенно на морском побережье в районе Тель-Авива.

Мне ни разу не показалось, что арабский вопрос может угрожать развитию Палестины. Я скорее полагаю, что евреи и арабы (особенно – их рабочий класс) смогут прекрасно сосуществовать и в дальнейшем. Трудности, которые мы сейчас наблюдаем, были изначально присущи ситуации в стране, и там, на месте, их можно преодолеть, руководствуясь здравым смыслом. Гораздо сложнее проблема экономического восстановления страны и вопросы санитарии.

<sup>18</sup> Указ. соч., с. 57 — 60. Перевод Ю. Миллер.

Так уж сложилось, что евреи все еще не до конца осознают значение палестинской проблемы; они не понимают, какое она имеет к ним отношение. И в самом деле, какое дело многомиллионной, разбросанной по всему свету нации до одного – полутора миллионов человек, поселившихся в Палестине? Однако для меня важность сионистской работы кроется именно в ее воздействии на тех евреев, которые совсем не собираются жить в Палестине. Следует различать воздействие внешнее и внутреннее. Внутренним влиянием, на мой взгляд, будет душевное оздоровление еврейства; иными словами, евреи обретут счастье ощущать себя единым целым, и у них появится чувство самоценности, которое общий идеал просто не может не пробудить в них. Это уже присуще современному молодому поколению – и отнюдь не только юным сионистам – и выгодно отличает его от старших поколений, чьи усилия, направленные на то, чтобы раствориться в нееврейском мире, породили едва ли не трагическую опустошенность. Таков внутренний эффект. Внешнее воздействие развитой Палестины заключается в том статусе, которого человеческая группа может достичь только благодаря коллективному производительному труду. Я верю, что существование еврейского национального центра укрепит моральные и политические позиции евреев во всем мире хотя бы потому, что будет существовать нечто реальное, глубоко затрагивающее интересы всего еврейского народа.



## 1929

В 1929 году иерусалимский муфтий Хадж Амин, желая не допустить евреев молиться у Западной Стены (Стены Плача), обвинил их в намерении осквернить святыя места ислама. 23 августа (7 ава) и в следующие дни арабы учинили погром в Старом городе и других еврейских кварталах и окрестностях Иерусалима, 24 августа — вырезали всех, относящихся к иешиве «Слободка» в Хевроне (около 70 убитых). Арабский мятеж, сопровождавшийся зверскими убийствами евреев, грабежами и насилиями, распространился на Тель-Авив, Хайфу, Цфат, сионистские сельско-

хозяйственные поселения. Почти всюду евреи оказали вооруженное сопротивление, в первую очередь силами бойцов подполья Хагана.

События в Палестине взволновали весь еврейский мир, в начале сентября во многих городах Европы и Америки прошли массовые еврейские митинги протеста: в Нью-Йорке собралось 25 тысяч человек, в Париже — 5 тысяч, с участием Х. Вейцмана и Стивена Вайза, в Лондоне — 2 тысячи, с участием В. Жаботинского. Демонстрации и собрания состоялись также в Антверпене, Брюсселе, Ковне, Буэнос-Айресе, Загребе (Болгария), и почти всюду они заканчивались пением сионистского гимна «Га-тиква». Еврейская печать публиковала выступления видных представителей еврейских движений, партий, организаций. О политической тональности тогдашних речей можно судить по эмоциональным и в то же время корректным словам главного раввина Великобритании, д-ра Джозефа Германа Герца:

Невероятное случилось! Безжалостное избиение евреев совершалось под британским флагом — резня, самая ужасная на Земле Израила со времен резни, учиненной крестоносцами около 850 лет назад. Это — погром! Слово может вам не понравиться, но именно его я произношу и никакое другое. Этот погром во всем соответствует образцу настоящей русской резни в царское время. Есть тут все постыдные признаки погрома: число убитых исчисляется сотнями, не пощадили ни стариков, ни женщин; и все сопутствующие варварскому бандитизму явления — грабежи и поджоги, издевательства и бесчеловечные зверства — присутствуют здесь. Но наш долг видеть не только черное. Мы доверяем британскому народу и его чувству справедливости. Когда слово сионизма дойдет к британскому народу, он выполнит свои обещания, как было обещано. Мы доверяем британскому правительству и верим в Господа Бога и Его справедливость — Он всегда нас защитит. Вот мое последнее слово: никакая сила и никакое зло в мире не остановят наши успешные действия на земле наших праотцев! [«Га-олам», № 39, 13.09.1929. С. 755.]

Уже в августе 1929 года Альберт Эйнштейн немедленно выступил в западной печати, давая свою оценку ситуации в Палестине.



\* \* \*

До глубины души потрясенные катастрофической трагедией в Палестине евреи должны показать, что они поистине достойны той великой задачи, которую поставили перед собой. Разумеется, никакие разрушения ни в малейшей мере не ослабят нашу преданность делу и решимость продолжать мирный созидательный труд. Но что следует предпринять, чтобы избежать повторения подобных ужасов?

Во-первых, совершенно необходимо создать общий с арабами «модус вивенди». Трения, вероятно, неминуемы, однако их пагубные последствия следует предотвращать совместными усилиями: легко воспламеняемые материалы не должны скапливаться в горячих точках. Отсутствие нормальных контактов в обыденной жизни может породить атмосферу взаимного страха и недоверия, столь благотворные для взрыва дремлющих до поры страстей, свидетелями чего нам пришлось стать. Мы, евреи, должны прежде всего показать, что история собственных страданий наделила нас пониманием и с точки зрения психологического анализа, и в том, что касается организационных шагов, и мы утверждаем, что на пути к миру между евреями и арабами нет непреодолимых препятствий. Давайте прежде всего охраним себя от малейших проявлений слепого шовинизма и перестанем полагать, будто британские штыки могут заменить разум и здравый смысл.

Но одно требование мы в любом случае должны предъявить мандатным властям, ответственным за благополучие в стране. Всем, кто занят мирным трудом, должна быть предоставлена равная защита. Власти обязаны, с одной стороны, обеспечивать безопасность разбросанных на большом удалении друг от друга еврейских поселений, а с другой – помогать сглаживать межнациональные разногласия. Не стоит и говорить, что евреям должно быть предоставлено пропорциональное участие в несении полицейской службы. Мандатным властям не избежать упрека в том, что они далеко не надлежащим образом выполняли свои обязанности, как и в том, что ответственные инстанции ложно оценивали события во вверенной им стране.

В нынешней ситуации величайшая опасность – позволить слепому шовинизму проникнуть в наши ряды. Как бы твердо мы ни стояли на страже наших жизней и имущества, ни на единый момент нельзя забывать, что наша национальная задача по сути своей наднациональ-

на и что сила нашего движения в целом зиждется на его этической оправданности, в зависимости от которой ему суждено либо победить, либо погибнуть.



Несколько месяцев спустя английская газета «Manchester Guardian» (12.10.1929) опубликовала следующее открытое письмо Альберта Эйнштейна.

\* \* \*

Редактору газеты «Манчестер гардиан».

Сэр,

С чувством беспокойства я следил за выступлениями британской прессы по поводу последних событий в Палестине. Прочитанное подействовало на меня столь глубоко, что вопреки своему отвращению к политической деятельности я ощутил потребность прибегнуть к услугам Вашей газеты, чтобы высказать следующие замечания.

В минувшую войну на долю евреев выпали наибольшие страдания, поэтому они восприняли обязательство Великобритании поддерживать восстановление еврейского «национального очага» в Палестине с восторженным энтузиазмом и чувством глубокой благодарности. Еврейский народ, понесший огромный физический урон и испытавший на себе крах морали, увидел в британском обещании тот устойчивый фундамент, на котором еврейская национальная жизнь может восстать из небытия в Палестине. Такое возрождение само по себе, а также своими материальными и интеллектуальными достижениями способно вселить в рассеянных по всему свету евреев надежду и чувство собственного достоинства. Евреи всех стран дали своих лучших сынов и дочерей и пожертвовали большие капиталы ради претворения в жизнь многовековой мечты. За какой-то десяток лет было собрано и внесено примерно десять миллионов фунтов стерлингов, а сто тысяч евреев-энтузиастов приехали в Палестину, чтобы вернуть к жизни ее заброшенную землю. Были обводнены пустыни, насажены леса, осушены болота, искоренены тяжкие болезни. Все эти мирные свер-

шения (пусть и не столь великие по своим масштабам) вызывают восхищение любого.

Но не начал ли фундамент, на который мы опирались, расшатываться? Ныне почти повсеместно на страницах британской прессы наши устремления встречают недоумение, холодность и неприязнь. Что случилось?

Арабские банды, организованные и доведенные политическими интриганами до высшей степени религиозного фанатизма, напали на удаленные друг от друга еврейские поселения, сея смерть и грабя все подряд. В Хевроне учащиеся иешивы, невинные юноши, ни разу в жизни не державшие в руках оружия, были хладнокровно и жестоко убиты; в Цфате та же участь постигла престарелых раввинов, их жен и детей. Недавно несколько арабов совершили налет на еврейский сиротский приют, где нашли убежище евреи, уцелевшие после массовых российских погромов<sup>19</sup>. И как после этого не поражаться, что часть британской прессы использовала эту оргию первобытной жестокости для пропагандистской кампании в пользу инициаторов и исполнителей злодеяний?

Ничуть не меньше обескураживает, что пресса замалчивает достижения и характер еврейской созидательной деятельности в Палестине. Прошло десять лет с тех пор, как правительство Великобритании официально провозгласило в качестве своей политики создание в Палестине еврейского «национального очага». Тогда британская печать и лидеры всех политических партий одобрили это решение почти единодушно. Затем последовала поддержка практически всех правительств цивилизованного мира, которая нашла юридическое воплощение в том, что Великобритания получила мандат на управление Палестиной. Для осуществления великой задачи мирного обновления евреи послали своих сынов и дочерей, а также внесли добровольные денежные пожертвования. Не боясь впасть в преувеличение, можно заявить, что, исключая борьбу европейских наций за победу в минувшей войне, наше поколение не знало национальных усилий, столь высоких по своей одухотворенности и жертвенности, как те, что продемонстрировали евреи во имя мирного обновления Палестины.

Когда путешественник пересекает эту страну, как посчастливилось мне несколько лет назад, и видит молодых первопроходцев, людей выдающихся интеллектуальных и моральных качеств, которые дробят кам-

<sup>19</sup> Приют был создан для евреев, уцелевших после волны погромов, прокатившихся в годы Гражданской войны по Украине и югу России.

ни и мостят дороги под жгучими лучами палестинского солнца; когда его глазам открываются цветущие сельскохозяйственные поселения, «проросшие» в древней палестинской пустыне благодаря напряженному труду еврейских колонистов; когда налицо развитие гидроэнергетики и зачатки промышленности, а сверх того существует система образования от детских садов до университета, причем на языке Библии, – какой наблюдатель, независимо от происхождения и религии, устоит перед магией столь невероятной самоотдачи? И не дикость ли, что зверства фанатичных банд могут свести на нет все еврейские достижения в Палестине? Что жестокость и ненависть приведут к требованию объявить недействительными все торжественные заверения в официальной поддержке и покровительстве?

Сионизм базируется на двух началах. С одной стороны, он вырос из реальности еврейских мук. Я не предполагаю рисовать здесь картину многовековых страданий еврейского народа; их первопричиной было отсутствие своего национального дома. И сегодня евреи всего мира продолжают страдать, а общественное мнение цивилизованного человечества не желает придавать этому значения. В Восточной Европе нет такого места, где бы еврею не грозило физическое нападение. Унизительные ограничения былых времен переродились в экономическую дискриминацию, а ограничения в сфере образования (например, «процентная норма» при поступлении в университет) дискриминируют евреев в интеллектуальной деятельности. Я убежден, что в наше время нет нужды доказывать, что и в западном мире существует «еврейская проблема». Разве можно говорить, что неевреи в полной мере осознали страдания и моральную деградацию евреев, порожденные самим фактом бездомного прозябания этого одаренного в интеллектуальном и эмоциональном плане народа?

Подоплеку этого прискорбного феномена с поразительной интуицией первыми поняли сионисты: еврейскую проблему нельзя решить ассимиляцией каждого отдельного еврея в окружающем его мире. Еврейская индивидуальность слишком сильна, чтобы ее можно было стереть подобной ассимиляцией, и чересчур чувствительна, чтобы пойти на такое самоуничтожение. Конечно, ясно, что и в лучшем случае переместить в Палестину удастся только меньшую часть еврейского народа. Однако те, кто глубоко исследовал суть проблемы (независимо от того, являются они евреями или нет), твердо убеждены, что создание «национального очага» еврейского народа в Палестине сможет поднять статус и чувство собственного достоинства евреев, остающих-

ся в странах диаспоры. Так будет внесен реальный вклад в упрочение равноправных отношений между неевреями и евреями во всем мире.

Однако сионизм проистекает из причин даже более глубоких, чем страдания евреев. Он коренится в еврейской духовной традиции. Именно ее сохранение и развитие на протяжении веков сделали для евреев *raison d'être* [смыслом существования] как общины. В национальном возрождении на своей древней земле, у своего «национального очага», где еврейские духовные ценности могли бы получить новый толчок к развитию в естественной еврейской атмосфере, наиболее просвещенные представители еврейства видят необходимую предпосылку существования евреев как нации и обретения ими свободы духовного творчества.

Именно этими стремлениями и надеждами питается еврейское возрождение в Палестине. Сионизм не является движением, которое возвело в принцип национальный шовинизм или *sacro egoismo* [святой эгоизм]. Я убежден, что такого рода движение не встретило бы поддержки подавляющего большинства народа. Точно так же сионизм не собирает никого в Палестине лишать его прав или владений. Напротив, мы убеждены, что можем установить дружественное и конструктивное сотрудничество с родственной арабской нацией, что послужило бы на благо обеим группам населения, как в материальном, так и в духовном плане. Колонизационная деятельность евреев в Палестине не лишила ни одного араба принадлежавшей ему собственности; каждый акр земли, который приобретал еврей, был куплен по обоюдной договоренности. Любой путешественник мог засвидетельствовать, как необычайно улучшилось экономическое состояние и медико-санитарное обслуживание арабского населения – прямое следствие еврейской колонизации. По всей территории Палестины сложились дружественные отношения между обитателями еврейских поселений и соседних арабских деревень. Еврейские и арабские железнодорожные рабочие объединились в одном профессиональном союзе, и уровень жизни арабов поднялся. Арабские ученые получили возможность работать в большой библиотеке Еврейского университета, а арабский язык и история арабской цивилизации стали предметами изучения в этом университете. Арабские трудящиеся занимались на вечерних курсах в еврейском политехническом институте [Технионе] в Хайфе. Местное население все более ощущает прогресс – экономический, медико-санитарный, интеллектуальный, – который принесла этой стране и всем ее обитателям созидательная деятельность евре-

ев. И несомненно, одним из наиболее утешительных проявлений нынешнего кризиса являются просьбы о личной защите, с которыми обращаются к евреям арабские жители, страшась нападения фанатичных банд.

Сионистское движение вкладывает беспрецедентные усилия и средства в возрождение заброшенной страны, где благодаря методам интенсивного развития могли бы найти пристанище сотни тысяч новых переселенцев, не причинив ни малейшего ущерба уроженцам этой земли.

Вот почему я предлагаю сионистскому движению – во имя его высоких целей и памятуя о поддержке, торжественно обещанной ему цивилизованным миром, – потребовать, чтобы эти беспримерные достижения не были сведены на нет ничтожной кликой смутьянов, пусть даже облаченной в одежды исламского духовенства. Сознает ли общественное мнение Великобритании, что являющийся источником всех беспорядков и столь громогласно вещающий от имени всех мусульман Верховный муфтий Иерусалима – не более чем политиканствующий недоросль лет тридцати от роду? Насколько мне известно, в 1920 году он был приговорен к нескольким годам тюремного заключения за причастность к вспыхнувшим в ту пору мятежам и позже попал под амнистию<sup>20</sup>. Умонастроения этого человека можно оценить по сделанному им недавно для прессы заявлению, в котором он обвинил меня – это из всех-то людей! – в том, что я требовал восстановить Храм на месте мечети Омара<sup>21</sup>. До каких пор можно терпеть, чтобы абсолютно безответственный и неразборчивый в средствах политикан использовал свое пагубное влияние, замаскировавшись святостью религии и распоряжаясь всей полнотой светской власти в любом восточном государстве? И это в стране, где невежественный фанатизм под влия-

<sup>20</sup> Хадж Амин ал-Хусейни был заочно приговорен британским судом к 15 годам тюрьмы за организацию погромов в апреле 1920 г. в Иерусалиме, но миротворец Г. Сэмюэл в марте 1921-го произвел его в муфтии Иерусалима. В 1922 г. Хадж Амин был избран председателем Верховного мусульманского совета и стал последовательно руководить антиеврейской экстремистской деятельностью палестинских арабов, в том числе их вооруженными выступлениями в 1929 и 1936 — 1939 гг.

<sup>21</sup> Имеется в виду еврейская мессианская идея о восстановлении Храма на Храмовой горе в Иерусалиме, там, где стоял построенный в X веке до н.э. при царе Соломоне и разрушенный вавилонскими войсками в 586 году до н.э. Первый Храм, а также восстановленный в 516 году до н.э. и разрушенный римлянами в 70 году н.э. Второй Храм. Стоящая на этом месте мечеть Купол над Скалой, известная также как Мечеть Омара, является древнейшей святыней мусульман в Иерусалиме (построена в 692 г.).

нием злокозненных подстрекателей легко оборачивается насилием и убийствами.

Осуществление великих целей, сформулированных в Мандате на управление Палестиной, в огромной мере зависит от общественного мнения Великобритании, которое формируют ее пресса и государственные деятели. Еврейский народ вправе ожидать, что его мирный труд встретит активную и доброжелательную поддержку мандатных властей. Он вправе требовать, чтобы виновные в разжигании нынешних мятежей понесли заслуженное наказание и чтобы лица, которым поручено управлять страной столь неповторимого прошлого и столь уникальных перспектив, получили бы указания оправдать великое доверие, возложенное всем цивилизованным миром на мандатную администрацию. Ей следует пользоваться своей властью в повседневном управлении делами с твердостью и пониманием своей задачи. Евреи не хотят жить на земле своих предков под охраной британских штыков: они пришли как друзья родственной арабской нации. Все, чего они ожидают от Великобритании, – это содействие улучшению добрососедских отношений между евреями и арабами, непримиримость к сеющей рознь пропаганде и создание в Палестине таких органов безопасности, которые гарантировали бы необходимую защиту жизни и мирного труда ее жителей.

Евреи никогда не откажутся от начатого ими созидательного труда. Это совершенно отчетливо видно из реакции всех евреев на события последних недель – независимо от того, являются ли они сионистами или нет. Однако от мандатных властей зависит, будет ли этот труд иметь реальное продолжение или потерпит крах. Крайне важно, чтобы общественное мнение Великобритании, ее правительство и мандатные власти в Палестине ощутили свою ответственность за оказанное им огромное доверие в деле управления страной. Это важно не столько потому, что когда-то Великобритания заявила о своей ответственности в юридической форме, но в первую очередь в силу их глубокой убежденности в значимости и необходимости выполняемой сионистами задачи. Осуществление ее будет способствовать прогрессу и миру всего человечества и исправит великую историческую несправедливость. Я не верю, что крупнейшая на планете колониальная держава может оказаться бессильна, когда ей приходится употребить весь свой опыт в управлении колониями на пользу восстановления древнего дома народа Библии. Возможно, задача, выпавшая на долю мандатных властей, нелегка, однако в случае успеха они

заслужат вечную благодарность не только евреев, но и всех благородных сынов человечества.

Искренне ваш А. Эйнштейн  
Берлин, 7 октября 1929 года



А вот как Эйнштейн высказался по следам августовских событий в личной переписке:

Если мы не сможем найти путь к честной кооперации и к честным соглашениям с арабами, значит, мы ничему не научились за 2000 лет наших страданий и заслуживаем своей участи. [Из письма Х. Вейцману. 25.11.1929. Calaprice, 2000. P. 130 — 131.]

## 1930

Несмотря на непрекращающуюся агрессию арабов против сионистов и религиозных евреев в Палестине, Эйнштейн не спешил расстаться со своей утопической позицией в отношении дружеского взаимовыгодного сосуществования там арабов и евреев — об этом свидетельствует его выступление на страницах выходившей в Палестине на арабском языке газеты «Фаластин» (28.01.1930).

\* \* \*

Многие, подобно мне, долгие годы лелеяли убеждение, что грядущее человечество будет представлять собой тесное единение всех народов и что агрессивный национализм уйдет в небытие. Будущее Палестины возможно лишь на основе мирного сотрудничества двух народов, для каждого из которых эта страна — родной дом. Поэтому я выражал надежду, что великий арабский народ продемонстрирует более верное понимание тех чувств, которые испытывают евреи, занятые восстановлением своего «национального очага» в древней обители иудаизма; я надеялся, что совместными усилиями будут найдены приемлемые пути и средства для расселения евреев в стране. Я убеж-



ден, что преданность еврейского народа Палестине пойдет на благо всем жителям страны. И не только в материальном, но и в духовном и национальном смысле. Я верю, что арабское возрождение на огромных пространствах земли, которые они ныне занимают, только выиграет от взаимопонимания с евреями. Я приветствовал бы предельно свободный и откровенный обмен мнениями, поскольку верю, что два великих семитских народа, каждый из которых на своем историческом пути внес исключительно ценный вклад в западную цивилизацию, могут обрести великое будущее. Вместо бесплодного противостояния и взаимного недоверия они могли бы поддерживать национальные и культурные усилия друг друга и налаживать дружественное сотрудничество. Я полагаю, что в первую очередь созданием атмосферы доверия могли бы заняться те, кто не принимает активного участия в политической деятельности.

Я оплакиваю трагические события минувшего августа не только потому, что они выявили самые низменные свойства человеческой природы, – эти события внесли отчужденность в отношения двух народов и на время затруднили их сотрудничество. Однако, несмотря ни на что, им следует идти вместе. [Rosenkranz, 1998. P. 90.]



Точка зрения профессора Альберта Эйнштейна  
на сионистское движение  
(Выступление в программе радиокompании Эн-би-си)

Во время очередного приезда А. Эйнштейна в Америку Сионистская федерация американских студентов «Факел» организовала ему выступление по радио, которое состоялось 13 декабря 1930 года. Обращению Эйнштейна предшествовало вступительное слово председателя административного комитета «Факел» доктора Митчелла Фишера:

Одно из самых больших утешений еврейского народа в современной эпохе заключается в том, что Альберт Эйнштейн, один из его величайших сынов, проникся сочувствием к бедам и тяготам своего народа и неустанно трудится ради его блага. Он гордится духов-

ным наследием евреев. Его особенно заинтересовали те энтузиасты — мужчины и женщины, которые проложили дорогу в Палестину и остались на исторической земле своих отцов, чтобы построить новое еврейское государство.

Альберт Эйнштейн обратится к вам не столько как крупнейший ученый и гражданин мира, но как выдающийся сын еврейского народа. Многие годы он проявлял интерес к Палестине и сионистскому движению. Оригинал рукописи Альберта Эйнштейна, излагающий его теорию относительности, ныне хранится в Еврейском университете в Иерусалиме.

Он пришел к выводу, что мы, члены «Факела», пытаемся донести до американской и канадской молодежи не просто романтическое восприятие сионистского движения, но ясное и точное понимание: у евреев должна быть возможность возродить свою национальную жизнь. Лишь тогда еврейский народ наравне с любым иным народом сможет вносить свой вклад в культуру человечества.

Уже пять лет «Факел» при помощи лекций, выступлений в прессе и т.п. стремится донести идею сионизма до американского студенчества. Показательно, что множество объединений упрашивало профессора Эйнштейна выступить под их эгидой, но он сделал выбор в пользу «Факела».

Сегодня доктор Батлер назвал профессора Эйнштейна властителем дум. Мы же представляем его вам как великого друга сионистского дела. От имени многочисленных, разбросанных по всей стране отделений «Факела» я рад представить радиослушателям ученого и философа, немца и еврея, сиониста Альберта Эйнштейна.

Затем у микрофона выступил Эйнштейн:

Мои дорогие друзья, я рад, что мне предоставлена возможность обратиться непосредственно к молодежи, которая сохранила верность еврейским идеалам. Вы ясно видите трудности, с которыми мы сегодня столкнулись в Палестине. Но я прошу вас не впадать в уныние. Это — испытание еврейского народа, его воли к жизни. Несомненно, есть что критиковать и в заявлениях, и в действиях британских официальных лиц. Этим мы, однако, не можем удов-

летвориться — мы обязаны вывести из происходящего свой урок. Прежде всего, мы должны обратить самое пристальное внимание на наши отношения с арабским народом. Совершенствуя эти отношения, мы избежим опасных трений, которые могут быть использованы для разжигания вражды. Не надо забывать, что созидательная работа в Палестине ведется и впредь должна вестись для всеобщего блага, в том числе и для арабского населения<sup>22</sup>. Во-вторых, поступая таким образом, мы избавимся от необходимости — обременительной и для арабов, и для евреев — обращаться к мандатным властям как к судьям и посредникам.

Следуя по такому пути, мы не просто проявим здравый смысл, но и сохраним верность нашим традициям, которые превыше всего ставили единство Израиля. Бесспорно, что единство евреев мира вовсе не является каким-то политическим союзом и никогда таковым не станет. Оно сохранится исключительно на уровне моральной традиции. Только в ней еврейский народ может черпать свою созидательную силу и только на ней может строить свое существование.



## 1938

Как известно, в 1936 году в Палестине вспыхнуло арабское восстание, которое вылилось в многочисленные акты насилия арабов над евреями во всех точках страны. С небольшими затишьями восстание продолжалось четыре года, которые были отмечены не только многими жертвами еврейского населения, но и грабежами, уничтожением еврейских посевов и

<sup>22</sup> Насколько слабо Эйнштейн представлял истинное положение дел, можно судить по такому эпизоду: когда в феврале 1923 г. в Тель-Авиве заработала первая электростанция, жители соседнего Яффо пожелали тоже воспользоваться благами технического прогресса, однако на представительном собрании, где евреи и христиане оказались в меньшинстве, волею арабского большинства было решено отказаться от услуг «станции Рутенберга», и Яффо остался неэлектрифицированным.

скота, религиозными преследованиями и издевательствами. Английская полиция и представители власти по большей части открыто попустительствовали арабам. В период этих событий 17 апреля 1938 года в Нью-Йорке, перед Национальным рабочим комитетом для помощи Палестине, прозвучали публикуемые ниже слова Эйнштейна, изначально убежденного пацифиста и противника вооруженной борьбы.

### Наш долг сионизму<sup>23</sup>

Вряд ли со времен завоевания Иерусалима императором Титом<sup>24</sup> на долю еврейского народа выпадали столь тяжкие гонения, как те, что достались ему в наши дни. По сути, наше время более трагично, поскольку сегодня есть куда меньше возможностей перебраться в безопасные места, чем в те далекие годы.

И все же мы переживем и это лихолетье, сколько бы скорби и утрат оно ни принесло. Народ, подобный нашему, народ, остающийся единым целым исключительно благодаря традиции, в пору преследований становится лишь сильнее. Сегодня каждый еврей чувствует, что быть евреем – это означает отвечать не только перед своим народом, но и перед человечеством. В конце концов, быть евреем – это прежде всего знать и воплощать в жизнь заложенные в Библии гуманистические основы, без которых невозможно здоровое гармоничное человеческое сообщество.

Сегодня нас объединила тревога за будущее Палестины. В этот час прежде всего следует подчеркнуть: еврейство в большом долгу перед сионизмом. Сионистское движение возродило в еврейской среде чувство общности. Оно проделало чрезвычайно большую работу, которая превзошла самые смелые ожидания. Плодотворная деятельность сионистов в Палестине – вклад энтузиастов всего мира – спасла от страшных невзгод многих наших собратьев, а значительной части нашей еврейской молодежи она позволила жить, в полной мере радуясь своему созидательному труду.

---

<sup>23</sup> А. Einstein. Our Debt to Zionism // New Palestine (Washington D.C.), 28.04.1938. Перевод Ю. Миллер.

<sup>24</sup> В 70 году н.э. римские войска под командованием Тита после пятимесячной осады захватили Иерусалим, с боем взяли Храм и сожгли его. Большинство восставших жителей Иерусалима было убито или погибло от голода; уцелевших евреев угнали в Рим или продали в рабство.

Зловещая болезнь современности – порожденный слепой ненавистью безумный национализм – поставила сегодня нашу деятельность перед наиболее трудным испытанием. Обрабатываемые днем поля требуют ночью вооруженной защиты от фанатичных арабских бандитов. Обстановка нестабильности наносит урон всей экономической жизни. Вянет дух предпринимательства, возникает безработица (впрочем, по американским масштабам вполне умеренная).

Сплоченность и стойкость, с какими наши братья в Палестине встречают эти трудности, вызывают восхищение. Те, кто еще сохранил работу, помогают безработным. Душевный подъем не иссяк по-прежнему. Он опирается на убеждение, что выдержка и здравый смысл служат залогом победы. Общеизвестно, что мятеж намеренно разжигают те, кто заинтересован поставить в трудное положение не столько нас, сколько англичан. Все знают, что беспорядки закончатся, едва бунтовщиков прекратят «подкармливать» извне. С другой стороны, наши соплеменники в других странах поддержат своих палестинских братьев. Они тоже не растеряются, но решительно и твердо станут на защиту общего дела, и произойдет это без лишних слов.

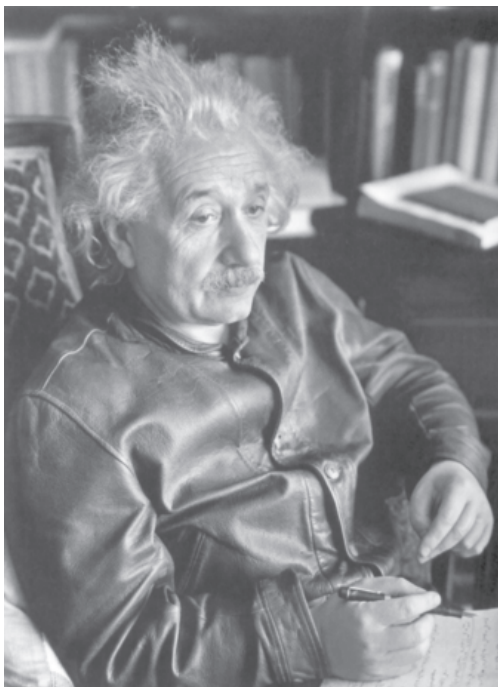
Хочу кое-что добавить по вопросу о разделе<sup>25</sup>. С моей точки зрения, соглашение с арабами об основах совместного проживания предпочтительнее, чем образование еврейского государства. Мое понимание сущности иудаизма никак не согласуется с идеей еврейского государства, у которого будут границы, армия и органы государственной власти – даже в самых незначительных масштабах. Я опасаясь глубинного урона, который понесет еврейство, если в наших собственных рядах разовьется тот самый узколобый национализм, против которого мы уже принуждены бороться насмерть даже без наличия еврейского государства. Мы – не евреи эпохи Маккавеев<sup>26</sup>. Возвраще-

<sup>25</sup> В июле 1937 г. британское правительство приняло предложенный комиссией Пилия план раздела страны на два государства — еврейское и арабское — и обязалось предпринять действия для его реализации. Однако в декабре 1937 г. для подробного рассмотрения плана раздела была назначена комиссия Вудхеда; изучив ее заключения, британское правительство пришло к выводу, что «политические, административные и финансовые трудности, связанные с предложением о создании арабского и еврейского независимых государств на территории Палестины, столь велики, что такого рода разрешение проблемы практически неосуществимо».

<sup>26</sup> Маккавеями называли тех, кто поднял в 167 г. до н.э. вооруженную освободительную борьбу Иудеи против греко-сирийского владычества, которая увенчалась созданием в 142 г. до н.э. политически независимого еврейского государства под властью еврейских царей из династии Хасмонеев.

ние к нации в политическом значении этого слова может обернуться утратой той духовности нашего сообщества, которую породил гений наших пророков. Но если обстоятельства вынудят нас взять на себя это бремя, мы будем нести его с выдержкой и терпением.

И еще одно замечание о состоянии современного мира, о том, что непосредственно сказывается на нашей еврейской судьбе. Анти-семитизм испокон века был самым дешевым средством оболванивания людей. Тирания, основанная на подобной лжи и правящая при помощи террора, должна неминуемо кануть в небытие. Такой строй станет собственным могильщиком, потому что в противовес злу окрепнут и проявят себя те моральные качества человека, которые ведут к освобождению и очищению жизни общества. Пусть наш народ своими страданиями и своим трудом внесет вклад в высвобождение из-под спуда лучших свойств человека.



В своем рабочем кабинете дома, в Принстоне, 1938.

1944

### Открытая дискуссия с Филиппом Хитти

В феврале 1944 года профессор семитской литературы Принстонского университета Филипп Хитти дал показания перед комитетом по иностранным делам палаты представителей Конгресса США в ходе слушаний по вопросу о резолюции Райта — Комптона относительно возрождения Палестины как свободного демократического еврейского государства. Текст выступления доктора Хитти под названием «Еврейский национальный очаг» появился в отчете о слушаниях Конгресса, выпущенном в том же году правительственным издательством США, а также был опубликован в газете «Princeton Herald» (7.04.1944).

14 апреля того же года на страницах этой газеты появился ответ профессору Хитти, подготовленный Альбертом Эйнштейном и историком Эрихом Калером и написанный последним. Неделей позже, 21 апреля, в той же газете появилось выступление доктора Хитти, а 28 апреля дискуссия была завершена статьей Альберта Эйнштейна и Эриха Калера. Ниже воспроизводится полный текст этой дискуссии (перевод Ю. Миллер).

### Заявление Филиппа Хитти в комитете по иностранным делам палаты представителей

С точки зрения арабов, политический сионизм – чужеземное движение, опирающееся на международную финансовую поддержку, искусственно стимулируемое и не имеющее никаких надежд на конечный или перманентный успех. Пятидесяти миллионам арабов, многие из которых являются потомками ханаанеев, обитавших на той земле задолго до прихода туда евреев при Иегошуа бин-Нуне [Иисусе Навине], суверенное еврейское государство в Палестине представляется нарушением хода истории. Да и мусульманский мир в целом, авангардом которого являются арабы, воспринимает эту идею точно так же. Мусульмане представляют собой сообщество численностью примерно в двести семьдесят пять миллионов человек, обладающее определенным самосознанием и доминирующее в значительной части Азии и Африки. Представим себе, что британская и американская поддержка позволит сионистской политической программе стать в один

прекрасный день реальностью. Каковы будут шансы на выживание у столь чужеродного государства в самом центре, по всей вероятности, враждебного арабского и исламского мира? Было время, когда на Святой земле появилось чужеземное государство, Иерусалимское королевство<sup>27</sup>, но сегодня память о нем хранят лишь страницы книг о крестовых походах.

Если припомнить, как кажется, не было другого вопроса, в отношении которого мусульманский мир выказывал бы такое единодушие. Даже в вопросе о восстановлении халифата, уничтоженного в 1924 году Мустафой Кемалем<sup>28</sup>, выявились более глубокие расхождения. Об этом ясно свидетельствуют протоколы исламских конгрессов в Каире и Мекке, а также устные протесты против политической программы сионистов, которую поддерживает обсуждаемый в Конгрессе проект резолюции. Эти протесты прокатились за последние два десятилетия от Марокко до Малайского архипелага. В Индии в 1936 году был отмечен «День Палестины», а в октябре 1939 года и в апреле 1943-го Всеиндийская мусульманская лига на своих ежегодных сессиях приняла резолюции, предостерегавшие британские власти от превращения Палестины в еврейское государство. В глазах мусульманина Иерусалим – третий *харам*, т.е. третий по значимости святой город после Мекки и Медины<sup>29</sup>. Он был первым ориентиром – *гиббах*, – к которому поворачивались древние мусульмане при молитве, прежде чем они начали устремлять свои взоры к Мекке. Эта земля была дана им Аллахом в результате священной войны – *джихада*, – поэтому для мусульман уступить свои права на нее равносильно вероотступничеству. Ничуть не менее она священна для христиан. 130 тысяч христиан постоянно живут в Палестине.

Такая бескомпромиссная и стойкая оппозиция политическому сионизму, чьи идеи отстаивает обсуждаемая в Конгрессе резолюция, отнюдь не предполагает антисемитизма. Возможно, из всех крупнейших народов мира арабы более чем кто бы то ни было свободны от расовых предрассудков. Помимо того, они, как и евреи, принадлежат к

<sup>27</sup> Иерусалимское королевство — государство, созданное крестоносцами в Палестине после захвата ими в 1099 г. Иерусалима и павшее под ударами мусульман в 1291 г.

<sup>28</sup> Мустафа Кемаль (также Ататюрк — букв. «отец турок»; 1881 — 1938) — руководитель антиосманской революции в Турции в 1918 — 1923 гг. и первый президент Турецкой республики.

<sup>29</sup> Мекка и Медина — священные города мусульман, находятся в Саудовской Аравии; в первом родился, а во втором был похоронен основатель ислама Мухаммед.



семитам и осознают эту свою принадлежность. Они также знают, что их религии ближе друг к другу, чем каждая из них к христианству. Нигде в эпоху средневековья и в новое время не относились к евреям лучше, чем в арабо-мусульманском мире. Евреи, занимавшие пост американского посла в Высокой Порте<sup>30</sup>, пользовались столь теплым отношением, что наше правительство назначало подряд троих – Штрауса, Элькуса и Моргентау.

Арабы и вообще мусульмане не могут уразуметь, с какой стати созданная не ими еврейская проблема должна решаться за их счет. Они глубоко сочувствуют страданиям евреев, но не убеждены, что Палестина решит еврейский вопрос; Палестину нельзя рассматривать как страну без народа, готовую принять народ без страны. Они отказываются понимать, почему бы американским законодателям, столь пекущимся о благополучии европейских евреев, не поднять иммиграционные шлагбаумы и не впустить еврейских беженцев, миллионы которых могли бы расселиться на пустующих пространствах Аризоны или Техаса. Присутствующее в резолюции слово «воссоздать» не трогает арабов ни в малейшей мере. Они могли бы с тем же успехом переписать карту Европы и предъявить свои претензии на Испанию, которой они владели значительно позже и дольше, чем евреи Палестиной. Они могут представить себе, как отреагировали бы Соединенные Штаты на предложение, скажем, России восстановить Оклахому в качестве индейской территории. Они знают, что в Америке за них некому вступить. Там нет ни проарабского лобби, ни механизма воздействия на американское общественное мнение или на законодателей, но они хотят, чтобы их дело рассматривалось по существу и с присущей Америке справедливостью.

Возможно, некоторые из них забыли англо-французскую декларацию от 8 ноября 1918 года<sup>31</sup>, обещавшую народам, столь долго находившимся под турецким игом, полное и окончательное освобождение и создание национальных правительств и администраций на основе свободных выборов коренного населения; или двенадцатый «пункт» Вудро Вильсона, где говорилось, что пребывающим ныне под турецким правлением нетурецким народам должны быть гарантированы

<sup>30</sup> Наименование Турции в эпоху Османской империи.

<sup>31</sup> Результатом англо-французской декларации от 8 ноября 1918 г. стало появление национального правительства Сирии в Дамаске. Одновременно предусматривалось сохранение англо-французской администрации «оккупированных территорий противника».

подлинная безопасность и условия для независимого развития<sup>32</sup>; или связанное с ними положение статьи 22-й устава Лиги Наций<sup>33</sup> – но они, несомненно, помнят статью 3-ю Атлантической хартии<sup>34</sup>, в которой сказано, что Великобритания и Соединенные Штаты уважают право всех народов самостоятельно выбирать свою будущую форму правления.

\* \* \*

В арабском и мусульманском мире нет более уважаемого представителя западного мира (по-арабски *ифранджи*), чем американец. Для этого есть причины. Годами американские учителя, проповедники, врачи, археологи, паломники и филантропы приезжали на восточное побережье Средиземного моря с намерениями давать, а не брать, не выказывая ни малейших империалистических поползновений. Восемь лет назад свое столетие отметило американское издательство в Бейруте – первое хорошо оснащенное издательство в этом регионе. Три года назад исполнилось семьдесят пять лет Американскому университету в Бейруте. В его стенах была подготовлена значительная часть ведущих мыслителей и деятелей арабского Востока. Во время Первой мировой войны и в последующие годы американская общественность пожертвовала не менее 100 миллионов долларов для облегчения участи народов Ближнего Востока и для восстановления этого края, что не имеет аналогий в истории частной филантропии. Неудивительно, что слово «американец» в умах арабов и мусульман стало ассоциироваться с честными поступками, достойным поведением и демократическим подходом. Весь этот запас доброжелательства, накопленный поколениями бескорыстных трудолюбивых американцев, оказывается под угрозой разорения, если рассматриваемая комитетом резолюция будет принята.

<sup>32</sup> «Четырнадцать пунктов» — так называлась программа мирного договора, выдвинутая в конце Первой мировой войны (январь 1918 г.) президентом США В. Вильсоном.

<sup>33</sup> Лига Наций — международная организация, ставившая целью развитие международно-го сотрудничества и гарантию мира и безопасности в межгосударственных отношениях. Устав Лиги Наций был выработан на Парижской мирной конференции 1919 — 1920 гг. и включен в Версальский мирный договор 1919 г. Его 22-я статья обсуждала права и обязанности мандатных властей. В апреле 1946 г. Лига Наций была распущена, и ее заменила ООН.

<sup>34</sup> «Атлантическая хартия» — декларация глав правительств США и Великобритании, подписанная в августе 1941 г. и закрепившая отношение этих государств к войне против нацистской Германии и к послевоенному устройству мира.

Сейчас Соединенные Штаты ведут борьбу не на жизнь, а на смерть с бесчеловечным, могущественным и все еще сильным врагом. Более сухого и мощного пороха для его пропагандистских залпов мы обеспечить не можем. Несомненно, немцы наживут на этой резолюции максимальный капитал, как то произошло с Декларацией Бальфура. Они выставили ее в глазах арабов образчиком той самой англо-американской демократии и свободы, ради которых добывалась победа в войне. Они убедили арабов, что сионистский контроль над Палестиной явится всего лишь прелюдией к еврейскому контролю над Трансиорданией, Сирией и Аравией, подобно голове верблюда, бесцеремонно влезшего в шатер, как описано в «Тысяче и одной ночи». Чтобы превратить старинных друзей в потенциальных врагов, много времени не надо.

Американцы заинтересованы не только в военной победе. Они стремятся создать такой мировой порядок, который в определенной степени обеспечит региональную стабильность или хотя бы снизит вероятность будущих конфликтов. Ничто так не будет способствовать непрерывным беспорядкам и столкновениям, как создание еврейского государства в Палестине за счет арабов. Если по требованию Соединенных Штатов такое государство все-таки будет создано, нам следует предусмотреть и моральную ответственность за его безопасность. Но пожелает ли народ Соединенных Штатов послать свой военно-морской флот на защиту такой страны?

Англичане никогда не думали заходить столь далеко, чтобы превращать Палестину в еврейское государство. Их сковывали противоречивые обещания, данные евреям и арабам; единожды посулив эту землю, они оказались вынуждены обещать ее многократно. Декларация Бальфура, эхом отозвавшаяся в резолюциях Конгресса Соединенных Штатов в 1922 году, благоприятно относилась к созданию в Палестине «национального очага» еврейского народа, что вовсе не подразумевает превращения Палестины в еврейское государство. Все это сопровождалось важной оговоркой: национальные и религиозные права нееврейских общин в Палестине никоим образом не должны быть ущемлены. Сионисты предложили тогдашнему британскому правительству ту же формулировку – «возрождение Палестины как национального очага еврейского народа», – которая практически ничем не отличается от рассматриваемой ныне резолюции. Однако она не была утверждена. В опубликованной 3 июня 1922 года «Белой книге»<sup>35</sup> британское правительство утверждало:

Неправомерные заявления создали впечатление, будто предполагалось образовать чисто еврейскую Палестину. При этом в ход пошли обороты наподобие того, что Палестина, дескать, должна стать столь же еврейской, насколько Англия является английской. Правительство Его Величества считает эти надежды беспочвенными и таких целей не преследует. Необходимо заметить, что формулировки декларации не предполагают превращение всей Палестины в «еврейский национальный очаг», а лишь указывают на необходимость создания такого национального очага в Палестине. На вопрос, что означает создание в Палестине «еврейского национального очага», можно ответить, что имеется в виду не принудительное соби́рание там всех евреев, а лишь дальнейшее развитие уже существующей еврейской общины при помощи евреев из других стран; тогда она сможет стать неким религиозным и национальным центром, в котором будет заинтересован и которым сможет гордиться весь еврейский народ.

В 1937 году британское правительство заявило, что его обязательства перед арабами и евреями не были взаимоисключающими, поскольку предполагалось, что со временем оба народа смогут сочетать свои национальные чаяния и станет возможным создание единого государства с общим правительством.

В заявлении 1939 года еще раз ясно говорилось, что Палестина должна стать независимым суверенным государством – Палестинским государством, в котором все палестинцы, независимо от расы и происхождения, будут обладать равными политическими, гражданскими и религиозными правами. В этом заявлении предполагалось по экономическим и политическим причинам ограничить еврейскую иммиграцию в Палестину. И тем не менее на протяжении всей своей деятельности британская администрация в Палестине сталкивалась с чередой арабских забастовок и волнений, начавшихся в апреле 1920 года и достигших кульминации в серьезном восстании 1936 года.

Еще в августе 1919 года, когда арабский национализм не набрал силу, посланная президентом США Вильсоном комиссия Кинга – Крей-

<sup>35</sup> «Белая книга» — отчет о политических мероприятиях британского правительства, представляемый парламенту. Некоторые из таких документов сыграли важную роль в истории подмандатной Палестины, поскольку регулировали иммиграцию в страну. Исполнительный комитет Сионистской организации неохотно согласился с политической линией «Белой книги» 1922 г., тогда как палестинские арабы отвергли ее вообще.

на доложила: «Идея национального очага еврейского народа не означает превращения Палестины в еврейское государство, да и невозможно создать такое еврейское государство без величайших злоупотреблений в сфере гражданских и религиозных прав нееврейских общин Палестины». В своем отчете комиссия предупреждала, что сионистская программа не может быть реализована иначе, кроме как силой оружия. «Наиболее просвещенные и реалистичные люди из рядов самих сионистов начали... концентрировать усилия на культурных и духовных аспектах своей деятельности и перешли к сотрудничеству с арабами».

Доктор Иегуда Лейб Магнес, президент Еврейского университета в Иерусалиме, как известно, сионистского учреждения, заявил в сентябре 1941 года: «Насколько мне кажется, нет никаких шансов, что эта формула – объявление Палестины Еврейским государством, а не создание в ней еврейского национального очага – может быть приемлемой для какого-нибудь арабского лидера, арабской партии или направления в арабском общественном мнении». Созданная сионистами в Иерусалиме в сентябре 1942 года ассоциация «Единство» декларировала, что проблемы Палестины неотделимы от проблем Ближнего Востока, отстаивала еврейско-арабское государство и считала равенство двух народов жизненно важным для будущего страны<sup>36</sup>. Джулиан Моргенштерн, ректор «Хибру Юнион Колледжа» в Цинциннати, в своей последней работе «Нация, народ, религия: кто мы?» утверждает:

Часто приходится слышать высокопарные заявления о той благоприятной роли, которую может сыграть или сыграет возрожденное еврейское государство или еврейское сообщество; что оно станет универсальной моделью справедливых социальных отношений, примером для всех прочих народов. <...> Вопреки этому неопровержимая историческая реальность по-прежнему сталкивает нас с голой правдой: истинные гений и судьба Израиля заключаются в его роли народа веры, хранителя духовного наследия – и только.

Таким образом, рассматриваемая вашим комитетом резолюция противоречит высшим интересам арабов, американцев, англичан и даже евреев.

<sup>36</sup> «Единство» («Ихуд») — основанная по инициативе И.Л. Магнеса и М. Бубера ассоциация еврейских интеллектуалов старшего поколения, целью которой был поиск путей для создания двунационального государства в Палестине. Перестала существовать в 60-е гг.

## Ответ Альберта Эйнштейна и Эриха Калера

Трактовка палестинской проблемы, предложенная профессором Хитти, весьма односторонняя и поэтому не должна остаться без ответа. Прежде чем рассматривать взгляды профессора Хитти, мы, однако, хотим заявить, что выступаем не от имени сионистского движения, а как евреи, стоящие вне политических партий.

Профессор Хитти защищает позицию арабов на основе этнических, религиозных и политических доводов. Арабы, говорит он, являются наследниками ханаанеев, обитавших в той земле до евреев. Иерусалим для арабов – третий по значимости религиозный центр, в его сторону поворачивались при молитвах древние арабы, эта земля была дана им Аллахом в результате *джихада*, священной войны.

Мы не считаем, что в наше время эти доводы могут влиять на ход событий, однако, как подчеркивает профессор Хитти, мы вынуждены принимать их в расчет.

Говорят, что евреи и арабы ведут свое происхождение от одного и того же предка Авраама, переселившегося в Ханаан (то есть в Палестину), поэтому ясно, что ни один из двух народов не мог оказаться на этой земле раньше другого. В последнее время распространилось суждение, будто лишь часть евреев попала в Египет (о чем нам рассказывает библейское жизнеописание Иосифа), а часть так и осталась в Палестине. Поэтому среди ханаанеев, которых обнаружили евреи, вошедшие в Землю Обетованную под водительством Иегошуа бин-Нуна, были и их соплеменники. Из этого следует, что у арабов нет приоритета во владении этой землей.

Для арабов Иерусалим – лишь третий по значимости святой город, для евреев – первый и единственный, а Палестина – то место, где развивалась их собственная история, их священная история. Кроме того, для арабов Иерусалим обладает святостью лишь постольку, поскольку они ведут свою традицию от еврейских корней, ибо после арабского завоевания Иерусалима в 637 году халиф из династии Омейядов Абдель Малек воздвиг мечеть Омара, именуемую также «Куполом над скалой», на том самом месте, где прежде находились еврейские Ковчег Завета и Первый, Соломонов, Храм (согласно представлениям евреев этот «камень мироздания» – *эвен штия* – уходит в глубины Вселенной и является «пупом Вселенной»). Иерусалим при Мухаммеде был *гиббах* – ориентиром, куда обращались с молитвой, –

лишь постольку, поскольку тот еще видел в евреях будущих основных адептов своего нового учения. Когда эти упования оказались тщетными, он изменил это правило вместе со всеми прочими, введенными исключительно ради его предполагаемых еврейских приверженцев. Использование этого отмененного ритуала в качестве доказательства арабских претензий на Палестину кажется несколько притянутым за уши.

Если арабское завоевание Палестины считать священным, то было бы справедливо распространить святость и на мирные требования евреев возвратить им эту землю. Ссылка на юридическую силу «священной войны» звучит несколько двусмысленно в устах народа, который отвергает мирную иммиграцию, видя в ней ущемление своих прав. Не приходится удивляться, что профессор Хитти использует превосходящую арабскую мощь как пугало. Странно, что одновременно он страшится нацистских инсинуаций, к которым якобы чрезвычайно восприимчив арабский мир. Получается, что крошечная еврейская община в Палестине (от силы два-три миллиона человек) представляет опасность для четырех могущественных арабских держав и пятидесяти миллионов арабов.

Но евреи не прибегают к аргументам с позиции силы или преимущественного права. На исторических правах далеко не уедешь. Мало кто из населяющих нашу планету современных народов получил бы право на свои нынешние государства при помощи подобных критериев. Профессор Хитти утверждает, что арабы не поймут, почему не ими созданная еврейская проблема должна решаться за их счет. Он, как видно, забыл, что своей священной войной и завоеванием Палестины арабы внесли вклад в изгнание евреев с их родины и, следовательно, в возникновение еврейской проблемы (даже если мы и допустим, что их лепта меньше, чем других народов). Однако сегодня их позиция по отношению к евреям абсолютно та же, что и у всех прочих народов земного шара. К несчастью, ни один народ не понимает, почему он должен принять участие в решении еврейской проблемы. В нормальных климатических условиях на земле не осталось ни клочка свободной суши. Где бы евреям ни отвели территорию, они непременно ущемят чьи-то права и суверенитет и войдут в конфликт с ее жителями. Невозможно найти страну, в которой евреи смогли бы создать полноценное сообщество, как бы мало оно ни было.

Между арабами и другими народами имеется хотя бы одно различие. У всех народов есть собственная страна, развитая усилиями

многих поколений, и при этом ни одна из этих стран никоим образом не связана со специфическими еврейскими традициями или устремлениями. Арабам принадлежат семь больших государств – Саудовская Аравия, где расположены их святыни, Йемен, Египет, Ирак, Сирия, Трансиордания, Ливан (мы оставляем в стороне североафриканские колонии и провинции, поскольку они еще не получили самоуправления и находятся под контролем европейцев). Последним и явно самым заброшенным из всех мест, в которых они расселились, стала крошечная Палестина: из 50 миллионов арабов здесь осели лишь 900 тысяч человек. С другой стороны, эта маленькая страна Палестина является единственным местом на всем земном шаре, неоспоримо и глубоко связанным с еврейским народом, его религиозными основами и его исторической традицией самостоятельной нации.

Для того чтобы сделать палестинскую проблему ясной, давайте сравним положение евреев с положением арабов. Евреи есть и всегда были численно невелики. Их никогда не бывало больше 15,5 миллионов человек. Изгнанные со своей родины в пору древних и средневековых завоеваний Палестины, они рассеялись по всему свету. Ни один народ на земле не может сравниться с ними в страданиях, которые они претерпели в результате самых разнообразных преследований, изгнаний и наветов, выпавших на их долю. В 1938 году в мире насчитывалось пятнадцать с половиной миллионов евреев, из них за последние несколько лет в разных европейских странах были убиты или доведены нацистами до смерти как минимум два миллиона<sup>37</sup>. Вот почему сионистское движение, или, лучше сказать, борьба за приют на земле предков, ни в коей мере не является «чужеземным, искусственно стимулируемым движением», как именует его профессор Хитти. Эта борьба порождена крайней необходимостью и бедствиями.

Обещание, данное евреям в Декларации Бальфура после Первой мировой войны, мало-помалу свелось на нет британской «политикой умиротворения». Такую политику резко критиковал Черчилль до того, как он стал премьер-министром. Палестина – это звено в жизненно важных для Британской империи коммуникациях между Ближним Востоком и Индией. Евреи, по логике вещей являющиеся надежным союзником англичан, были принесены в жертву арабам. Зато численность и политический вес последних позволяли им даже свой нейтралитет

---

<sup>37</sup> В настоящее время достоверно известно, что число евреев, погибших в Катастрофе, составляет шесть миллионов.



продавать по наивысшей цене; к тому же англичанам то и дело приходилось оглядываться на мусульманскую часть населения Индии. В итоге еврейская иммиграция в Палестину была полностью запрещена<sup>38</sup> именно в тот самый момент, когда многим сотням тысяч евреев грозило уничтожение от рук гитлеровцев, оккупировавших Венгрию и Румынию.

Мы предлагаем каждому непредвзято мыслящему американцу взглянуть на фотографии из отчета о мученичестве польских евреев во время нацистской оккупации. Они опубликованы «Американской федерацией польских евреев» («Черная книга польского еврейства»)<sup>39</sup>. Мы также призываем прочесть отчет американского свидетеля нееврейского происхождения. Его автор – Уолтер Клей Лаудермилк, специалист по сельскому хозяйству. Он путешествовал по Ближнему Востоку и изучал учет земель в этом регионе:

Во время моего пребывания в Палестине в 1939 году я наблюдал трагический «побочный продукт» немецкого вторжения в Чехословакию. В Палестине и Сирии нам рассказывали о ветхих грузовых судах, набитых беженцами из попавшей под пяту нацистов Центральной Европы... Несчастливым пассажирам нигде не разрешали ступить на сушу из-за отсутствия формальных виз. Мы видели эти утлые суденышки, покачивавшиеся на волнах под невыносимо палившим летним солнцем. Их трюмы были забиты беженцами, находившимися в непередаваемо бесчеловечных условиях. Американские законы, регулирующие перевозку скота на бойни, не допускают того, что была вынуждена претерпевать в этих древних посудилах интеллигенция Центральной Европы. Отвратительные невольничьи транспорты минувшего века были и то лучше, ибо рабы имели свою рабскую цену и набитые ими корабли без задержки шли к месту назначения. Еврейским же беженцам было так и суждено дрейфовать по буквально кипевшему от зноя морю вдали от постороннего глаза в отчаянной надежде, что капитан, быть может, рискнет нелегально высадить их на берег Палестины.

Во время нашего пребывания в Бейруте какое-то обветшалое

---

<sup>38</sup> В соответствии с условиями «Белой книги» 1939 г. после 1 апреля 1940 г. разрешения на въезд иммигрантов в Палестину не выдавались.

<sup>39</sup> «Черная книга польского еврейства» вышла в Нью-Йорке в 1943 г.

грузовое судно, набитое 650 беженцами... было разгружено на несколько дней на карантинной станции. На корабле было такое обилие крыс, что пришлось высадить пассажиров, чтобы справиться с этими тварями. Мы выяснили, что люди плавали вот уже примерно одиннадцать недель в тесных деревянных отсеках, на которые были поделены четыре грузовых трюма. Теснота, чудовищные по своей антисанитарии условия и лишения, выпавшие на долю этих людей, не могли не породить в нас самое высокое восхищение их мужеством и силой духа. Мы с удивлением обнаружили, что эти бывшие граждане Чехословакии обладали очень высоким уровнем европейской культуры... Сорок два из них были юристами, сорок – инженерами, двадцать шесть – врачами, хирургами, гинекологами; кроме того, среди них можно было обнаружить профессиональных писателей и одаренных музыкантов, фармацевтов и медицинских сестер... Без документов, без подданства, эти способные приносить пользу и в высшей степени образованные люди являли собой одно из самых трагических зрелищ нашей эпохи. Ни один посол, ни один консул не выступил, чтобы добиться для них прав и привилегий, которыми пользуются самые последние граждане самой крошечной страны. [У.К. Лаудермилк. Палестина – Земля Обетованная. 1944.]

Таково положение евреев, и нет гарантии, что после этой войны где-нибудь не сохранится или не оживет антисемитизм. Даже если мы оставим в стороне духовные, религиозные и культурные связи, делающие Палестину единственным местом на свете, которое гонимые евреи могли бы считать своим домом и в чье развитие могли бы вложить весь пыл, нет во всем мире иной, пригодной для человеческого существования страны, которую могли бы предложить этому затравленному народу многочисленные конференции по проблемам беженцев. Евреи готовы пойти на крайние жертвы и изнурительный труд ради превращения этой узкой полоски земли, именуемой Палестиной, в процветающую страну, в цивилизованный край.

Многого смогла добиться молодежь за несколько десятилетий сионистской поселенческой деятельности. Сведения об этом тоже легко почерпнуть в книге доктора Лаудермилка. Полученные в наследство от времен арабского владычества пустыни, скалы и бесплодная земля превратились в процветающие фермы и плантации, появились леса и

современные города. Евреи создали новые формы кооперативных поселений и подняли уровень жизни и арабского, и еврейского населения. Евреи желают и готовы гарантировать охрану святых мест и гражданских прав арабов и христиан (вплоть до автономии). Эту гарантию будет обеспечивать превосходящая мощь их соседей, на сотрудничество с которыми рассчитывают евреи. Евреи также предлагают свои силы и опыт для экономического и научного развития арабских государств, для подъема уровня жизни населения в этих государствах.

Но, увы, именно этого и не желают арабские лидеры. Ведь истинный источник арабского сопротивления и ненависти – не религиозный или политический, а социальный и экономический. Арабское население Палестины ничтожно в сравнении с громадным числом арабов, заселяющих североафриканские и азиатские колонии европейских метрополий. Арабские вожди не подняли мусульманский мир на борьбу с режимом Муссолини в Ливии<sup>40</sup>, большинство из них было с этим режимом в превосходных отношениях. Иерусалимский муфтий и прочие арабские руководители стали в высшей степени уважаемыми гостями в Риме. Богатые арабские землевладельцы палец о палец не ударили для улучшения природных условий, для подъема общей культуры или жизненного уровня своих стран. Богатые арабские страны мало населены, и большая доля их населения обретается в условиях отсталости и нищеты. «Жизнь в Дамаске в восьмом веке немногим отличалась от того, что мы видим сегодня», – говорит профессор Хитти в своей книге об арабах [«История арабов», 1937]. Однако влиятельные эфенди страшатся того примера, который может дать народам Ближнего Востока еврейская поселенческая деятельность в Палестине; они приходят в негодование, наблюдая экономический и социальный прогресс среди арабских тружеников Палестины. Их действия подобны действиям всех фашистов: свой страх перед социальными реформами они прикрывают националистическими лозунгами и демагогией. Не будь этих вождей и подстрекателей, между арабским и еврейским народами можно было бы наладить превосходное согласие и сотрудничество.

---

<sup>40</sup> После прихода фашистов к власти в Италии (1922) итальянское правительство начало на территории своей колонии Ливии военные действия против патриотических сил. Война сопровождалась массовыми уничтожениями и депортацией местного населения.

Мы не ставим перед собой националистические цели. Ни мы, ни подавляющее большинство еврейского народа не отстаиваем идею создания государства ради националистической экспансии и самоутверждения. Такой подход противоречит традиционным ценностям иудаизма. С нашей точки зрения, он повсеместно устарел. Выступая за еврейскую Палестину, мы хотим содействовать созданию убежища, в котором гонимые могут обрести безопасность, мир и неколебимое право жить по своим собственным законам и обычаям. Многовековой опыт учит, что это дается исключительно самоуправлением, а отнюдь не иностранной опекой. Вот почему мы выступаем за Палестину под еврейским контролем, сколь бы скромной по размерам территории она ни была. Мы не ссылаемся на исторические права, хотя если и существует такое понятие, как историческое право на землю, то у евреев, по меньшей мере, столько же прав на Палестину, сколько и у арабов. Мы не прибегаем к угрозе применить силу, поскольку такой силы у евреев нет; они являются наиболее обессиленной этнической группой на всей планете. Обладай они хоть какой-нибудь силой, они смогли бы воспрепятствовать уничтожению миллионов своих соплеменников и не дали бы закрыть последний спасительный канал для беспомощных жертв нацизма. То, к чему мы взываем, есть элементарное чувство справедливости и гуманности. Мы знаем, насколько слаба эта позиция. Но мы также знаем, что, если в грядущем устройстве мира будут преобладать аргументы с позиции силы, религиозного эгоизма и священных войн, гибель неминуемо ждет не только евреев, но и все человечество.

### Ответ Филиппа Хитти

Доктор Эйнштейн и доктор Калер критически оценивают мои показания комитету по иностранным делам палаты представителей и называют их «односторонними». После нескольких дней просионистских показаний меня пригласили представить другую сторону в соответствии с прочно укоренившейся демократической практикой. И мои показания следовали за показаниями множества сионистов, отличаясь от них лишь в одном: они действительно представляли противостоящую сторону.

Первым аспектом критического выступления двух известных авторов является исторический. Они утверждают, что «у арабов нет приоритета на эту землю», поскольку «считается, что евреи и арабы про-

исходят от одного и того же предка, от Авраама, переселившегося в Ханаан (то есть в Палестину)». Однако, когда Авраам переселился в Ханаан, он не нашел эту землю безлюдной, как могло бы показаться при поверхностном знакомстве с талмудической литературой. Так называемые арабы Палестины, в том числе и христиане, являются современными представителями древнего местного народа. Евреи пришли и ушли. Местное население осталось. Еврейское Израильское царство было разгромлено в 722 году до н.э. ассирийским царем Саргоном II; то же самое произошло в 586 году до н.э. с Иудейским царством после вторжения Навуходоносора. Сначала десять, а затем еще два колена Израилевых были уведены в изгнание. Все проблески национальной жизни были подавлены последующими правителями, и влияние евреев на Палестину исчезло.

Затем два автора перешли к обсуждению иной исторической проблемы. Они утверждают, что «арабы внесли свою лепту в изгнание евреев с их родины и, следовательно, в возникновение еврейской проблемы». По-видимому, оба критика не осведомлены о том, что мусульмане завоевали Палестину в VII столетии этой эры, победив византийцев (в ту пору Палестина была христианской, а не еврейской). Византийцы же унаследовали ее от римлян, которые в свою очередь вырвали страну из-под власти Селевкидов, преемников Александра Македонского. Последний завладел ею после персов, которые в 538 году до н.э. разгромили Халдейскую державу [Вавилон], удерживавшую контроль над Палестиной со времен нашествия Навуходоносора. Даже поверхностное ознакомление с той самой «Историей арабов», которую два джентльмена цитировали по иному поводу, помогло бы избежать этой ошибки. Однако доктор Эйнштейн явно знаком с предпосылками и деталями арабо-еврейской проблемы не более, чем я – с его теорией относительности.

Используя мои показания как трамплин, два ученых игнорируют аргументы, выдвинутые против политического сионизма в британских, американских и еврейских кругах. Они продолжают отстаивать ортодоксальную сионистскую доктрину, одновременно уверяя, что «не выступают от имени сионистского движения». Их доводы – не что иное, как перепевы повторяемых годами сионистских аргументов. В последние месяцы они заполнили радио, газеты, книги, программные документы различных организаций и пропагандистские издания. При более тщательном рассмотрении ни один из этих аргументов не выдерживает критики.

Первым в этом списке стоит довод «невладения против владения». «Арабам принадлежат семь больших стран, – говорят нам. – С другой стороны, эта маленькая страна Палестина является единственным местом на земле, неоспоримо и глубоко связанным с еврейским народом». Не чувствуют ли в этих словах знакомую ноту те читатели, что знакомы с апологиями современной агрессии? Если припомнить, иммиграция и поселенческая деятельность всегда есть не что иное, как форма замаскированной агрессии. В случае с политическим сионизмом они откровенно названы как вторжение, хотя и мирное. Это следует из резолюции, представленной на рассмотрение комитетов Конгресса:

Соединенные Штаты должны использовать свою добрую волю и принять соответствующие меры, чтобы ворота Палестины распахнулись для свободного въезда в эту страну и чтобы были предоставлены все возможности для ее заселения. При этих условиях еврейский народ сможет полностью восстановить Палестину как свободное и демократическое еврейское государство.

В одном из официальных докладов Британской комиссии<sup>41</sup> сказано, что арабы именуют процесс еврейского проникновения в Палестину «ползучим завоеванием». Это и есть ползучее завоевание. Недавно Ирак направил ноту протеста в Вашингтон; в ней этот пункт резолюции приравнен к объявлению войны арабам Палестины.

От изложенного выше и часто повторяемого аргумента доктор Эйнштейн и его союзник переходят к другому, тоже часто используемому. На этот раз речь идет о гуманитарном доводе: внимание акцентируется на положении европейских евреев в период власти Гитлера и на необходимости смягчить их страдания. В Соединенных Штатах организованная оппозиция «восстановлению Палестины как еврейского государства» исходит от самих евреев. Но их позиция несколько стеснена, потому что не могут же они выглядеть глухими к призыву о гуманности. Пишущий эти строки заявил после показаний в комите-

---

<sup>41</sup> Как уже отмечалось, в апреле 1936 г. арабы Палестины объявили всеобщую забастовку, которая длилась 6 месяцев и сопровождалась поджогами еврейских домов и магазинов, грабежами и убийствами. В августе 1936 г. правительством Великобритании была создана Британская Королевская комиссия (или «Комиссия Пиля», по фамилии ее председателя) для выяснения причин арабских волнений в Палестине. В июле 1937 г. комиссия представила отчет с рекомендацией раздела Палестины на два государства: еврейское (Галилея, прибрежная равнина и окрестности Реховота) и арабское (Иудея, Самария и весь Негев).

те Конгресса: «Как американский гражданин я приветствовал бы закон, допускающий в ту страну и евреев, и неевреев». Официальная точка зрения нашего правительства на проблему беженцев была выражена помощником государственного секретаря Брекенриджем Лонгом в недавних показаниях перед комитетом Конгресса. Обсудив рекомендации Бермудской конференции<sup>42</sup>, проходившей под председательством нашего соотечественника Додда, господин Лонг дал ясно понять, что проблема еврейских беженцев не может рассматриваться изолированно и что правительство не исключает другие народы из сферы своего внимания.

Действия множества американских сенаторов, членов палаты представителей, губернаторов (в том числе кандидата на пост президента Дьюи) и других высших представителей власти, стремящихся в предвыборном году подписаться под многочисленными сионистскими манифестами, выглядят ханжескими: похоже, ни один из этих джентльменов палец о палец не ударил, чтобы поднять шлагбаум на пути иммиграции в Соединенные Штаты. Пусть англичане заставят палестинцев впустить еще больше сионистов, пока пришельцы не составят большинства и не приберут к рукам власть. Такова суть с легкостью принятого решения одной из наиболее запутанных мировых проблем! А ведь за последние два десятка лет палестинцы стали свидетелями прибытия сотен тысяч евреев.

Третий аргумент, выдвинутый Эйнштейном и Калером, также не отличается новизной; он посвящен развитию края. «Они (сионисты) получили в наследство пустыни, скалы и бесплодную землю, превратили все это в процветающие фермы и плантации, появились леса и современные города». И это – старая песня для тех, кто уже слышал, к примеру, апологетов политики Италии в Триполитании в 1912 году или в Абиссинии в 1935 году<sup>43</sup>. Но будь что будет; тот, кто знаком с

<sup>42</sup> Бермудская конференция проходила 19 — 30 апреля 1943 г. при участии представителей США и Великобритании. Ей предстояло выработать решение проблемы беженцев из оккупированных нацистами стран Европы. Однако работа конференции закончилась безрезультатно.

<sup>43</sup> В сентябре 1911 г. Италия предъявила Турции ультиматум, в котором утверждалось, что в принадлежащей Османской империи Ливии (тогдашняя Триполитания) нарушаются права итальянских подданных. Вслед за тем Италия объявила войну Турции, в результате которой Ливия и другие территории превратились в итальянские колонии.

В октябре 1935 г. итальянские войска вторглись в Абиссинию якобы в ответ на мобилизацию абиссинской армии. В ходе войны, продолжавшейся до мая 1936 г., итальянцы сумели выиграть ряд крупных сражений, превратив Абиссинию в свою колонию.

экономической ситуацией не понаслышке, с легкостью «проколет» этот мыльный пузырь широко разрекламированного «преуспеяния Палестины». Истина же состоит в том, что сионистские колонии до сих пор держатся на благотворительности. Их «преуспеяние» точно так же далеко от подлинного положения дел, как пухлая, румяная, пышущая здоровьем щека – от надутой и напомаженной. Согласно английским источникам, сегодня «национальный очаг в Палестине» самоокупается на 40 процентов. По сообщению генерального консула Соединенных Штатов в Иерусалиме, в Палестину ежегодно только из США щедрой рукой переводится 5,5 миллиона долларов. Прекратите этот процесс «искусственного дыхания» – и нетрудно догадаться, что произойдет. Неустойчивое состояние всей экономики этого края проявляется в том, что в 1926–1927 годах импорт превосходил экспорт в пять раз, а в 1937–1939 годах – в два с половиной раза. Что же касается тех преимуществ, которые, как многократно заявлялось, обрело местное население, то достаточно процитировать статью 3-ю устава Еврейского агентства (устав подписан в Цюрихе 14 августа 1929 года): «Приобретенная земля должна считаться неотчуждаемой собственностью еврейского народа» (это условие включается в любой договор об аренде). И далее: «На всех работах или предприятиях, развернутых или запланированных агентством, в качестве принципиальной основы будет рассматриваться использование еврейского труда», что означает постоянный бойкот арабского труда.

Заявление доктора Эйнштейна и доктора Калера кончается на смиренной ноте: «Мы не прибегаем к угрозе применить силу, ибо у евреев такой силы нет» и т.д., что не согласуется с недавними декларациями сионистских ораторов и сообщениями о контрабандном ввозе оружия, а также об изготовлении ручных гранат и о взрывах бомб в Палестине. Один из сионистских ораторов, Зиф, хотел бы «заставить арабов убраться в пустыню, откуда они пришли». Вождь сионизма Вейцман был бы не прочь «способствовать» выселению арабов из Палестины. Еще более откровенен Бен-Хорин. Он хотел бы решить проблему раз и навсегда путем переселения арабов не только Палестины, но и Трансиордании в Ирак, чтобы освободить место сионистам (так сообщалось на страницах его книг и в рекламе «Нью-Йорк таймс», подписанной группой известных и богатых американцев). Воинствующий сионизм совершенно иной, нежели тот, каким его стремятся изобразить два моих уважаемых оппонента.

Трезво и практически мыслящие евреи понимают, что именно аг-



рессивный политический сионизм дает пищу антисемитизму. Они осознают несостоятельность сионистской политической программы, считают иудаизм религией, а не политической идеологией и признают, что грандиозный вклад Израиля на протяжении веков сделан в духовной и интеллектуальной сферах человеческого бытия, а не в области политики. У них нет никакого желания лишать арабское население политических прав, гарантированных ему Декларацией Бальфура, и они предпочитают видеть некое *Палестинское государство* – не еврейское и не мусульманское, – в котором все граждане, независимо от вероисповедания или происхождения, пользуются равными правами и свободами. Они знают, что на самом деле после окончания войны многие европейские евреи захотят вернуться в свои прежние страны, где они в первую очередь были гражданами, а уж во вторую – евреями; если эта война не будет гарантировать совместное проживание европейских евреев и неевреев в мире и согласии, она велась напрасно. По последним сообщениям, из находящихся ныне в Палестине 5500 американских евреев лишь 100 человек отказались от американского гражданства, а остальные до смерти боятся, что из-за войны они потеряют возможность вернуться в Соединенные Штаты. По крайней мере, для того, чтобы продлить свои паспорта. Похоже, реалистично мыслящие арабы начинают осознавать, что многие из находящихся в Палестине евреев намерены там остаться и что в интересах самих арабов (а также их будущего благополучия) наладить равноправное сотрудничество с вновь прибывшими.

Тогда новая Палестина станет достойной своего славного имени и благородного наследия.

### Ответ Альберта Эйнштейна и Эриха Калера

Профессор Хитти нашел у нас несколько маленьких «пузырей» и хлопнул по ним, однако большие оставил нетронутыми. Тем не менее, как мы вскоре увидим, даже «прихлопнутые» все еще блестят на солнце.

Начнем с пресловутого вопроса о приоритете. Утверждают, что арабы Палестины (ныне их именуют «так называемые арабы») ведут свое происхождение от обитателей этого края, осевших в нем еще до прихода праотца Авраама. Это могло бы кардинально отделить палестинских арабов от всей остальной арабской нации. Профессор Хитти видит у корней этого родословного древа обитавших в Ханаане

эморреев. На это возразим, что у нас есть свои хетты, также принадлежавшие к древнему населению Ханаана. Некоторые ученые, в том числе и профессор Хитти, выводят родословную нынешних евреев отчасти от них. И, таким образом, мы опять квиты. Однако все эти расовые генеалогии невозможно ни доказать, ни оспорить – они остаются абсолютно гипотетическими и потому весьма ненадежными. Множество народов прошло через эту землю в бурное тысячелетие раннего этапа нашей истории, множество миграций и смешений рас происходило в ту пору, что явствует из библейской истории... Поэтому связь современных «так называемых арабов» с древними ханаанеями вряд ли может быть обозначена как «наследие». Кроме того, как уже говорилось, на фоне острых мировых проблем весь этот сюжет относительно «приоритета» ныне не стоит и выеденного яйца.

Что же касается завоевания арабами Палестины, то мы также слышаны о Навуходоносоре и Кире, Александре Великом и Тите, о чем и говорили в своей статье. Мы даже осведомлены о том обстоятельстве, что мусульмане отбили Палестину у христиан – византийцев, а не у евреев. Однако арабское завоевание Палестины было объявлено некой «священной войной». Это привело к арабским претензиям на страну и даже в XX столетии побудило одного арабиста по имени профессор Хитти утверждать, что «эта земля была дана им Аллахом в результате священной войны – *джихада*, а потому для мусульман уступить свои права на нее равносильно вероотступничеству». В этом отношении арабское завоевание Палестины в самом деле внесло свою лепту в изгнание евреев с их родины.

Профессор Хитти заявляет: «Евреи пришли и ушли. Местное население осталось». На сегодня бесспорно другое: израильтяне (мы предпочитаем употреблять этот термин, поскольку арабы также принадлежат к «еврейским» народам) пришли, но никогда не уходили. Из нарисованной профессором Хитти картины может сложиться впечатление, будто еврейская история в Палестине после разрушения Израильского и Иудейского царств и вавилонского пленения в VI веке до новой эры тянулась не очень долго. Несколько «проблесков национальной жизни» – и все. Однако после вавилонского пленения начался второй великий период, истинное возрождение еврейской Палестины. С одной стороны, оно привело к созданию Иерусалимского Талмуда, с другой – к зарождению христианства в недрах иудаизма. Если бы мы хотели позлорадствовать, мы могли бы поинтересоваться у профессора Хитти, слышал ли он что-нибудь о восстании Маккавеев? И

о последовавшем затем образовании и существовании в течение почти целого столетия независимого Хасмонейского царства? Несомненно, он об этом слышал.

Еврейский патриархат<sup>44</sup> в Палестине был отменен лишь в 429 году новой эры. На протяжении веков в Палестине постоянно существовали еврейские общины. В X веке арабский географ Мукадасси сетовал, что в Иерусалиме преобладает еврейское население. Начиная с XV столетия процветающим центром еврейской интеллектуальной жизни стал город Цфат в Верхней Галилее, в котором развивалось мистическое учение – кабала. Лишь спустя два века из-за гонений турецких властей город пришел в упадок. После изгнания в XV веке испанские евреи нашли убежище на своей древней родине; освобождению и возрождению еврейской Палестины способствовали мессианские движения VIII, XVII и XVIII веков. И всегда со всех концов света двигались в Палестину евреи, почувствовавшие близость смертного часа, желавшие встретить его и упокоиться в Святой земле.

Профессор Хитти трактует еврейскую иммиграцию в Палестину как «тихое вторжение» и «ползучее завоевание». Различие между обычным завоеванием и этим «ползучим» состоит в том, что в результате одного мы видим руины, а в результате другого – подъем жизненного уровня «завоеванного» населения. Улучшение условий жизни арабов в результате сионистской деятельности – несомненный факт, подтвержденный официальными докладами британской администрации. Инспектировавшая Палестину зимой 1936 – 1937 годов Британская Королевская комиссия заявила:

- (1) Значительный ввоз еврейских капиталов в Палестину оказал плодотворное воздействие на экономическую жизнь страны.
- (2) Развитие арабской промышленности и производства цитрусовых в основном финансировалось этим капиталом.
- (3) Пример евреев оказал большое влияние на сельское хозяйство арабов, в особенности на выращивание цитрусовых.
- (4) Благодаря еврейским разработкам и деловой активности в городах выросло использование арабской рабочей силы, в частности в портах.
- (5) Мелиорация и меры по борьбе с малярией, предпринятые в еврейских поселениях, оказали благотвор-

<sup>44</sup> Патриархат — высший орган религиозно-политической власти в еврейской Палестине, возникший во II в. до н.э. в результате победы Маккавеев.

ное воздействие на все арабское население, проживающее в этом регионе. (6) Учреждения, основанные на еврейские средства с целью обслуживать еврейский национальный очаг, ныне оказывают услуги также и арабскому населению. Так, к примеру, медицинский центр «Хадасса» в Иерусалиме, прославившийся своим туберкулезным институтом, предоставляет арабскому сельскому населению право лечиться в клиниках «Сельского медицинского благотворительного фонда» и многое делает для медицинского обслуживания арабских детей. (7) Общее благотворное воздействие еврейской иммиграции на благосостояние арабского населения подтверждается тем фактом, что рост арабского населения особенно заметен в городских районах, находящихся в сфере плодотворной деятельности евреев. (8) Общий уровень социальных служб неуклонно возрастал на благо феллахов [арабских крестьян] <...> средства, необходимые для деятельности этих служб, в основном предоставлялись евреями.

Еврейское агентство, предназначенное поощрять еврейское предпринимательство, естественно, обязано покровительствовать еврейскому труду. Это отнюдь не означает бойкот арабов. Множество арабских рабочих занято на частных еврейских плантациях и производствах. Заработная плата в Палестине более чем вдвое превышает заработную плату в Сирии и более чем втрое – в Ираке.

Давайте сравним ситуацию в Палестине с тем, что творится в управляемых арабами государствах. «Положение феллахов в Ираке крайне плачевно, – заявляет Лаудермилк, – даже в перенаселенном Китае я никогда не видывал столь скверных условий существования, какие обнаружил на малозаселенных, но потенциально богатых землях в междуречье Тигра и Евфрата». Другой специалист по проблемам этого региона, Эрнест Мэйн, сообщает: «Доход феллахов и кули в день на человека составляет менее чем одно пенни... На такие средства существуют, по-видимому, около двух миллионов граждан страны, и можно себе вообразить, какова их покупательная способность и каков достаток».

Взгляните на положение крестьян Трансиордании, включенной в сферу действия Британского мандата. Верховный комиссар сэра Артура Уокоп на XXVII сессии постоянной Мандатной комиссии отзывался о нем следующим образом: «Вследствие нищеты налогоплательщиков

правительство должно было опираться исключительно на субсидии» (именуемые профессором Хитти «милостыней»). Арабские крестьяне и рабочие открыли для себя более высокий уровень жизни в Палестине в период между 1933 и 1936 годами. Именно поэтому сюда иммигрировало более 30 тысяч арабов из Ирака, Сирии, Трансиордании и даже Аравийской пустыни. Эмиграция арабов из арабских стран вдвое превысила их выезд из Палестины.

Профессор Хитти упрекает палестинскую экономику за ее внешнюю зависимость. Это равносильно тому, чтобы осуждать ребенка за его зависимость от своей семьи. Еврейской экономике пришлось начинать с нуля. Землю покупали по ценам, значительно более высоким, нежели ее реальная стоимость; зачастую втрое, а то и вчетверо они превышали цены на земли аналогичного типа в Сирии или Южной Калифорнии. Не было ни машин, ни удобрений, ни сырья. И тем не менее даже профессору Хитти приходится признать, что за десятилетие, т.е. с 1927 по 1937 год, импорт в Палестину сократился наполовину. Попытаемся представить себе перспективы страны и обратимся к заключению сэра Чарльза Уоррена – британского ученого из «Фонда исследования Палестины». Еще в 1875 году он писал: «Дайте Палестине хорошее правительство и разверните экономическую жизнь населения – и число ее жителей возрастет десятикратно, и еще останется место для других». Наконец, вот что заявлял человек, которого уж никак нельзя обвинить в пристрастном отношении, – Т. Лоуренс, или Лоуренс Аравийский, один из наиболее преданных друзей арабов: «(В древности) Палестина ни в чем не уступала другим странам, и она с легкостью может снова стать такой же. Чем скорее евреи займутся там сельским хозяйством, тем быстрее начнется улучшение: их поселения – точно оазисы в пустыне».

В одном мы можем согласиться с профессором Хитти: среди евреев также есть свои «твердолобые» и свои террористы, хотя соответственно их намного меньше, чем у других народов. Мы не станем прикрывать или защищать этих экстремистов. Они – порождение горького опыта. В его основе лежит убеждение, что в наше время только угрозы и насилие приводят к успеху, а справедливость, искренность и способность считаться с другими терпят жестокое поражение. Однако что касается доктора Вейцмана, мы должны поправить цитату, приводимую профессором Хитти. Доктор Вейцман никогда не угрожал арабам изгнанием. Отрывок, на который ссылается профессор Хитти, звучит следующим образом:

Всем гражданам без различия расы или религии должны быть предоставлены полные равные гражданские и политические права, и, кроме того, арабы должны получить полную автономию в своих собственных внутренних делах. Но если какие-либо арабы не желают оставаться в еврейском государстве, им следует предоставить все возможности для переезда в одну из многочисленных арабских стран.

В 1919 году доктором Вейцманом, Т. Лоуренсом и покойным эмиром Фейсалом, являвшим собою более величественный тип вождя, нежели нынешние, было разработано превосходное арабо-еврейско-британское соглашение<sup>45</sup>. Фейсал провозглашал:

Арабы, особенно образованная часть нашего народа, с глубокой симпатией смотрят на сионистское движение... Своекорыстные группы уже успели нажить капитал на том, что они именуют «нашими различиями»... Я хочу выразить свое твердое убеждение в том, что эти различия... с легкостью преодолимы при наличии обоюдной доброй воли.

Давайте же завершим нашу дискуссию пылкой надеждой на то, что в послевоенном устройстве мира будет царить дух этого великого арабского лидера и что все проблемы будут решаться не на шаткой основе местнических и эгоистических интересов, а на прочном фундаменте блага человека.



---

<sup>45</sup> Эмир Ирака Фейсал в 1918 г. опубликовал заявление, в котором утверждал, что чаяния арабов совместимы с устремлениями сионистов. Несколько раз встречался с Х. Вейцманом и в 1919 г. подписал соглашение о добрососедских отношениях между будущим еврейским и арабским государствами.

# Альберт Эйнштейн и Государство Израиль

Как известно, 29 ноября 1947 года Генеральная Ассамблея ООН большинством в 33 голоса против 13 и при 10 воздержавшихся приняла решение о разделе Палестины, согласно которому ее определенные области должны были составить территорию нового независимого еврейского государства. Мандатные власти Великобритании не захотели участвовать в предстоящих политических преобразованиях вверенного им региона. Они вывели свои вооруженные силы и гражданский персонал ко дню провозглашения Израйля, и в ночь с 14 на 15 мая 1948 года, одновременно с провозглашением Государства Израиль, египетские самолеты начали бомбить Тель-Авив. Армии пяти арабских стран вступили в войну с только что созданным еврейским государством, а местное арабское население с оружием в руках поддержало интервентов. Эта война получила название Войны за независимость.

И после провозглашения еврейского государства — политического акта, к которому Эйнштейн относился как к вынужденному<sup>46</sup>, ученый продолжал пристально следить за событиями в стране и по мере сил старался

---

<sup>46</sup> «В 1921 г. сионизм боролся за создание национального очага, а не за создание государства в политическом смысле слова. Однако под давлением вынуждающей необходимости сионизму пришлось изменить свою цель», — сказал он в интервью в мае 1949 г. [Calaprice, 2000. P. 139.]

помогать молодому государству, которое он неизменно называл «наш Израиль». Как и в самом начале сотрудничества с сионистским движением, основную свою роль Эйнштейн видел в сборе средств для развивающейся и борющейся за выживание страны.

## 1949

После Второй мировой войны возможности поселиться в Палестине, а затем в Израиле ждали евреи, уцелевшие в Катастрофе (более чем 250 тысяч перемещенных лиц на Кипре и в Восточной Европе), а также евреи Йемена и Ирака. Сбором средств для помощи этим евреям, а потом — в условиях Государства Израиль — для их переправки и устройства там ведала, в частности, американская общественная благотворительная организация «Объединенный еврейский призыв» («United Jewish Appeal»), созданная в 1939 году как прямая реакция на Хрустальную ночь, учиненную нацистами в Германии.

Эйнштейн всячески помогал благотворительной деятельности этой организации в пользу Израиля и 27 ноября 1949 года, накануне второй годовщины исторического голосования в ООН и в разгар сражений, в которых евреи Израиля отстаивали свою независимость, выступил по американскому радио с целью экономически поддержать иммиграцию в Израиль:

### Евреи Израиля<sup>47</sup>

Для нас, евреев, нет более важной задачи, чем закрепить то, что уже достигнуто в Израиле ценой потрясающей энергии и исключительного самопожертвования. Радость и восхищение переполняют нас при мысли об этой горстке энергичных и пытливых людей.

Однако, оценивая достигнутое, следует еще раз спросить: во имя чего все это совершалось? Во имя спасения рассеянных по множеству земель наших братьев и ради объединения их в Израиле; во имя создания общины, которая бы предельно полно воплотила сложившиеся на протяжении веков этические ценности нашего народа.

<sup>47</sup> NBC radio broadcast for the United Jewish Appeal Conference, Atlantic City, 27.11.1949. Архив Эйнштейна, ед. хр. 58 - 904. Перевод Ю. Миллер.



Одной из таких ценностей был и остается мир, основанный на разуме и самообладании, а не на насилии. И если мы действительно привержены этому идеалу, то радоваться преждевременно, потому что наши взаимоотношения с арабами от него далеки. Весьма возможно, что мы могли бы достичь желаемого, будь у нас возможность выработать отношения с соседями без вмешательства извне. Мы хотим мира и ясно осознаем, что от мира зависит наше будущее развитие.

Нам не удалось достичь единой Палестины, где евреи и арабы жили бы в мире как равноправные свободные граждане. Но мы или наши соседи значительно меньше повинны в этом, чем мандатные власти. Если одна нация господствует над другими, как это было во время Британского мандата в Палестине, она вряд ли устоит, чтобы не применить пресловутый принцип «разделяй и властвуй». Говоря без обиняков, это означает: породить недоверие между подвластными народами, чтобы они не сумели объединиться для свержения чужеземного ига. И пусть гнет исчез, но семена вражды дали всходы. Посеянное зло не исчезнет и в будущем (нам остается лишь надеяться, что его последствия не затянутся слишком надолго).

Евреи Палестины сражались за политическую независимость не только для самих себя. Эта борьба велась за свободную иммиграцию евреев из многих стран, где самое их существование было под угрозой, а также для всех, кто стремился жить среди своего народа. Не будет преувеличением сказать, что их борьба представляет собой самопожертвование, не имеющее равных в истории.

Я не говорю сейчас о людских потерях и материальном ущербе, которые мы понесли в столкновении с могущественным противником, ни об изнурительном труде первопроходцев на заброшенной пустынной земле. Сегодня я думаю еще об одной великой жертве, которую принесли евреи Израиля, приняв за полтора года волну иммигрантов, равную трети *ишув*<sup>48</sup>.

Мысленно представим себе, что подобный подвиг совершили бы американские евреи. Допустим, что законов, ограничивающих иммиграцию в Соединенные Штаты, не существует, и вообразим, что американские евреи согласились принять за полтора года более миллиона евреев из других стран, позаботились о них и включили их в экономику своей страны. Это было бы потрясающим достижением. И все

---

<sup>48</sup> Только в первый год существования государства в Израиль прибыло 203 тысячи репатриантов. К 1951 г. число репатриантов превысило 500 тысяч человек.

же оно значительно уступало бы тому, что совершили наши братья в Израиле. Ибо Соединенные Штаты – огромная изобильная страна, не страдающая от перенаселения, достигшая высокого жизненного уровня и создавшая высокоразвитое производство. Ни в какое сравнение не идет с ними крошечная еврейская Палестина, где к трудной жизни в условиях постоянной угрозы вражеского нападения добавилось бремя массовой иммиграции. Подумайте о лишениях и личных жертвах, на которые идут евреи Израиля ради этого добровольного акта братской любви.

Еврейская община Израиля не обладает нужными экономическими возможностями, чтобы успешно довести до конца это грандиозное начинание. Сто тысяч иммигрантов из приехавших в Израиль в 1948 году трехсот тысяч все еще не могут найти ни жилья, ни работы. Они вынуждены жить в наспех созданных лагерях, и тамошние условия позорят всех нас.

Мы не вправе обречь на крах это великое предприятие только из-за того, что евреи Соединенных Штатов не оказали быстрой и ощутимой помощи евреям Израиля. Я убежден, что возможность участвовать в решении этой великой задачи – бесценный дар.



## 1952

Чувство причастности Эйнштейна к еврейскому государству было оценено и вознаграждено, правда, несколько неожиданным образом: в 1952 году ученый получил почетное предложение занять пост президента страны. Об этом эпизоде в жизни физика рассказал израильский государственный деятель Ицхак Навон.

### Предложение занять пост Президента Израиля<sup>49</sup>

Здесь, в доме Президента, мне хотелось бы рассказать об отношении Эйнштейна к должности Президента Израиля. Когда умер наш

<sup>49</sup> Из выступления пятого Президента Израиля Ицхака Навона на Международном симпозиуме «Альберт Эйнштейн: исторический и культурный аспекты», проходившем 14 — 23

первый Президент Хаим Вейцман, я занимал пост секретаря по вопросам политики в правительстве Давида Бен-Гуриона. В то утро, находясь в своем кабинете, Давид Бен-Гурион сказал мне: «Есть лишь один человек, которого нам следует просить занять пост Президента Государства Израиль. Это величайший еврей на земле. Может быть, величайший человек на планете. Эйнштейн. Как вы думаете?»

Я ответил: «Президент Государства Израиль? Почему не директор научных исследований? Я опасаюсь, как бы он не оплошал...» Но Бен-Гурион настаивал на том, что считает своим долгом предложить этот пост Эйнштейну. Если Эйнштейн откажется, пусть это будет его решением.

И вот 16 ноября 1952 года я отправил израильскому послу в Вашингтоне Аббе Эвену от имени Бен-Гуриона каблогранму следующего содержания: «Пожалуйста, немедленно запросите Эйнштейна, готов ли он стать Президентом Израиля, если будет избран [парламентом]. Сразу же после избрания он должен будет прибыть в Израиль и стать израильским гражданином. Он сможет без помех заниматься своей научной работой. Пожалуйста, телеграфируйте ответ по кабелю немедленно. Бен-Гурион».

Ответная каблогранма была получена 18 ноября 1952 года и сообщала, что посол безуспешно пытался связаться с Эйнштейном по телефону и в конце концов телеграфировал ему, что израильское правительство поручило ему передать Эйнштейну срочное сообщение. То была информация исторического значения, которую нельзя было передавать по телефону, поэтому посол настоятельно просил Эйнштейна принять второго по рангу сотрудника посольства Гойтейна, который доставит ему письмо посла. После того как Эйнштейн обдумает этот предмет, он, посол, хотел бы навестить его для дальнейших переговоров.

Как сообщалось в каблогранме, в тот же вечер Эйнштейн позвонил Аббе Эвену домой и голосом, прерывавшимся от трепета и волнения, заверил, что полагает, что знает, о чем посол собирается с ним говорить. У него и в мыслях нет обсуждать пост, который он не имеет возможности занять и для которого совершенно не годится. Он никогда не принимал ни одного назначения, пока не чувствовал, что в

---

марта 1979 г. в Иерусалиме и приуроченном к 100-летию Эйнштейна. (Y. Navon. On Einstein and the Presidency of Israel. In: Albert Einstein: Historical and Cultural Perspective. The Centennial Symposium in Jerusalem. Eds. G. Holton, Y. Elkana. Princeton University Press, Princeton, New-Jersey. 1982. P. 293 — 295.)

состоянии добросовестно исполнять сопряженные с ним обязанности. У него абсолютно нет способностей для поддержания отношений с людьми, он лишь до некоторой степени разбирается в том, что касается природы и материи, и ему хотелось бы безраздельно посвятить себя изучению этого мира.

«Я ответил, – писал Эвен, – что этот вопрос так не обсуждается и я надеюсь, что он не примет решения, пока не рассмотрит все дело с исторической точки зрения. Я многократно просил его принять Гойтейна, а затем и меня. Он отвечал, что это – пустая трата времени. Он уже все решил. Он умолял меня не принуждать его к обсуждению этой темы. Я говорил, что мне такое обсуждение представляется делом первостепенной важности. И в самом деле, я и подумать не мог, чтобы телеграфировать моему правительству, что его предложение было так с ходу отвергнуто.

Тогда Эйнштейн согласился принять мое письмо от Гойтейна и двумя днями позже встретиться со мной в Нью-Йорке. Он изменил свое намерение, так как не хотел задевать чувства тех, кто предложил ему этот пост. Я попросил его временно не предавать это дело огласке. Он начал хохотать и смеясь рассказал, что корреспонденты с самого утра обрывают его телефон и просят подтвердить просочившиеся из Израиля слухи о том, что премьер-министр послал ему телеграмму с предложением занять пост президента. Он всем им отвечал, что подобной телеграммы им получено не было, и – к его огорчению – этот ответ был правдив только формально. Мы договорились, что всех интересующихся он будет переадресовывать ко мне в посольство... У меня создалось впечатление, что наше предложение не вызвало у него энтузиазма и не наполнило гордостью, а лишь доставило огорчение».

Эта история завершилась встречей Аббы Эвена с Эйнштейном, который снова сказал, что роль президента требует понимания человеческих отношений, чего ему, Эйнштейну, явно не хватает. Его желание и намерение – иметь дело исключительно с материей и природой.

После того как каблограма, предлагавшая Эйнштейну занять пост президента, была отправлена, Бен-Гурион пригласил меня к себе в кабинет на чашку кофе. Он сказал: «Скажи мне, что делать, если он согласится? Я был просто обязан предложить ему этот пост, поскольку не предложить невозможно. Но если он согласится, мы окажемся в весьма затруднительном положении». Два дня спустя наш посол встре-

тил Эйнштейна на приеме – тот прибыл в черном галстуке и без носков...<sup>50</sup>

Я знаю, что поступок Бен-Гуриона на самом деле был способом выразить глубочайшее восхищение и благодарность, которые он испытывал к Эйнштейну-гуманисту, и изъятием гордости всех евреев за человека, который не отрицал и даже гордился тем, что принадлежит к преследуемому народу, народу, в самом деле считающему науку и культуру высочайшими достижениями.



К рассказу Ицхака Навона хочется добавить три документа, проливающих дополнительный свет на данный эпизод: письмо Аббы Эвена Эйнштейну, сохранившийся в черновике ответ Эйнштейна и фрагмент письма Эйнштейна редактору израильской газеты «Ма'арив» Азриэлю Карлебаху<sup>51</sup>.

\* \* \*

Профессору Альберту Эйнштейну  
Принстон, Нью-Йорк

Посольство Израиля  
Вашингтон  
17 ноября 1952

Дорогой профессор Эйнштейн,

Подателем сего письма является г-н Давид Гойтейн из Иерусалима, который в настоящее время служит в нашем посольстве в Вашингтоне. Он передаст Вам вопрос, с которым Премьер-министр Бен-Гурион просил меня обратиться к Вам, а именно: не согласитесь ли Вы стать Президентом Израиля, если бы это было предложено Вам в результате голосования в кнессете. В случае, если Вы примете это предложение, Вам потребуется переехать в Израиль и принять его гражданство. Премьер-министр заверяет меня, что в таком случае Вам бу-

<sup>50</sup> В письме другу Эйнштейн писал: «Когда я был молод, я обнаружил, что большой палец ноги всегда в конце концов протирает в носке дырку. Посему я перестал носить носки». [Calaprice, 2000. P. 277, без даты.]

<sup>51</sup> Rosenkranz, 1998. P. 94 — 96.

дуг предоставлены все необходимое и свобода для Вашей великой научной деятельности, и гарантией тому – правительство и народ Израиля, которые хорошо понимают первостепенное значение Вашей работы.

Г-н Гойтейн сможет дать Вам любую информацию касательно вопроса, заданного нашим Премьер-министром.

Каково бы ни было Ваше намерение или решение, я был бы Вам глубоко признателен, если бы Вы позволили мне обговорить это дело еще раз днем или двумя позже в любом удобном для Вас месте. Я понимаю волнение и сомнения, которыми Вы поделились со мной сегодня вечером. С другой стороны, каков бы ни был Ваш ответ, я уверяю Вас, что предложение Премьер-министра продиктовано самым глубоким уважением, которое еврейский народ может испытывать к одному из своих сынов. Оно также диктуется сознанием того, что Израиль, это маленькое в физическом измерении государство, способен вырасти до высочайшего уровня, когда мерилom становятся духовные ценности и интеллектуальные традиции, созданные лучшими еврейскими умами и сердцами, как в древности, так и ныне. Наш первый Президент, как Вы знаете, учил нас смотреть на нашу национальную судьбу именно с этих гордых позиций, и Вы часто призывали нас к тому же.

Вот почему, каков бы ни был Ваш ответ на поставленный вопрос, я надеюсь, что Вы благосклонно отнесетесь к тем, кто его задал, и признаете, что в этот ответственный момент истории нашего народа мысль о Вас была подсказана им их самыми высокими целями и побуждениями.

С сердечными пожеланиями  
уважающий Вас  
Абба Эвен

Ответ Эйнштейна (черновой текст) от 18 ноября 1952 г.:

\* \* \*

Я глубоко тронут предложением со стороны нашего Государства Израиль и тут же огорчился и устыдился, потому что не могу его принять. Всю мою жизнь я имел дело с объективными вещами, однако мне не хватает врожденной способности и опыта в успешном общении с людьми и в исполнении официальных миссий. Уже в силу толь-

ко этих причин я оказываюсь непригодным для исполнения высоких должностных обязанностей, даже если бы мой преклонный возраст не служил мне препятствием и угрозой для моих физических сил.

Я тем более огорчен этими обстоятельствами, поскольку моя связь с еврейским народом является самой сильной моей человеческой связью еще с тех пор, как я в полной мере осознал, насколько уязвимо наше положение среди народов мира.

После того как пресса оповестила читателей о сделанном Эйнштейну предложении занять пост Президента Израиля и об ответе ученого, Эйнштейн счел нужным дополнить доводы в пользу своего отказа в письме редактору израильской газеты «Ма'арив» Азриэлю Карлебаху от 21 ноября 1952 года:

\* \* \*

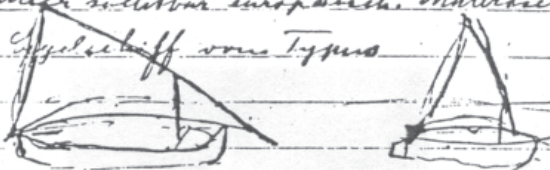
...Я также подумал о трудной ситуации, в которой могу оказаться, если правительство или парламент примут решения, которые пойдут вразрез с моей совестью; тот факт, что человек не имеет реальной возможности повлиять на ход событий, не освобождает этого человека от моральной ответственности...

## 1955

Об Израиле Эйнштейн размышлял и за два дня до смерти, когда 13 апреля 1955 года, в среду, «израильский консул посетил Эйнштейна для того, чтобы обсудить с ним проект заявления, которое тот собирался зачитать по радио и телевидению по случаю предстоящей [седьмой] годовщины независимости Израиля». [Пайс, 1989. С. 454.]



sonst von hier sichtbar europäische Malerei  
ägyptisches Gipschiff vom Typus



Im Hafen Gewimmel von Köhnen mit  
schreienden und gestikulierenden Levantinern  
in allen Schattierungen, die sich auf unser  
Schiff stürzen. Wie von der Höhe ausgespiert  
überbetäubender Lärm. Das obere Deck  
im Bazar verwandelt, aber niemand  
kauft etwas. Nur einige hirtische athletische  
junge Waleisyer haben <sup>Banditenhafte dreifache Leantiner, zehne und progressionsgestaltig</sup> Erfolg bei Sammeluntergang  
Himmel lokal und sehr intensiv gerötet, wie  
flimmernd. Auf der gegenüber Seite Mauern u. Gebäude  
eine jener scharfen Farbe, die oft auf Tropenbildern  
festgehalten. Abends Unterhaltung mit franz. Beamten  
aus <sup>National</sup> Bewegung mit japanischen <sup>Physisierung</sup> Gehörordnungen.  
14. Erwachen bei Kanalfahrt durch Wüst?  
Kühle Temperatur. Palmen, Kamel. Flehender  
gelbe Farbe. Blocks oft auf ungescheut Landfläche,  
von Beschälchen Kraut unterbrochen. Dampf  
Beyegung im Kanal. Weiße Wüstenblicke. Grüner  
Pittorese. Längeluser in glänzender Balenrichtung



# Альберт Эйнштейн и национальное самосознание



Прием, устроенный А. Эйнштейну муниципалитетом Тель-Авива 8 февраля 1923 года. В первом ряду в центре Эльза и Альберт Эйнштейн, Меир Дизенгоф и А.Л. Эстерман. (Фото из Архива А. Эйнштейна.)

# Отношение Альберта Эйнштейна к еврейскому национализму

Эйнштейн не раз касался вопроса о национальном самосознании евреев, причем обычно связывал его с необходимостью существования еврейского национального центра в Палестине. Не отрицая привязанности еврея к своей диаспоре, он тем не менее ставил его внутренний и внешний комфорт в прямую зависимость от процветания «национального очага» на Земле Израиля. Ниже публикуется ряд статей и выступлений на эту тему.

1920

## Ассимиляция и национализм<sup>52</sup>

Для того чтобы эффективно бороться с антисемитизмом, нам следует прежде всего отучить от него самих себя и изжить его первейший признак – рабское мышление. Нам необходимо обрести большее достоинство, большую независимость в наших собственных рядах. Только когда мы отважимся рассматривать себя как нацию, только когда станем уважать себя сами, мы сможем добиться уважения других, или, скорее, тогда уважение других придет к нам само собой. Ан-

---

<sup>52</sup> Einstein, 1931. P. 33 — 34.

тисемитизм как психологический феномен будет сопровождать нас до тех пор, пока евреи и неевреи вынуждены жить рядом. Но что в этом плохого? Быть может, благодаря антисемитизму мы оказались в состоянии сохранить себя как народ. Во всяком случае, таково мое мнение.

Когда я вижу выражение «немцы иудейского вероисповедания», я не могу сдержать грустную улыбку. Что, по сути, означает эта высокопарная формула? Что такое это «иудейское вероисповедание»? Выходит, есть некое безверие, вследствие которого человек перестает быть евреем? Нет, конечно. На деле за этой формулировкой стоят два постулата наших *beaux esprits* [остроумцев]:

во-первых, я не желаю иметь ничего общего с моими бедными (т.е. восточноевропейскими) еврейскими братьями;  
во-вторых, я хочу, чтобы во мне видели не сына моего народа, а всего лишь члена некой религиозной общины.

Честно ли это? И может ли «ариец» уважать таких лицемеров? Я – не немец, и во мне нет ничего, что можно было бы счесть «иудейским вероисповеданием». Но я – еврей, и я рад принадлежать к еврейскому народу, хотя и не отношусь к нему как к «избранному». Оставим антисемитизм неевреям, а наши сердца наполним теплом к своим родным и близким.



1926

Общинам, которые связаны воедино узами расы или традиции, приходится прилагать немалые усилия для охраны и поддержания своего обособленного образа жизни. Такой путь не соответствует моим убеждениям. Однако если община как таковая подвергается нападкам, она вынуждена защищаться. Ее задача – отстаивать материальные и духовные интересы своих членов. Совместные действия спасут людей от неизбежного в условиях изоляции душевного урона. Вот почему следует поддерживать усилия евреев во имя общенациональной цели, даже если сам по себе национализм симпатии не вызывает.

Ясно, что в нынешних обстоятельствах только задача восстановления Страны Израиля побудит евреев к эффективным совместным действиям, это единственная притягательная для всех цель. Бессмертная заслуга Герцля состоит в том, что он первым ясно увидел этот путь и наметил верные практические ходы. Поэтому я убежден, что каждый еврей, который превыше всего дорожит благосостоянием и достоинством еврейской нации, должен отдать все силы для воплощения идеала Герцля.

Немецкий еврей, который трудится для еврейского народа и ради еврейского национального очага в Палестине, не умаляет своей преданности Германии. Точно так же еврей, который крестится и меняет имя, продолжает оставаться евреем. Но две эти преданности – явления разного рода. Дело не в противопоставлении еврея и немца, а в пропасти между честностью и бесхарактерностью. Тот, кто остался верен своему происхождению, расе и традициям, будет верен и своему государству. Тот, кто изменил в одном, предаст и в другом.



1929

Величайшим врагом еврейского национального сознания и чувства собственного достоинства стало «ожирение души». Употребляя это выражение, я имею в виду утрату моральных устоев под влиянием богатства и жизненных благ. Сюда же надо отнести и определенную духовную зависимость от окружающего мира. Ее породил развал еврейской общинной жизни. Лучшее в человеке выявляется лишь тогда, когда он всецело принадлежит к какой-то определенной группе. Поэтому серьезная моральная опасность грозит еврею, утратившему контакт со своей национальной группой, а в среде, где он обитает, считающемуся чужаком. Ситуация такого рода часто порождает жалкий и безрадостный индивидуализм.

В наши дни давление на еврейский народ особенно сильно. И все же наши страдания оказались не напрасны. Появилась тяга к еврейской общинной жизни, о чем поколение наших родителей и не помышляло. Под воздействием пробудившегося чувства еврейской солидарности расцвела поселенческая деятельность в Палестине. Невзирая на

немыслимые трудности, эту работу ведут одаренные и преданные своему делу энтузиасты. Такая деятельность в высшей степени ценна для евреев всего мира. Палестина станет средоточием еврейской культуры, убежищем для пострадавших от гонений, местом приложения сил для каждого из нас, цементирующим идеалом и источником духовного процветания евреев любой страны.



1935

Выступая 24 марта на праздничном обеде по случаю Пурима в Немецко-еврейском клубе в Нью-Йорке, Эйнштейн, в частности, сказал:

Нет немецких евреев, и нет русских евреев, и нет американских евреев. Они отличаются друг от друга только повседневным языком. На самом деле они просто евреи.

Когда эти слова были опубликованы в «Нью-Йорк таймс», один из читателей, взяв газету, обратился к Эйнштейну за разъяснениями. Эйнштейн ответил ему в письме по-немецки:

Если смотреть на историю еврейских страданий глазами историков, мы не можем не прийти к выводу, что принадлежность к еврейству сильнее принадлежности к какой бы то ни было другой политической общности. Если, например, немецких евреев переместить из Германии, они перестанут быть немцами и сменят свой язык и свое политическое гражданство, но евреями они останутся... Причина этого, как мне кажется, лежит не столько в сфере рационального, сколько в глубоко укоренившихся традициях, которые ни в коем случае не следует сводить только к религии. [Из письма Джеральду Донау, 3.04.1935. Архив А. Эйнштейна, ед. хр. 49 - 502. Цит. по: Calaprice, 2000. P. 134.]



В апреле 1935 года еврейский мир широко отмечал 800-летие Рамбама — рабби Моше Бен Маймона, или, как его еще принято называть, Маймонида (1135 — 1204). Все еврейские повременные издания посвятили этой дате специальные выпуски либо поместили на своих страницах материалы о великом средневековом мыслителе и законоводе. В крупных еврейских общинах мира состоялись торжественные собрания с чтением лекций и обсуждением духовного наследия Маймонида. В Нью-Йорке такое собрание состоялось 7 апреля в большом зале отеля «Пенсильвания». Открывавший юбилейный вечер Альберт Эйнштейн снова трактовал еврейство как культурный феномен, связанный с неистребимой вековой тягой к знаниям и духовным ценностям.

### Моше Маймонид

Есть нечто возвышенное в созерцании людей, единодушно собравшихся вместе, чтобы почтить память человека, жизнь и труды которого отделены от нас более чем семью веками. Это ощущение особенно остро чувствуется в эпоху, когда эмоции и вражда, как никогда прежде, стремятся свести на нет влияние трезвого разума и гармоничной справедливости. Повседневная суэта накладывает на наши воззрения отпечаток страстей и желаний; голос разума и справедливости почти неразличим в грохоте войны всех против всех. Завскаса давно минувших лет потеряла почти всякую силу, и мало что осталось с той поры, кроме памяти о немногих, кто оказывал решающее и плодотворное влияние на своих современников и на последующие поколения. Таким человеком был Маймонид.

Столетия назад тевтонские варвары разрушили древнюю культуру Европы. Но на основе еврейской Библии, а также греческой философии и искусства — так или иначе уцелевших после всеобщего опустошения — начала медленно прорастать новая и более изысканная культура. Соединение этих двух источников, столь отличных друг от друга, знаменует собой начало нашей нынешней культурной эпохи. Именно из этого союза прямо или косвенно выросло все, что составляет истинные ценности нашей сегодняшней жизни.

Маймонид был одной из тех выдающихся личностей, которые способствовали созданию этого симбиоза и тем пролагали дорогу прогрессу. Как именно это произошло, мы услышим сегодня вечером от

тех, кто в своих исследованиях глубже, чем я, проник в суть дела всей жизни Маймонида и в историю еврейского духа.

Пусть этот час благодарных воспоминаний укрепит в нас любовь и почтение к сбереженным в жестокой борьбе сокровищам нашей культуры. Наша борьба с силами тьмы и варварства за сохранение этих сокровищ не может не завершиться победой.



1936

### Призвание евреев

В нашу пору люди философского склада – иначе говоря, приверженцы истины и мудрости, – по-видимому, испытывают особенную потребность в единении. Чем это продиктовано? Наше время отличается от всех минувших эпох большим знанием. Однако любовь к истине и познанию, которая окрыляла людей Возрождения, остыла и уступила место прагматической специализации. Этот подход присущ скорее материальной, нежели духовной сфере интересов общества. Но те группы людей, о которых я говорю, преданы исключительно духовным идеалам.

Веками иудаизм был верен только своей моральной и духовной традиции. Лишь одни вожди были у него – его проповедники. Однако в процессе укоренения в более широком внешнем сообществе эта духовная целенаправленность отступила на задний план, хотя даже сегодня именно ей еврейский народ обязан своей неистребимой жизнестойкостью. И если мы хотим сохранить эту жизнестойкость и употребить ее во благо человечества, мы обязаны и впредь придерживаться такой духовной ориентации.

Пляска вокруг золотого тельца была не просто легендарным эпизодом в истории наших праотцев – эпизодом, который представляется мне куда невиннее поголовного преклонения перед материальными и узколичными интересами, грозящего евреям в наши дни. В современную эпоху нет ничего более возвышенного, чем единение ради сохранения духовного наследия нашего народа. Мы, евреи, есть и должны оставаться носителями и стражами духовных ценностей. Но



мы также должны осознавать, что эти духовные ценности есть и всегда будут целью всего человечества.

## 1938

Эйнштейн связывал развитие национального сознания евреев и антисемитизм. О влиянии антисемитизма на сохранение евреев как общности он говорил еще в 1921 году в статье «Как я стал сионистом». Однако в годину нацистских бесчинств в Германии с позиции человека, сознательно отказавшегося от немецкого гражданства, Эйнштейн рассмотрел вопрос об антисемитизме несколько в ином ракурсе.

### За что они ненавидят евреев?<sup>53</sup>

Я хотел бы начать с одной старой притчи, внеся в нее лишь несколько незначительных изменений, – притчи, которая поможет понять мотивы политического антисемитизма.

Как-то подпасок сказал коню: «Ты – самое благородное животное из всех обитающих на Земле. Ты достоин того, чтобы жить беззаботно и счастливо. И твое счастье, несомненно, было бы полным, если бы не коварный олень. Увы, он с раннего детства учился двигаться быстрее тебя. Стремительным бегом он раньше тебя достигает озера. Он и его племя всегда и всюду выпивают воду, а ты и твои жеребята мучаетесь жаждой. Оставайся со мной! Мой здравый смысл и наставления избавят тебя и твой род от тягостного и недостойного положения».

Ослепленный завистью и ненавистью к оленю, конь согласился. Он позволил подпаску надеть на себя узду. Он потерял свободу и превратился в раба этого пастушонка.

В образе коня в этой притче предстает народ, а под личиной подпаска прячется тот или иной класс или клика, мечтающая об абсолютной власти над народом. С другой стороны, под видом оленя выведены евреи.

Я сразу предвижу возражения: «В жизни мы не слыхивали более неправдоподобной притчи! Не рождалось еще столь глупое животное,

<sup>53</sup> А. Einstein. Why Do They Hate the Jews? // Collier's Magazine, 26.11.1938. Перевод Ю. Миллер.

каким здесь выглядит конь». Но давайте призадумаемся. Время от времени конь и в самом деле страдал от мучительной жажды, и его самолюбие получало чувствительный укол, когда он видел опередившего его проворного оленя. Вам, не знакомым с этой болью и раздражением, наверно, трудно понять, как ненависть и ослепление побудили коня действовать с такой опрометчивой и легковерной поспешностью. Однако конь так легко поддавался увещаниям подпаса, потому что был подготовлен к этому всем пережитым. Ибо глубокая правда кроется в поговорке, замечаящей, что давать верные и мудрые советы – легко, а поступать верно и мудро значительно труднее. Я заявляю с полной уверенностью: все мы часто оказывались в положении коня и постоянно рискуем обмануться вновь.

Ситуация, обрисованная в притче, вновь и вновь повторяется в жизни отдельных людей и целых народов. Вкратце этот процесс мы можем определить как перенесение ненависти и антипатии того или иного человека или группы людей на другого человека или социальную группу, не способных к эффективной защите. Но почему роль оленя из притчи так часто выпадала на долю евреев? Почему евреи многократно становились объектом массовой ненависти? Прежде всего потому, что они рассредоточены, обитают среди множества народов, и повсюду их слишком мало, чтобы суметь защититься от гонений.

Доказательством могут служить несколько примеров из недавнего прошлого. К концу XIX века русский народ страдал под гнетом своего правительства. Грубейшие промахи во внешней политике еще более накалили атмосферу, и она дошла до критической точки. В этой обстановке правители России решили отвести недовольство, натравив на евреев озверевшую толпу. К такой тактике русское правительство прибегло еще раз, потопив в крови революцию 1905 года. Этот маневр в немалой мере помог режиму сохранить власть почти до конца Первой мировой войны.

Когда немцы потерпели поражение в Первой мировой войне, замысел и подготовка которой были делом правящих классов, истинные виновники происшедшего немедленно попытались обвинить евреев сначала в развязывании войны, а затем – в поражении Германии. Постепенно эти усилия принесли плоды: ненависть, возбуждаемая в отношении евреев, не только защитила господствующие классы, но и помогла маленькой, беспринципной и агрессивной группе полностью поработить немецкий народ.

На протяжении веков евреев обвиняли в преступлениях, которыми оправдывали обращенные против них зверства. Им приписывали отравление здоровых людей. Говорили, что их религиозные ритуалы строятся на детоубийстве. Им вменяли в вину постоянное стремление завладеть экономикой, чтобы поработить все человечество. Специально написанные псевдонаучные книжки клеймили их как скверное, опасное племя. Их наделяли репутацией поджигателей войн и вдохновителей революций – и все это исключительно в собственных эгоистических целях антисемитов. Евреев выставляли как опасных новаторов и одновременно – как врагов всяческого прогресса. Их обвиняли в фальсификации культуры других народов, осуществлявшейся якобы путем проникновения в чужую национальную жизнь под видом ассимиляции, – и буквально тут же, не переводя дыхания, объявляли столь отсталыми и закоснелыми, что оказывалось невозможным приспособить их к какому бы то ни было иному обществу.

Обвинения, выдвигавшиеся против евреев, были чудовищны, и хулители знали, что все ими сказанное – ложь от начала и до конца, но клевета – в который уж раз – снова и снова проникала в сознание масс. В годину смут и беспорядков толпы обуреваемы ненавистью и жестокостью, в то время как в мирные годы эти качества человеческой природы таятся под спудом.

До сих пор я говорил только о насилии, о притеснениях евреев. Однако антисемитизм как психологический и социальный феномен существует даже в те времена и в тех обстоятельствах, когда против евреев не предпринимается что-либо из ряда вон выходящее. В этом смысле можно говорить о латентном антисемитизме. На чем он основывается? Я думаю, что найдутся люди, искренне защищающие его как нормальное явление в жизни народа.

Члены всякой национальной группы, обитающие в инонациональной среде, поддерживают более тесные связи внутри своей группы, нежели с остальным населением. В результате до тех пор, пока они будут выделяться из общей массы, представители большинства будут испытывать напряженность в общении с членами подобных групп. Помоему, однородность населения – отнюдь не привлекательная цель, даже если бы она и была достижимой. Общие убеждения и задачи, сходные интересы сформируют в любом обществе круги, действующие в определенном смысле по принципу союзов. Между ними всегда будут возникать те же трения и то же соперничество, какие существуют и в отношениях между отдельными людьми.

Вероятно, потребность в подобных группировках наиболее очевидна в сфере политики – конкретнее, в процессе образования политических партий. Без партий политические интересы граждан любого государства, несомненно, увянут. Не будет форума для свободного обмена мнениями. Личность окажется в изоляции и не сможет отстаивать свои убеждения. Более того, различные политические взгляды формируются и развиваются только в условиях взаимной стимуляции и критики – в этом политика ничем не отличается от любой иной сферы нашего культурного существования. Поэтому общепризнано, что во времена особого накала религиозных страстей возникают разные секты и соперничество между ними стимулирует религиозную мысль и жизнь в целом. С другой стороны, хорошо известно, что централизация, то есть ликвидация отдельных групп, ведет к односторонности и бесплодности в науке и искусстве, поскольку такая централизация препятствует любому противоборству мнений и направлений и даже подавляет их.

**Так что же это такое – еврей?** Образование групп сказывается во всех сферах человеческой деятельности, и наиболее явно это проявляется в борьбе отдельных групп за свои идеалы и чаяния. Евреи также образуют группу со своим собственным характером, и антисемитизм есть не что иное, как антагонистическое отношение, вызванное еврейской группой в нееврейской среде. Это – нормальная социальная реакция. Однако в политической перебранке, порожденной такой реакцией, этому явлению было дано особое название.

Каковы характеристики еврейской группы? Что в первую очередь свойственно еврею? С легкостью на этот вопрос ответить нельзя. Наиболее очевидным ответом мог бы стать следующий: еврей – это личность, исповедующая иудаизм. Поверхностный характер такого определения немедленно выявляется следующим сравнением. Давайте зададим себе вопрос: что такое улитка? Ответ, сходный с тем, который мы только что дали, может выглядеть таким образом: улитка – это животное, обитающее в раковине. В целом здесь нет ничего ошибочного; однако эту формулу не назовешь исчерпывающей, поскольку раковина улитки является одним из продуктов ее жизнедеятельности. Сходным образом иудаизм является одним из характерных продуктов жизнедеятельности еврейской общины. Более того, известно, что улитка может сбрасывать раковину, не переставая при этом быть улиткой. Отрекшийся от своей веры (в формальном смысле слова) еврей оказывается в сходном положении. Он остается евреем.

Сложности подобного рода возникают при стремлении выявить сущностный характер любой группы.

Узы, тысячелетиями связывавшие евреев и объединяющие их и ныне, – это, помимо всего, демократический идеал социальной справедливости вкупе с идеалом взаимопомощи и терпимости в отношениях между всеми людьми. Даже наиболее древние религиозные писания евреев пронизаны этими общественными идеалами. Они оказали мощное воздействие на христианство и ислам, а также плодотворное влияние на социальную структуру большинства человеческих цивилизаций. Достаточно вспомнить введение еженедельного дня отдыха – величайшее благодеяние для всего человечества. Личности, подобные Моисею, Спинозе и Карлу Марксу, сколь бы несхожими они ни были, посвятили себя идеалу социальной справедливости. На этот тернистый путь их привела завещанная праотцами традиция. Она же лежит в основе не имеющей себе равных благотворительной деятельности евреев.

Другой характерной особенностью еврейской традиции является глубокое уважение, которым пользуется любая форма интеллектуального труда и духовного усилия. Я убежден, что именно благодаря почтению, с которым относятся в еврейской среде к духовным стремлениям, евреи смогли внести свой вклад в познание в самом широком смысле этого слова. Учитывая их относительную малочисленность и постоянно чинимые им преграды на длинном историческом пути, весомость сделанного ими вклада не может не вызвать восхищения у любого честного человека. Я убежден, что в основе этого явления лежит не странное изобилие талантов, а то уважение, каким пользуется среди евреев интеллектуальное совершенство и которое порождает особенно благоприятную атмосферу для расцвета всевозможных дарований. При этом издавна поощряемый дух суровой критики гасит любые попытки слепого преклонения перед авторитетами.

Здесь я коснусь лишь двух традиционных особенностей, которые представляются мне наиболее существенными. Стандарты и идеалы, о которых говорилось выше, проявляются в малых делах точно так же, как и в больших. Они передаются от родителей детям; они придают особый колорит беседам и обмену мнениями в кругу друзей; ими полны религиозные тексты; они накладывают особый отпечаток на всю жизнь сообщества. Именно в этом я вижу сущность еврейства. То, что в повседневной жизни группы эти идеалы реализуются не в полной мере, вполне естественно. Однако если кто-либо хочет кратко охарактеризовать некую группу, он должен начать с ее идеала.

**Иногда притеснение – стимул.** Ранее я представил иудаизм как общность традиции. С другой стороны, как друзья, так и недруги утверждают, что евреи представляют расу и что их характерное поведение является результатом врожденных качеств, передаваемых по наследству из поколения в поколение. Эта точка зрения становится версией, поскольку на протяжении тысячелетий евреи совершали браки преимущественно внутри своей собственной группы. Подобный обычай может и в самом деле сохранить расовую однородность – но только в том случае, если он имел место изначально. Если же изначально существовала система межрасовых смешений, то создать единую расу он не может. Евреи, однако, раса смешанная, равно как и все другие группы нашей цивилизации. Такой точки зрения придерживаются непредвзятые антропологи; все остальные суждения лежат в сфере политической пропаганды и, следовательно, заслуживают соответствующего отношения.

Можно предположить, что еврейская группа расцвела не только благодаря своей собственной традиции, но главным образом из-за притеснений и антагонизма, с которыми сталкивалась в мире на протяжении всей своей истории. В этом, несомненно, кроется одна из основных причин ее длящегося тысячелетия существования.

Сегодня евреев примерно 16 миллионов человек – это менее одного процента от численности всего человечества; это также равно примерно половине населения современной Польши. Их значение как политического фактора ничтожно. Они разбросаны почти по всему свету и никак не могут объединиться; это означает, что они не способны ни к какому радикальному действию в какой бы то ни было сфере.

Найдись кто-то, пожелавший воссоздать образ евреев исключительно по описаниям их врагов, он пришел бы к выводу, что они являются собой силу мирового масштаба. На первый взгляд это кажется очевидным абсурдом – и тем не менее, по-моему, в этом заключении есть определенное рациональное зерно. Евреи как группа, возможно, и бессильны, но совокупность достижений отдельных членов этой группы в любой области значительна и говорит сама за себя, пусть даже эти достижения и были достигнуты на фоне невероятных лишений. Групповое сознание мобилизует потенциальные ресурсы и стимулирует самопожертвование и максимальные усилия личности.

Отсюда – ненависть к евреям со стороны тех, у кого есть причины избегать просвещения масс. Более всего на свете эти силы боят-

ся влияния интеллектуально независимых людей. Именно в этом я усматриваю истинную причину дикой ненависти к евреям в сегодняшней Германии. Для нацистской группировки евреи – не просто средство отвести от себя, истинных угнетателей, народное возмущение. Они видят в евреях неассимилируемый элемент, который нельзя заставить беспрекословно следовать обожествляемой догме. Потому-то этот элемент представляет – пока он вообще существует – угрозу их владычеству своим настойчивым стремлением к просвещению широких народных масс.

Эта точка зрения отражает суть вопроса, что убедительно доказано торжественной церемонией сожжения книг, которую нацистский режим ввел вскоре после своего прихода к власти. Этот акт, бессмысленный с политической точки зрения, может быть понят только как сиюминутный эмоциональный порыв. Если так, он представляется мне более характерным, нежели многие прочие, пусть даже более целенаправленные и практически эффективные нацистские акции.

В сфере политических и социальных наук возросло справедливое недоверие к чрезмерным обобщениям. Когда подобные обобщения столь безраздельно господствуют над разумом, от внимания легко ускользают конкретные причинно-следственные связи. Это ведет к искажениям в понимании реального многообразия событий. С другой стороны, отказ от обобщения означает вместе с тем отказ от понимания целого. Поэтому я считаю, что можно и должно идти на риск обобщений, не забывая при этом о скрытых в них неопределенностях. Именно с таких позиций я хочу с максимальной осторожностью высказать свое понимание антисемитизма как явления.

Я усматриваю в политической жизни две противоположные и постоянно противоборствующие тенденции. Первая, оптимистическая, склонна извлекать выгоду из убеждения, что свободное раскрытие продуктивных способностей индивидуумов и групп естественным образом ведет к позитивному состоянию общества. Она признает необходимость стоящей над индивидуумами и группами центральной власти, но допускает за ней только организационные и регулирующие функции. Вторая, пессимистическая, действует исходя из предположения, что свободное взаимодействие личностей и групп ведет к развалу общества; она стремится основать общество исключительно на жесткой власти, слепом повиновении и принуждении. На деле эта тенденция пессимистична лишь до определенных пределов, поскольку в своем отношении к аппарату силы и власти она вполне благожелательна.

Сторонники этой второй тенденции – враги любой свободной группы, противостоящие развитию независимого мышления. Более того, они являются проводниками политического антисемитизма.

Здесь, в Америке, на словах все придерживаются первой, оптимистической, тенденции. Тем не менее вторая тенденция представлена крайне широко. Она проявляется повсеместно, хотя по большей части стремится замаскировать свою сущность. Ее целью является политическое и духовное господство меньшинства путем скрытого контроля над средствами производства. Ее сторонники уже пытались использовать в своих целях оружие антисемитизма, равно как и ненависть к различным прочим группам. Они повторяют свою попытку и в будущем.

Пока все подобные тенденции терпели крах благодаря отчетливому политическому инстинкту народа. И так оно будет впредь, если мы останемся верными правилу: «Остерегайся льстецов, особенно когда они проповедуют ненависть».



## 1943

Когда сведения о том, что нацисты творят над евреями в оккупированной Европе, дошли до Соединенных Штатов, один молодой еврей из Сан-Франциско, Мартин Ротке, обратился к Эйнштейну с вопросом, как же жить дальше, оставаясь евреем. 5 октября 1943 года Эйнштейн ответил ему следующим письмом<sup>54</sup>:

\* \* \*

Дорогой сэр,

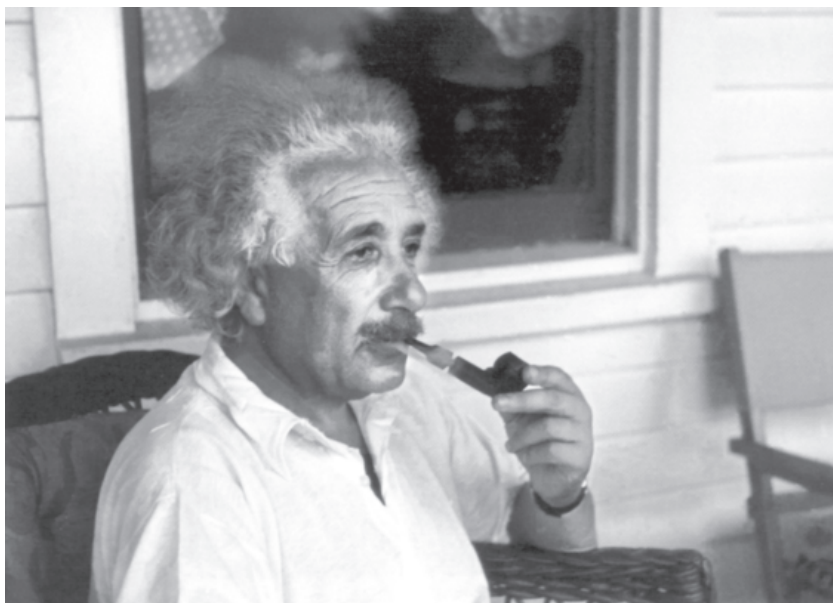
Я получил ваше письмо от 21 сентября. Отношение еврея к своему окружению сопряжено с разного рода трудностями. Для нас наша внешняя ситуация является данностью, фактом, не зависящим от нашего поведения. Самое главное – так я думаю, – чтобы мы добились

<sup>54</sup> Rosenkranz, 1998. P. 89.

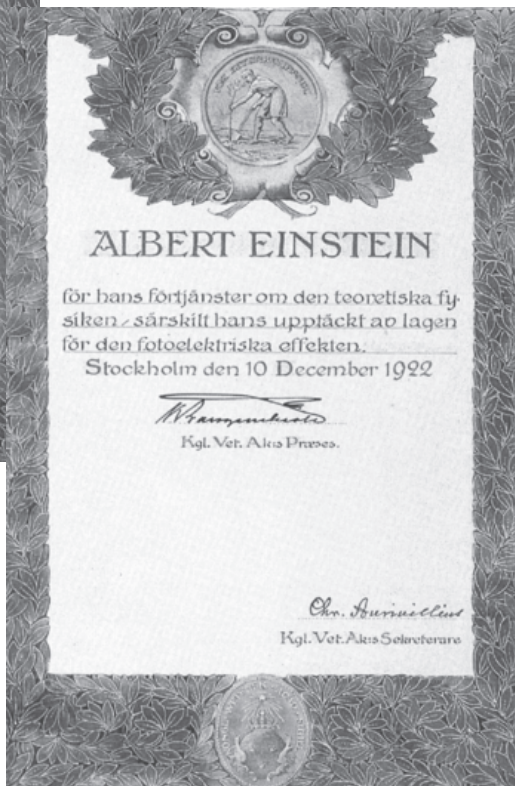
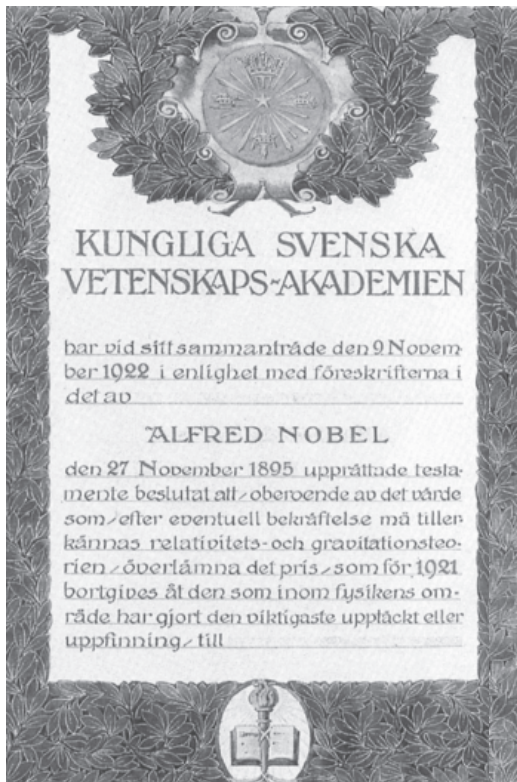


достаточного самоуважения, чтобы можно было перестать зависеть от нееврейского мира и избавиться от гипертрофированной чувствительности к нему. Мы должны добиться трезвого понимания, не отравленного горечью чужих предрассудков и вытекающего из них отношения к нам, так чтобы в нас не могло зародиться никакое чувство неполноценности. Это справедливо не только в сфере еврейской проблематики, но всюду, где человеческими отношениями правят страсти и предвзятые мнения. Подобное бремя у человека с сильным характером может развить независимость, а слабого, к сожалению, может и травмировать. Спиноза был восхищения достойным примером первого случая. Смех и юмор тоже могут тут сильно помочь.

Искренне ваш,  
профессор Альберт Эйнштейн



В Лонг-Айленде, 1937.



Нобелевский диплом А. Эйнштейна, 1921.

# **Альберт Эйнштейн и Катастрофа европейского еврейства**





# Реакция Альберта Эйнштейна на Катастрофу

Эйнштейн не раз призывал общественное мнение и западные демократии прямо взглянуть на все ужесточающуюся дискриминацию евреев в ряде стран Европы, в первую очередь в Германии. Когда 30 января 1933 года национал-социалистическая партия с Гитлером во главе пришла к власти, Эйнштейн с семьей находился в США, в Принстоне (с 10 декабря 1932 года). Предполагалось, что это всего лишь обычная, не слишком продолжительная командировка. Но 20 марта нацисты совершили налет на дачу Эйнштейна в Капуте под предлогом, что коммунисты хранят там оружие. Случившееся стало последней каплей в решении физика навсегда порвать отношения с Германией: он отказался от гражданства Германии (сохранив швейцарское гражданство), 28 марта вышел из членов Прусской академии наук, 21 апреля ушел в отставку из Баварской академии наук.

Заявления, которые я сделал для прессы, касались моего намерения выйти из Прусской академии наук и отказаться от прусского гражданства. В качестве причин этих шагов я указал, что не желаю жить в стране, где индивидуум не может наслаждаться равенством перед законом и свободой говорить и преподавать то, что хочет. [Архив Эйнштейна, 29 - 297.]

Неизменно ратовавший за единение и взаимопомощь евреев, Эйнштейн все более настойчиво говорил об этом перед лицом нацистских бесчинств в Германии и попустительства европейских правительств. Он понял, что многие евреи захотят покинуть Европу, и обращался к свободным странам и к осуществлявшим контроль над Палестиной мандатным властям с призывами оказать всемерное содействие все более и более многолюдному потоку еврейских беженцев. Публикуемые ниже материалы характеризуют его позицию в связи с Катастрофой.

1934

### Не забудем

Если нам, евреям, и суждено извлечь какой-то урок из этой мрачной эпохи, то он заключается в следующем: все мы связаны единой участью. Это факт, который легко и охотно забывается во времена покоя и безопасности. Мы слишком привыкли подчеркивать различия, разделяющие евреев разных стран и разных религиозных течений, и часто забываем, что ненависть и несправедливое отношение к евреям в любой точке земного шара касаются каждого еврея. Нельзя также забывать, что бессовестные политиканы ради своих планов всегда могут обернуть против нас давние предрассудки.

Все это касается каждого из нас, потому что подобные отклонения и психические расстройства национальной души не различают ни океанов, ни государственных границ, а распространяются, как экономические кризисы и эпидемии.



1939

15 марта 1939 года Богемия и Моравия были оккупированы гитлеровскими войсками. Это поставило под угрозу существование 118 310 евреев Чехословакии, которые немедленно были лишены всех граждан-

ских прав и возможности участвовать в экономической и культурной жизни страны. Ясно сознавая, что единственным выходом из этого бедственного положения может служить еврейская эмиграция, а с другой стороны, предвидя бесчисленные трудности на пути этих вынужденных скитальцев, Эйнштейн немедленно выступил с речью, обращенной к главам демократических государств мира:

\* \* \*

История преследований, которые выпали на долю еврейского народа, невероятна по своей протяженности. Тем не менее война, ведущаяся ныне против нас в Центральной Европе, заслуживает того, чтобы ее внесли в особую категорию. В прошлом нас преследовали *вопреки* тому, что мы – народ Библии; ныне, однако, гонения обрушились на нас именно *потому*, что мы – народ Библии. Зловещий смысл их заключается в том, чтобы не только стереть с лица земли нас самих, но и развеять вместе с нашим прахом заключенный в Библии и христианстве дух – основу цивилизации в Центральной и Северной Европе. Если эта цель будет достигнута, Европу ожидает участь безводной, выжженной пустыни, ибо жизнь человеческого сообщества не способна сколько-нибудь долго зиждиться на грубой силе, жестокости и ненависти.

Только взаимопонимание, справедливость в отношениях и готовность помочь ближнему могут придать стабильность человеческому обществу и гарантировать безопасность личности. Заменой этим основополагающим принципам не могут служить ни интеллект, ни созидательные способности, ни традиции.

Нынешние политические катаклизмы с корнем вырвали из европейской почвы множество еврейских общин. Сотни тысяч мужчин, женщин, детей выброшены из своих домов и принуждены в отчаянии скитаться по дорогам планеты. Трагедия, которую переживает сегодня еврейский народ, – это трагедия вызова, брошенного современной цивилизации.

В результате преследования евреев и других групп населения возник класс беженцев. Многие выдающиеся деятели науки, искусства и литературы выброшены из тех стран, которым они отдавали свои таланты. В пору экономического спада такие изгнанники всюду способны оживить экономическую и культурную деятельность. Многие бежен-

цы известны как высококвалифицированные специалисты в промышленной и научной сферах; на их счету – ценный вклад в прогресс человечества. Они в состоянии отплатить за гостеприимство тем, что дадут новый импульс развитию экономики. Мне рассказывали, что появление беженцев в Англии привело к возникновению пятнадцати тысяч рабочих мест для безработных дотоле англичан.

Как бывший гражданин Германии, оказавшийся настолько везучим, чтобы ее покинуть, я знаю, что могу от имени моих братьев-беженцев выразить признательность демократическим странам за ту добрую встречу, которая нас ждала. Все мы единодушно испытываем чувства благодарности и долга в отношении государств, где получили прибежище, и каждый из нас отдает без остатка все силы, чтобы внести свой вклад в экономическое, социальное и культурное развитие этих стран.

Однако неуклонный рост числа беженцев вызывает серьезную тревогу. События последней недели добавили к общему числу еще несколько сотен тысяч потенциальных беженцев из Чехословакии. Мы вновь столкнулись с большой трагедией еврейской общины, верной традициям демократии и служения обществу.

Сила сопротивления, позволившая еврейскому народу выжить на протяжении тысячелетий, является прямым следствием верности евреев библейским заповедям об отношениях между людьми. В эту годину страданий наша готовность к взаимопомощи переживает особенно тяжкое испытание. Каждому из нас суждено лично пройти через него так, как это случалось в прошлом с нашими предками. У нас нет иного средства защиты, кроме солидарности и понимания важности и святости общего дела, за которое мы страдаем.



1943

### Цель человеческого существования

Наша эпоха гордится своими достижениями в интеллектуальном развитии человечества. Поиск истины и стремление к знанию являются безусловными достоинствами человека (хотя зачастую мы видим



чрезмерное самоуважение именно там, где прилагались наименьшие усилия), однако не следует создавать себе кумира из нашей способности к познанию. Несомненно, разум обладает большой мощью, однако он лишен самостоятельности. Сам по себе он не способен вести; он может лишь служить инструментом в чьих-то руках и при этом неразборчив в выборе хозяина. Убедиться в этом можно, приглядевшись к «жрецам» разума – интеллектуалам. Разум незаменим при выборе методов и средств, однако, если речь идет о приоритетах и конечных целях, он слеп. Эта фатальная слепота передается из поколения в поколение, от стариков к молодым, и ныне поразила целое поколение.

Пророки, наши еврейские предки, и мудрецы Древнего Китая независимо друг от друга провозгласили, что совершенствование человека должно подчиняться прекрасной цели – стать сообществом свободных и гармоничных людей. Достичь этого можно через внутреннюю борьбу с антиобщественными разрушительными инстинктами. Наиболее сильнодействующим средством в такой борьбе может оказаться разум. Интеллектуальные усилия, направленные на развитие личности и ее творческих способностей, придают смысл и содержание жизни.

Но сегодня миром правят грубые человеческие страсти – столь необузданные, что их нельзя сравнить ни с одной минувшей эпохой. На этом грозном фоне наш еврейский народ повсюду оказывается маргинальным меньшинством. У него нет надежных средств защиты. И при этом больше, чем кто-либо другой, он подвергается жесточайшим преследованиям, если не полному уничтожению. Эту свирепую ненависть распаляет то, что именно мы дали миру идеалы гармоничного сотрудничества и усилиями лучших сынов нашего народа воплотили их в слово и дело.



1944

29 сентября 1939 года немецкие войска заняли Варшаву. Тогда в ней насчитывалось около 400 тысяч евреев, почти треть всего городского

населения. 2 октября 1940 года часть Варшавы была отведена под гетто, куда заключили всех еврейских жителей города и беженцев из провинции. В июле 1942 года начались массовые депортации евреев в лагерь уничтожения Трешлинка. Когда об истинном назначении Трешлинки стало известно в гетто, евреи создали Еврейскую боевую организацию сопротивления и в ответ на следующие акции поднимали восстания. Уличные бои всякий раз бывали подавлены немцами.

Массовое восстание евреев Варшавского гетто началось 19 апреля 1943 года, когда на его улицы вступили немецкие танки и артиллерия. Поначалу повстанцы одерживали верх, немцы несли тяжелые потери. Вооруженная борьба длилась до 8 мая 1943 года, когда нацисты захватили штаб-квартиру Еврейской боевой организации, а гетто превратилось в руины. Отдельные группы повстанцев продолжали сражаться и дальше.

Восстание в Варшавском гетто явилось одним из самых крупных вооруженных выступлений против германских войск в оккупированной Европе.

### Героям восстания в Варшавском гетто<sup>55</sup>

Они сражались и погибли как плоть от плоти еврейского народа в борьбе с вооруженными бандами германских убийц. Эта жертва должна послужить сплочению евреев всего мира, ведь в усилиях и попытках создать лучшее человеческое общество – общество, которое столь ясно и убедительно описали наши пророки, – мы стремимся к единству.

Немецкий народ целиком повинен в этих массовых убийствах. И если есть справедливость в этом мире, а представления о коллективной ответственности народов еще не окончательно позабыты жителями Земли, немцы должны понести наказание как народ в целом. За нацистской партией стоит немецкий народ, избравший на высоты власти именно Гитлера, который и в своей книге, и в речах заявлял о своих подлых намерениях абсолютно ясно и недвусмысленно. Немцы – единственный народ, не сделавший ни одной сколько-нибудь серьезной попытки защитить невинно преследуемых. Когда они будут полностью разбиты и начнут стенать о своей горькой участи, мы не

<sup>55</sup> On the Heroes of the Warsaw Ghetto//Bulletin of the Society of Polish Jews. New York, 1944. Перевод Ю. Миллер.

вправе допустить, чтобы нас обманули еще раз. Мы должны всегда помнить, что они сознательно злоупотребляли гуманистическими традициями других народов ради подготовки своего последнего и наиболее чудовищного преступления против человечества.



1948

Когда 17 января 1945 года советские войска вошли в Варшаву, в живых там оставалось чуть больше 200 евреев, скрывавшихся под землей и в развалинах. В память о героизме и мученичестве повстанцев 19 апреля 1948 года — пятую годовщину восстания в Варшавском гетто — на площади Героев гетто в польской столице был открыт скульптурный монумент. На открытии этого памятника было зачитано обращение Альберта Эйнштейна, однако ученый говорил не столько о прошлом, сколько о настоящем — о не прекращающихся и после капитуляции Германии и ее союзников бедствиях евреев.

Перед памятником евреям,  
павшим в Варшавском гетто

Монумент, у которого вы сегодня собрались, воздвигнут как материальный символ нашей скорби перед лицом невосполнимой утраты, понесенной еврейским народом, народом-мучеником. Он также напоминает нам, спасшимся, о необходимости хранить верность своему народу и моральным принципам, которые завещали нам наши праотцы. Только эта верность поможет нам выжить в нынешнюю пору морального упадка.

Чем более жестокою несправедливостью чинят люди по отношению к человеку или народу в целом, тем глубже они ненавидят и презирают свою жертву. Укоренившееся в сознании нации высокомерное тщеславие не дает пробиться ростку раскаяния за совершенные преступления. Даже те, кто не принимал участия в зверствах, остаются глухи к страданиям невинных жертв и не испытывают никакой солидарности с ними. В результате остатки того, что когда-то называлось

«европейским еврейством», томятся в концентрационных лагерях и им запрещен въезд даже в весьма малозаселенные страны. Даже торжественно обещанное нам право на «национальный очаг» в Палестине обернулось обманом. В наш век моральной деградации призывы к справедливости не имеют никакого воздействия на людей.

Давайте же ясно осознаем и ни на мгновение не будем забывать: наша единственная физическая и моральная защита – во взаимопомощи, в поддержании полнокровных связей между евреями всех стран. А в будущем нам надо готовиться к преодолению того всеобщего морального упадка, который ныне серьезно угрожает человечеству. Давайте же – сколь бы слабы мы ни были – приложим все усилия, чтобы положить конец нынешнему моральному разложению человечества. Давайте придадим жизнеспособность и силу его стремлениям к законности и справедливости, равно как и к дружбе между всеми участниками мирового сообщества.



## 1946

В 1944 — 1945 годах Василий Гроссман и Илья Эренбург работали над составлением документальной «Черной книги» о геноциде евреев во время Второй мировой войны. Им помогали члены еврейского Антифашистского комитета и Американской еврейской организации. В 1946 году рукопись двух томов книги, названной «Истребление народа» и написанной на идише, была передана Антифашистскому комитету, а копии пересланы в США, подмандатную Палестину и Румынию. В СССР книга тогда так и не вышла, зато главы из нее под названием «Черная книга» были опубликованы в 1946 году в Нью-Йорке на английском языке при поддержке еврейских общественных организаций. Почти одновременно отдельные фрагменты книги вышли на идише в Румынии по выполненному в Палестине набору. Рукопись полного подлинника хранится в музее Яд ва-Шем в Израиле.

Эйнштейну предложили написать предисловие к американскому изданию, но в книгу оно не попало.

## Неопубликованное предисловие к «Черной книге»

Эта книга представляет собой сборник документальных материалов о систематическом уничтожении, которому германское правительство подвергло громадную часть еврейского народа. Ответственность за правдивое изложение фактов лежит на еврейских организациях, объединивших свои усилия для сбора материалов. Они также сделали все возможное, чтобы донести эту информацию до общественности.

Цель книги очевидна. Ей предстоит убедить читателя, что любая международная организация, призванная обеспечить неприкосновенность личности, способна выполнить свою задачу лишь при условии, что она не ограничится защитой государств от военного нападения. Помимо этого ей необходимо взять под свое покровительство национальные меньшинства внутри той или иной страны. Ибо в конечном счете в защите от уничтожения и бесчеловечного обращения нуждается именно личность, индивидуум.

Правда, этой цели можно достичь, нужно только отбросить принцип невмешательства, сыгравший в последние десятилетия роковую роль. Сегодня уже никто не может усомниться в необходимости радикальных шагов. Ужасам войны предшествовали не одни милитаристские приготовления, но определенные события внутригосударственного порядка.

Обеспечить нормальный образ жизни всем людям планеты – вот общий долг человечества и всех государств. А пока его нет, мы не можем говорить о человечестве как цивилизованном обществе.

Бедствия последних лет привели к тому, что в процентном отношении еврейский народ понес существенно большие потери, нежели любой другой народ на Земле. Поэтому в новом устройстве мира еврейскому народу должно быть оказано особое внимание. Формально евреи не могут претендовать на статус нации, поскольку не обладают ни собственной страной, ни правительством. Но это отнюдь не препятствие, ибо евреев следует воспринимать как однородную группу, как если бы они были нацией. Это положение евреев доказано поведением их врагов. Следовательно, в процессе стабилизации международного положения евреи должны рассматриваться как нация в общеупотребительном смысле слова.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство. Вероятно, в обозримом будущем еврейская жизнь во многих местах Европы

будет невозможна. Зато десятилетия напряженного труда и щедрая финансовая поддержка привели Палестину к процветанию. Усилия энтузиастов строились на одном – на вере, что будет выполнено данное после Первой мировой войны обещание создать безопасный «национальный очаг» для еврейского народа на его древней палестинской родине. Это обещание претворялось в жизнь, мягко выражаясь, не последовательно и не в полном объеме. Ныне, после того как евреи (и особенно евреи Палестины)<sup>56</sup> внесли столь значительный вклад в эту войну, настала пора напомнить о данном обещании. Необходимо требовать, чтобы Палестина с ее экономическими возможностями была открыта для еврейской иммиграции. Если международные организации надеются на доверие (а именно оно должно стать мощной основой их усилий), то необходимо недвусмысленно продемонстрировать, что понесшие наиболее тяжкие жертвы не оказались обманутыми, доверившись этим организациям.



Эйнштейн часто весьма резко высказывался о немцах и царившем в Германии националистическом духе, который он замечал еще в годы Первой мировой войны. После Катастрофы европейского еврейства Эйнштейн неоднократно заявлял о коллективной ответственности всего немецкого народа за участие, соучастие и молчаливое одобрение «окончательно-го решения еврейского вопроса». Вот несколько характерных примеров:

### 1942

Из-за своих злодейских традиций немцы стали такими дьявольскими созданиями, что будет чрезвычайно трудно исправить сложившуюся ситуацию рациональными, тем менее гуманными, средствами. Я надеюсь, что к концу войны они почти все сами себя истре-

---

<sup>56</sup> Имеется в виду Еврейская бригада — еврейская воинская часть в британской армии в годы Второй мировой войны, единственное национальное еврейское подразделение в составе союзных войск (мы не говорим сейчас об участии евреев в войне в составе регулярных войск стран антигитлеровской коалиции). Еврейская бригада состояла главным образом из добровольцев — еврейских жителей Палестины.

бят с доброй помощью Бога. [Из письма Отто Юлиусбургеру, лето 1942. Архив Эйнштейна, ед. хр. 38 - 199.]

### 1946

После того как немцы в массовом порядке убивали в Европе моих еврейских братьев, я больше не желаю иметь с немцами ничего общего, включая относительно безвредную академическую среду. Это не распространяется на тех немногих, кто сохранил в себе возможную в тех условиях порядочность<sup>57</sup>. [Из письма Арнольду Зоммерфельду, декабрь 1946. Архив Эйнштейна, ед. хр. 21 - 368.]

### 1949

Преступление немцев вправду самое отвратительное из тех, что когда-либо были вписаны в историю так называемого цивилизованного человечества. Поведение немецких интеллектуалов – как группы – было ничуть не лучше поведения толпы. <...> Отношение подавляющего большинства немцев к нашему народу было таким, что мы просто не можем не видеть в них прежде всего опасность. Я полагаю, не меньшая опасность таится и в отношении немцев к другим народам. [Из письма Отто Ганну, 26.01.1949. Архив Эйнштейна, ед. хр. 12 - 072.]



<sup>57</sup> К этим немногим Эйнштейн относил Отто Ганна, Макса фон Лауэ, Макса Планка и Арнольда Зоммерфельда.

SCRIPTA  
UNIVERSITATIS  
ATQUE BIBLIOTHECAE  
HIEROSOLYMITANARUM

MATHEMATICA ET PHYSICA  
VOLUMEN I  
CURAVIT A. EINSTEIN

AUCTORITATE  
CONCILII ACADEMICI

IN SOCIETATEM ADSUMPTIS

A. BESREDKA A. BUECHLER E. CASSIRER  
A. EINSTEIN J. HADAMARD E. LANDAU  
T. LEVI-CIVITA J. LOEW A. v. WASSERMANN

EDIDERUNT

IMMANUEL VELIKOVSKY  
ET  
HENRICUS LOEWE

HIEROSOLYMIS  
MCMXXIII

Beweis der Nichtexistenz eines überall regulären  
zentrisch symmetrischen Feldes nach der  
Feld-Theorie von Th. Kaluza.

Von

Albert Einstein und Jakob Grommer, Berlin.

Wohl die wichtigste gegenwärtige Frage der allgemeinen Relativitätstheorie ist die nach der Wesenseinheit des Gravitationsfeldes und des elektromagnetischen Feldes. Wenn auch die Wesenseinheit der beiden Feldarten keineswegs a priori gefordert werden kann, so wäre es doch zweifellos ein großer Fortschritt der Theorie, wenn jener Dualismus überwunden werden könnte. Den einzigen bisherigen Versuch in dieser Richtung bildete bis vor kurzem die WEYL'sche Theorie. Dieser stehen aber erhebliche Bedenken gegenüber. Sie wird der Unabhängigkeit der

Первый научный сборник Еврейского университета в Иерусалиме вышел в 1923 году под редакцией А. Эйнштейна и с его статьёй (совместно с Я. Громером).



# Альберт Эйнштейн: факты еврейской биографии, воспоминания современников



А. Эйнштейн на конференции еврейских студентов. Германия, 27 февраля 1924 года.

# Отрывки из книги Ф. Гернека «Альберт Эйнштейн. Жизнь во имя истины, гуманизма и мира»

Книга Фридриха Гернека неоднократно печаталась на немецком языке в ГДР (еще до воссоединения двух Германий). По-русски она вышла в свет в Москве в 1966 г. в издательстве «Прогресс», перевод выполнен по второму немецкому изданию В.Я. Фридманом. В ней собрано много материалов о том, как параллельно с научными открытиями у Эйнштейна зарождалась ненависть к любым видам насилия, в том числе к антисемитизму. Как справедливо сказано в предисловии к русскому изданию, «нельзя не быть благодарным автору за его старания восстановить события, которые лишили Германию ее крупнейшего мыслителя, события, которые превратили борьбу за научную истину в борьбу политическую».

Несмотря на то что некоторые места из книги Ф. Гернека дублируют приведенные выше сведения, уместно и полезно дополнить данный сборник теми фрагментами биографии Эйнштейна, которые имеют непосредственное отношение к исследуемой тематике.

\* \* \*

Даже на вершине мировой научной славы Эйнштейн был «аутсайдером». На некоторых острых наблюдателей, как, например, на гейдельбергского социального психолога и демократического политичес-

кого деятеля Вилли Гельпах, он производил впечатление человека, несколько отрешенного от мира и почти по-детски доверчивого.

Такому отношению к действительности способствовала определенная черта характера Эйнштейна. Уже с ранних лет он испытывал отвращение к любой форме «стадности». «Чтобы быть безукоризненным членом стада баранов, надо прежде всего самому быть бараном», – писал он позднее в своих «Афоризмах для Лео Бека». Но на формирование этого его «отшельничества», несомненно, оказали влияние и социальные причины.

В католической средней школе, которую Эйнштейн посещал в Мюнхене, поскольку она была ближе всего расположена к дому его родителей, Альберт был единственным евреем в классе. В то время, в конце 80-х годов XIX века, антисемитизм уже пустил в Германии глубокие корни и, подогреваемый националистически настроенными преподавателями, оказывал пагубное влияние на воспитание молодежи.

В Берлине историк Генрих фон Трейчке на лекциях в университете и в своих книгах открыто пропагандировал антисемитские взгляды. При этом он пустил в обиход подлую фразу, которой через полстолетия суждено было стать преступным призывом к действию: «Евреи – наше несчастье!» Расовая ненависть становилась заметной и в других немецких городах. В этом отношении баварская столица, которая несколько десятилетий спустя превратилась в источник самого зверского антисемитского движения, какое только знала история, конечно, не составляла исключения. Молодому Эйнштейну пришлось – пусть и в очень умеренных формах – ощутить на себе эту обращенную на евреев ненависть. Он был слишком чувствителен, чтобы этот опыт мог пройти бесследно.

Таким образом, рано развившаяся отчужденность Эйнштейна в значительной степени выглядит как протест против окружавшего его немецкого мещанства, проникнутого националистическим высокомерием и расовыми предрассудками.

С ранних лет Эйнштейн был человеком бесстрашным. Он всегда высказывал свои убеждения прямо и откровенно. К боязливым и робким – а с такими ему особенно близко пришлось познакомиться среди его академических собратьев по профессии да нередко доводилось встречаться в хлопотах по созданию еврейского национального очага в Палестине – он не испытывал ничего, кроме презрения и насмешки.

О том, каким язвительным порой умел быть Эйнштейн, свидетельствует небольшое стихотворение, известное от артиста Эдуарда фон Винтерштейна, помнившего его наизусть; он, в свою очередь, услышал его от своих швейцарских друзей.

После того как один швейцарский сионист выразил озабоченность тем, что Эйнштейн слишком откровенным высказыванием своих взглядов якобы повредил общему доброму делу, ему в ответ пришли 2 февраля 1943 года из Принстона следующие беспощадные строки:

Чтоб я, болтая иногда,  
Евреям не принес вреда,  
Создам, дабы давал совет,  
Из обосранцев Комитет.  
Уж не таится ль где беда —  
Он вмиг разнохает всегда!  
Тебя ж, бесценный друг, возьму  
Я в председатели ему.

В ранней молодости, особенно в бернский и цюрихский периоды, Эйнштейн был настроен атеистически и полностью равнодушен к вопросам религии. Позднее он высказался за «очищенную от шлаков антропоморфизма космическую веру», которую рассматривал как сильнейшую и благороднейшую движущую силу научного творчества. Он был проникнут убеждением, что источник стремления к истине и познанию возникает на религиозной почве. Естествознание без религии казалось ему хромым, а религия без естествознания – слепой.

При этом Эйнштейн недвусмысленно выразил свою приверженность пантеистической концепции Бога Спинозы: «Бог = Природа». Он писал:

Мое понимание Бога вытекает из глубоко прочувствованного убеждения в наличии высшего разума, который обнаруживает себя в познаваемом мире. Пользуясь привычной терминологией, его можно обозначить как «пантеистическое» (Спиноза)<sup>58</sup>.

И тут же добавил, что традиции иудейского вероисповедания он способен рассматривать лишь в историческом и психологическом плане; никакого другого отношения к ним он не имеет.

<sup>58</sup> В ответ на вопрос «Открываются ли научная и религиозная истины с разных точек зрения?», заданный ему интервьюером газеты «Kaizo» в Японии (январь 1923).

Ясное выражение приверженности к Спинозистскому пантеистическому восприятию природы Эйнштейн сделал и в часто цитируемой телеграмме в ответ на вопрос одного американского раввина. Обеспокоенный заявлением некоего кардинала, что создатель теории относительности является безбожником, благочестивый еврей телеграфно запросил Эйнштейна, верит ли он в Бога. Эйнштейн телеграфировал ему в ответ:

Я верю в Бога Спинозы, проявляющегося в гармонии всего сущего, но не в Бога, занимающегося судьбами и поступками людей<sup>59</sup>.

Некролог, посвященный Ратенау, другу, которого Эйнштейн высоко ценил как «человека с ясным взглядом и теплым чувством», заканчивался словами:

Я сожалел, что он стал министром. При той позиции, которую значительная часть образованных слоев Германии заняла по отношению к евреям, наиболее естественной, по моему убеждению, должна быть гордая сдержанность евреев во всем, что касается участия в общественной жизни. Но я все же не ожидал, что ненависть, ослепление и неблагодарность могут зайти так далеко<sup>60</sup>. Тем же, кто руководил нравственным воспитанием немецкого народа в последние пятьдесят лет, мне хотелось бы крикнуть: «По плодам их узнаете их»<sup>61</sup>.

1920 год начался для знаменитого ученого с печального события. Его тяжело больная мать, приехавшая из Швейцарии в Берлин к своему «Альбертле», несмотря на трогательную заботу сына, вскоре скончалась<sup>62</sup>. Передают, что Эйнштейн намеревался сказать над могилой несколько слов благодарности, но был настолько взволнован, что после первых фраз не смог продолжать и замолчал.

<sup>59</sup> 1929 г. Архив Эйнштейна, ед. хр. 33 - 272. Спиноза утверждал, что невозможно отделить Бога от материального мира и чем лучше мы понимаем законы мироздания, тем ближе продвигаемся к Богу.

<sup>60</sup> 26.06.1922 министр восстановления экономики [Германии после Первой мировой войны], еврей Вальтер Ратенау, был убит членами подпольной террористической антисемитской организации «Консул».

<sup>61</sup> Евангелие от Матфея, 7:16.

<sup>62</sup> Паулина Эйнштейн умерла в доме Альберта в Берлине в феврале 1920 г.

Примерно на то же время приходятся первые организованные нападки на демократически мыслящего ученого. 12 февраля 1920 года реакционно настроенные студенты попытались сорвать его лекцию в Берлинском университете. Инцидент был заглажен после того, как студенческая делегация выразила ему свое сожаление и просила Эйнштейна продолжать чтение лекций. Однако вскоре после этого вне стен университета началась планомерная клеветническая кампания против создателя теории относительности.

Травлю организовала группа отъявленных антисемитов, собравшихся под вывеской «Объединение немецких естествоиспытателей для поощрения чистой науки». Одним из основателей «Объединения» был известный своими экспериментальными работами, но чрезвычайно шовинистически, по-фашистски настроенный гейдельбергский физик Филипп Ленард. Поначалу он еще старался оставаться в тени, но несколько недель спустя после создания новой организации, на съезде естествоиспытателей в Бад-Наугейме, Ленард выступил с провокационными выпадами против Эйнштейна и вскоре превратился в одного из самых подлых его врагов.

Еще в конце 1919 года Эйнштейн писал своим голландским коллегам, что в Берлине царят «сильный антисемитизм и неистовая реакция», по крайней мере среди так называемых «образованных». Теперь же антисемитизм и реакция перешли в наступление против Эйнштейна, хотя вначале еще под флагом «профессиональной критики» его учения. В августе 1920 года «Объединение» организовало в зале Берлинской филармонии «диспут» о теории относительности, на который был приглашен и Эйнштейн. Первый оратор, правда, обещал собравшимся «принципиальный» научный спор с теорией относительности, но, как видно, не сдержал обещания, поскольку его выступление неоднократно прерывалось возгласами «к делу!». В высшей степени «принципиальная» реакция оратора на это свелась к угрозе, что организаторы диспута заранее рассчитывали на враждебные реплики и предусмотрели необходимые меры, чтобы выставить неугодных нарушителей за дверь. Эйнштейна обвинили в плагиате, в «научной зауми» и личной саморекламе<sup>63</sup>.

---

<sup>63</sup> Ленард, известный своими работами в исследовании фотоэффекта, пытался дискредитировать открытия Эйнштейна еще в 1911 г., когда обвинил его в плагиате в том, что касается эквивалентности массы и энергии. Ленард ссылался на неизвестную Эйнштейну работу немца Зольднера, однако все нападки Ленарда были отражены другими физиками. [Пайс, 1989. С. 193.]

Второй оратор, берлинский физик, пытался атаковать Эйнштейна с научной стороны и выставить его на осмеяние публики. Главным объектом его нападок стал «парадокс близнецов».

Истинные цели и политический «смысл» всего этого предприятия стали очевидными, когда по окончании диспута один националистический студент крикнул: «Хватит, этому паршивому еврею надо было б глотку порвать!»

Но вскоре антисемитская реакция обнаглела еще больше. В одной из выходявших в Берлине газет дважды содержался призыв к убийству Альберта Эйнштейна. Подобно тому как прежде контрреволюционные листовки и плакаты требовали: «Убейте Либкнехта!»<sup>64</sup>, теперь антисемитский и фашиствующий сброд кричал: «Убейте Эйнштейна!» И как тогда, так и теперь у веймарской «демократии» не нашлось прокурора, который бы пресек эти открытые подстрекательства к убийству.

«Критика» теории относительности Эйнштейна, следовательно, с самого начала имела грязную и преступную политическую подоплеку. В одной газете совершенно справедливо говорилось о «политической кампании против Эйнштейна». Ученый был прав, когда сказал одному журналисту, что даже физики, выступающие против его теории, делают это, как ему кажется, из политических соображений.

Споры о теории относительности превратились в открыто политические столкновения. Борьба против Эйнштейна стала борьбой против демократии и гуманизма. Перелистывая газеты тех месяцев, почти в каждом номере наталкиваешься на заметки, комментарии или стихи «за» или – таких большинство – «против» Эйнштейна и его теории относительности. В местной газете Кельна одно из таких «стихотворений» начиналось словами:

Еврей Эйнштейн поведал всем,  
Что время — спятило совсем.  
Трудна теория, но все же  
На время то точь-в-точь похожа.

Неумную и наглую антисемитскую травлю «еврея Эйнштейна» со страниц многих листов и газетенок одна газета левого направления высмеяла в пародии с таким рефреном:

<sup>64</sup> Деятель революционного рабочего движения в Германии, один из создателей немецкой компартии Карл Либкнехт был зверски убит контрреволюционерами 15 января 1919 г.



Гип-гип, гав-гав, эй-эй,  
Еврей!

После провокационного спектакля в зале филармонии Эйнштейн заметил одному газетному репортеру: «Я чувствую себя подобно человеку, который лежит в хорошей постели, но постоянно страдает от клопов, – и добавил: – В Берлине со стороны моих ближайших коллег я встречал лишь предупредительность и любезность. Но в течение нескольких последних месяцев, с тех пор как стали известны результаты английских экспедиций по наблюдению солнечного затмения, подтвердившие мои предсказания, известная сторона преследует меня совершенно не по делу».

К вящей славе деятелей немецкой науки три выдающихся физика – Лауэ, Нернст и Рубенс – немедленно опубликовали в печати совместное заявление, в котором страстно выступили в защиту Эйнштейна и дали отпор ведущейся против него подлой кампании.

В заявлении, написанном Лауэ, говорилось: «На вчерашнем собрании в филармонии, на котором должна была обсуждаться теория относительности Эйнштейна, были сделаны не только нападки на его теорию, но, к величайшему прискорбию нижеподписавшихся, и злостные выпады против него как ученого». Три физика указали на то, что созданию теории относительности предшествовала «бесприммерно глубокая работа мысли», что Эйнштейн и помимо своих исследований относительности создал непреходящие ценности, и поэтому его влияние на научную жизнь не только Берлина, но и всей Германии трудно переоценить. В заключение авторы заявили: «Все, кто имеет счастье быть близко к Эйнштейну, знают, что никто не может превзойти его в уважении к чужим духовным результатам, в личной скромности и отвращении к рекламе. Справедливость требует от нас без промедления выразить это наше убеждение, тем более что вчера вечером возможности для этого не представилось».

Эйнштейн тоже высказался в печати по следам пресловутого диспута – со страниц газеты «Берлинер тагеблатт» (27.08.1920) – и снабдил свой отклик ироническим подзаголовком: «По поводу антирелятивистского акционерного общества». «Грубые оскорбления и гнусные обвинения» против себя он отмел одним мановением руки; что же касается выдвинутых против него научных лжеаргументов, то их он подробно проанализировал. «У меня есть веские основания полагать, –

писал Эйнштейн, – что в основе этого предприятия лежали мотивы, далекие от стремления к истине». В скобках он добавил: «Если бы я был немцем-националистом, со свастикой или без нее, а не евреем со свободными интернациональными взглядами, то...» Он ответил только потому, что друзья и знакомые настойчиво рекомендовали ему сделать это, чтобы стала известной и его точка зрения.

Но среди близких друзей Эйнштейна нашлись и такие, кто считал этот его шаг малоудачным: он вступил в полемику с людьми, которые заслуживали с его стороны лишь презрения. Это, безусловно, верно. Ответ Эйнштейна, однако, чрезвычайно показателен. Из него видно, насколько ясно ученый распознал политическую подоплеку направленной в его адрес «критики».

Несколько дней спустя немецкую печать облетело сообщение, что Эйнштейн, оскорбленный начатой против него клеветнической кампанией, намерен покинуть Берлин и Германию. «Если бы “Объединению” удалось, – писал Макс фон Лауэ в газетной заметке от 4 сентября 1920 года, – осуществить то, чего оно – по характеру применяемых им методов – добивалось, а именно изгнать этого человека из Берлина, оно тем самым приобрело бы непреходящую славу». Прогрессивные газеты выразили сожаление по поводу предполагаемого намерения ученого; они подчеркивали, что Эйнштейн вновь высоко поднял научный престиж Германии, который «старогерманские» профессора сумели втоптать в грязь, и что он в подлинном смысле является «драгоценным немецким самородком». Реакционные же антисемитские листки торжествовали: «Эйнштейн смывается. Будем надеяться, что о нем можно будет сказать словами Орлеанской девы: “Он уже не вернется никогда!”»

На деле голландские друзья Эйнштейна, озабоченные его судьбой, действительно предложили ему кафедру в Лейдене. Однако он отклонил это предложение. Как вытекает из переписки, он рассматривал бегство из Берлина как предательство по отношению к коллегам по профессии, которые с таким уважением и любовью относились к нему и так бесстрашно выступили в его защиту. При этом он в первую очередь имел в виду Лауэ, Нернста и Рубенса, но, наверное, также Планка и Габера. Однако Эйнштейн выразил готовность принять звание экстраординарного почетного профессора в нидерландском Королевском университете в Лейдене и время от времени читать там лекции.

Голландская «выездная» профессура сохранялась за ним с 1920

года вплоть до того времени, когда он окончательно покинул Европу в 1933 году.

Теперь его часто можно было видеть в пути – между огромным, шумным, политически беспокойным Берлином и маленьким, тихим и мирным университетским городком Голландии, где он особенно уютно чувствовал себя в доме своего друга Эренфеста. «Здесь завидная жизнь, – писал он в мае 1920 года из Лейдена Фрицу Габеру. – Наука, приветливость и сердечность. Вчера весь день провел у Лоренца: чудесный человек».

В одной из комнат квартиры Эренфеста для берлинского гостя всегда был приготовлен столик с молоком, сыром, печеньем и фруктами. «Что нужно человеку, кроме этого, да разве еще скрипки, кровати, стола и стула?» – как-то радостно воскликнул он. Эйнштейн был счастлив, что может чувствовать себя здесь совсем непринужденно. Один из его голландских коллег позднее так отозвался о нем и его наездах в Лейден: «Все, кто тогда соприкасался с Эйнштейном, очень любили его. В нем были простота и достоинство великого человека».

Антисемитская травля в Берлине сильно повлияла на отношение Эйнштейна к сионизму, о чем он рассказал в 1921 году<sup>65</sup>.

Восемь лет спустя, 8 октября 1929 года, Эйнштейн объяснил статс-секретарю и профессору университета в Бадене Гельпаху, почему он считает сионистское движение необходимым:

Когда 15 лет назад я приехал в Германию, я впервые узнал, что я еврей, причем сделать это открытие помогли мне больше неевреи, чем евреи. Я наблюдал недостойную мимикрию талантливых евреев, при виде которой сердце у меня истекло кровью. Я видел, как школа, юмористические журналы и бесчисленные проявления культуры нееврейского большинства надламывали чувство собственного достоинства даже лучших моих сородичей, и чувствовал, что так дальше не должно продолжаться. Тогда я понял, что лишь совместное дело, которое будет дорого всем евреям в мире, может привести к возрождению народа. Подвиг Герцля состоял в том, что он осознал и со всей энергией указал на то, что при существующей традиционной позиции евреев создание национального очага, или – более точно выражаясь – центра сосредоточения, в Палестине и было таким делом, на котором можно было объединить усилия.

<sup>65</sup> См. публикуемую в нашем сборнике статью Эйнштейна «Как я стал сионистом», с. 37.

Эйнштейн, который в этих высказываниях полностью солидаризируется с идеями сионистов, останавливается также на упреке Гельпаха, что сионистское движение представляет собой одну из форм «национализма», и выдвигает такую контраргументацию:

Вы называете все это национализмом, и в этом есть доля правды. Но стремление к объединению, без которого мы в этом враждебном мире не можем ни жить, ни умереть, всегда можно обозначить этим некрасивым словом. Во всяком случае, это национализм, который стремится не к власти, а к достоинству и оздоровлению. <...> Если бы нам не приходилось жить среди нетерпимых, бездушных и жестоких людей, я был бы первым, кто отверг бы национализм в пользу универсальной человечности!

Вначале он прежде всего считал необходимым поддержать усилия по созданию Еврейского университета в Иерусалиме. Для этой цели он совместно с вождем сионистского движения, химиком и политическим деятелем Хаимом Вейцманом, который в 1948 году стал первым президентом вновь созданного Государства Израиль, предпринял поездку по Соединенным Штатам Америки. Эйнштейн так энергично содействовал осуществлению именно этого плана потому, что он по собственному опыту в Германии знал, что еврейские ученые во многих культурно развитых странах не имели возможностей для свободной деятельности...

Визиты в Америку и Англию были поставлены Эйнштейну в вину. После его возвращения в Берлин на заседаниях Академии наук соседние с ним кресла некоторое время оставались незанятыми, если в зале было достаточно свободных мест. С еще большей неприязнью националисты-реваншисты внутри и вне Академии отнеслись к поездке Эйнштейна во Францию. «Во всяком случае, соответствующие правительственные инстанции должны были бы обратить его внимание на то, – сетовала одна влиятельная газета, – что для германских граждан, занимающих официальные посты, время для научного сближения с французами является совершенно неподходящим».

Осенью 1922 года Эйнштейн предпринял большую заграничную поездку на Дальний Восток. Всюду его торжественно встречали не только как великого ученого, но и как представителя Германии.

В Китае и Японии он сделал ряд научных докладов перед различными аудиториями, почти все по проблемам теории относительности.

Его выступления, ввиду необходимости перевода, часто продолжались свыше четырех часов. Когда однажды он сократил доклад, не считая возможным напрягать внимание слушателей, то заметил, что это было истолковано ими как знак пренебрежения.

Глубокое впечатление на Эйнштейна произвели японский народ и красота японского пейзажа.

«В Японии было чудесно, – писал он своему другу Соловину после возвращения. – Тонкие формы жизни, живой интерес ко всему, понимание искусства, интеллектуальная наивность при хорошей понятливости – чудесный народ в живописнейшей стране».

На обратном пути из Восточной Азии Альберт Эйнштейн и его жена Эльза прежде всего посетили Палестину, впервые побывав на ее земле. В [еще не открытом] Иерусалимском университете Эйнштейн говорил о своих исследованиях по теории относительности. Он беседовал также с первыми еврейскими поселенцами.

«Сородичи в Палестине, – сообщал он Соловину, – очень мне понравились – как крестьяне, как рабочие, как граждане. Страна в целом малопродуктивна. Она станет моральным центром, но не сможет вобрать значительную часть еврейского народа. Вместе с тем я, однако, убежден, что колонизация преуспеет».

Эйнштейн настойчиво выступал за взаимопонимание между еврейскими поселенцами и арабским населением с целью обеспечить мирное развитие новых отношений, а потому не мог солидаризироваться со многими течениями в сионистском движении. По той же причине далеко не все группы сионистов встречали его с распростертыми объятиями. Крайние националисты относились к нему с таким же недоверием, как и приверженцы ортодоксального иудаизма, которые не хотели простить ему его равнодушия к соблюдению древних религиозных обрядов и даже насмешек над ними.

Когда по возвращении его спросили, не пришлось ли ему во время его дальних странствий пережить какие-либо приключения, Эйнштейн ответил: «Приключения я пережил лишь у себя на родине, например на заседаниях Прусской Академии наук»...

Эйнштейн находился на пути в Японию, когда ему в конце 1921 года была присуждена Нобелевская премия по физике. Великий тео-

ретик был сравнительно поздно удостоен этой в то время высшей награды в научном мире. К этому времени он в кругах ученых-специалистов уже по крайней мере в течение десяти лет считался одним из самых значительных физиков современности. Открытие, послужившее основанием для присуждения премии, он сделал еще в 1905 году. Речь идет об объяснении фотоэффекта гипотезой световых квантов. Но хотя ученый был награжден не за его – все еще оспариваемые – исследования по теории относительности, а за экспериментально подтвержденное открытие, тут тоже немедленно раздались возмущенные возгласы его врагов. Антисемит Филипп Ленард на правах лауреата Нобелевской премии обратился в Нобелевский комитет в Стокгольме с злобным заявлением протеста, в котором утверждал, что работы Эйнштейна слишком «незначительны» для присуждения столь высокой награды.

Присуждение Нобелевской премии чуть не привело к дипломатическим осложнениям. Эйнштейн в то время путешествовал с швейцарским паспортом. Он всегда сохранял свое швейцарское гражданство, приобретенное им еще в 1901 году, и охотно, даже с известной гордостью, называл себя «швейцарским гражданином». Но с 1914 года он в качестве «постоянного действительного члена» Прусской Академии наук, несомненно, одновременно являлся и прусским подданным, и, тем самым, «имперским немцем».

Вопрос о национальной и государственной принадлежности Эйнштейна должен был быть выяснен быстро и определенно, так как отсутствующего ученого на церемонии торжественного вручения премии должен был представлять дипломатический представитель соответствующего государства. Дело дошло до спора о государственной принадлежности Эйнштейна между немецким и швейцарским послами в Стокгольме. Каждый дипломат претендовал на право получения от имени физика этой высокой награды, которая одновременно наделяла почетом и представляемую им страну. Представитель Швейцарии отказался от своей претензии лишь после того, как германский посол предъявил ему телеграмму из Берлинской Академии, в которой удостоверялось, что Эйнштейн является «имперским немцем».

Впрочем, на следующий же день после нобелевской церемонии министерство иностранных дел преподнесло германскому послу неприятный сюрприз, сообщив, что лауреат все-таки имеет швейцарское подданство...

Поздней осенью 1932 года Эйнштейн покинул свой загородный

дом Капут, где провел три лета подряд, и вернулся в берлинскую квартиру, чтобы в начале декабря отправиться читать лекции в Пасадену. Это стало прощанием с Германией навсегда.

С началом мирового экономического кризиса Эйнштейн озабоченно следил за развитием политических событий в Германии. Он видел, что Веймарская республика превратилась в карикатуру на демократию. После передачи власти милитаристу фон Папену, представителю немецких землевладельцев и магнатов тяжелой промышленности, который переворотом 1932 года отстранил от власти законное прусское правительство, Эйнштейн потерял последние остатки доверия к Веймарской демократии. Ввиду этого он уже летом 1932 года подумывал покинуть Европу. Предложение работы в недавно организованном Институте высших исследований (Institute for Advanced Study) в Принстоне к югу от Нью-Йорка пришлось поэтому весьма кстати. Однако он не имел еще намерения навсегда поселиться в Соединенных Штатах. Он собирался лишь проводить в Принстоне зиму, а весной и летом, как и раньше, жить на своей даче у Темплинского озера и читать лекции в Берлинском университете. В Принстоне он должен был приступить к работе с 1 октября 1933 года.

Берлинская Академия не возражала, и была достигнута договоренность, что Эйнштейн на время пребывания в Принстоне каждый раз будет получать отпуск без сохранения содержания, что соответствовало действующим инструкциям.

Пересекая океан на пароходе «Бельгенланд» компании «Ред стар лайн», Эйнштейн объявил о своем выходе из Прусской Академии наук. В четком и ясном заявлении от 28 марта 1933 года он писал:

Условия, царящие сейчас в Германии, заставляют меня настоящим отказаться от занимаемой должности в Прусской Академии наук. В течение 19 лет Академия давала мне возможность, не будучи связанным служебными обязанностями, всецело посвятить себя научной работе. Я сознаю, в какой высокой мере я ей за это обязан. Неохотно я покидаю ваш круг также из-за тех прекрасных человеческих отношений и поощрений, которые я, будучи членом вашего научного заведения, встречал в течение этого долгого времени и которые всегда высоко ценил. Однако связанная с моей должностью зависимость от прусского правительства при создавшихся обстоятельствах для меня неприемлема.

Еще до того, как это письмо 30 марта прибыло в Берлин, новый «рейхскомиссар» в прусском министерстве по делам науки, культуры и просвещения отдал Академии распоряжение возбудить против Эйнштейна дисциплинарное дело, если он действительно – как вытекает из газетных сообщений – принял за границу участие в «антинемецкой травле».

30 марта 1933 года на пленарном заседании Академии было зачитано заявление Эйнштейна об отставке. Академия приняла заявление к сведению и выразила мнение, что тем самым с ее стороны отпала необходимость предпринять против Эйнштейна какие-либо шаги, так что инцидент можно считать исчерпанным.

Однако фашистское министерство просвещения не могло этим удовлетвориться. Уже поздно вечером того же дня «рейхскомиссар» передал одному из ученых секретарей Академии, правоведа Гейману, свое «настойчивое желание», чтобы Академия публично высказалась по делу Эйнштейна. Поскольку остальных трех ученых секретарей не было на месте, Гейман лично составил текст заявления и передал его в министерство и для опубликования в печати. В заявлении говорилось, что Академия «с возмущением» узнала об участии Эйнштейна в злобной антинемецкой пропаганде в Америке и во Франции и тотчас же потребовала от него объяснений. Академия особенно осуждает «агитационные выступления Эйнштейна за границей» в связи с тем, что с давних времен ощущает свою теснейшую связь с прусским государством и всегда поддерживала и хранила национальную идею «при всей предписанной ей строгой сдержанности в политических вопросах». Исходя из этих соображений, «Академия не видит причин сожалеть об отставке Эйнштейна».

В день антиеврейского бойкота 1 апреля 1933 года это постыдное заявление Академии было напечатано в немецких газетах. В Берлине в этот день орды штурмовиков заняли главное здание университета и большинство институтов и клиник. Студенты, ассистенты и профессора еврейской национальности были изгнаны и подвергнуты оскорблениям. Головорезы из штурмовых отрядов заняли также Государственную библиотеку и отобрали у еврейских читателей абонементы. Населению не позволяли входить в магазины еврейских владельцев. А за кулисами этих позорных действий крупнейшее научное учреждение Германии избавилось от самого славного своего члена.

Текст составленного Гейманом заявления и особенно утверждение, что Академия не сожалеет об отставке Эйнштейна, отнюдь не



всеми членами Академии были встречены с одобрением. В частности, Макс фон Лауэ немедленно решительно выступил против. Его протест коснулся также того факта, что ни одному члену физико-математического отделения не была предоставлена возможность участвовать в составлении текста документа. По настоянию Лауэ, к которому присоединились два других члена Академии, на 6 апреля 1933 года было назначено чрезвычайное пленарное заседание Академии, которое должно было заняться этим вопросом.

Много лет спустя, в 1949 году, Эйнштейн иронически высказался по поводу своего «выдворения» нацистским режимом:

Уже после того, как я объявил о своем отказе от гражданства, я еще раз торжественно был выдворен гитлеровским правительством. Нет ли здесь некоторой аналогии с делом Муссолини, который, как известно, был повешен, хотя он и без того уже был мертв.

Вначале ученый проживал в качестве гостя бельгийской королевской четы в небольшом курортном местечке Лекок, неподалеку от Остенде. Он находился под охраной тайной полиции, так как опасались, что немецкие агенты могут организовать покушение на него. Эйнштейн был глубоко опечален развитием политических событий.

«Я боюсь, – писал он 23 апреля 1933 года Соловину, – что эта эпидемия ненависти и насилий распространится повсеместно. Это как наводнение – подступает снизу вверх, пока те, кто наверху, изолированные, запуганные и деморализованные, тоже не погрузятся в пучину».

Молодому физику, ученику Макса Борна Леону Розенфельду, посетившему Эйнштейна в Брюсселе, чтобы обсудить с ним вопрос о мерах помощи находящимся в изгнании немецким физикам, он сказал:

Да, теперь они сжигают в Берлине мои книги. <...> Ах, то, что такая «революция» извлекает на свет божий из человеческого нутра, малопривлекательно. Словно помешали ложкой в горшке с затхлой водой, и вся муть всплыла на поверхность.

Но наиболее трагичным было то, что многие немецкие евреи возложили на Эйнштейна ответственность за обрушившиеся теперь на них ужасы. Они вообразили, что его открытое выступление против гитле-

ровского фашизма вызвало или обострило предпринятые против них репрессии. Многие еврейские организации в Германии публично заявили о том, что они не имеют ничего общего с Эйнштейном. Они даже призывали отречься от него. «Таким образом, мы получаем больше писем с выражением ненависти от евреев, чем от нацистов», – писала его жена Эльза в начале апреля 1933 года своей подруге в Париж; с горечью она добавляет: «Разве не трагично, что те же люди, для которых он был кумиром, теперь забрасывают его грязью? Они сняли все его портреты и даже сжигали их».

Эйнштейн неустанно старался хоть как-то облегчить бедственную участь изгнанных фашистами еврейских ученых.

«Если Вам придется увидеть бежавших из Германии еврейских академиков, – писал он Соловину, – побудите их связаться со мной. Я вместе с несколькими друзьями хочу попытаться создать за границей (в Англии?) еврейский университет, где могли бы читать лекции доценты и профессора из евреев, чтобы хоть как-то удовлетворить их самые насущные нужды и создать для них нечто вроде духовного убежища».

Что касается самого Эйнштейна, то у него не было недостатка в предложениях новой работы. Университеты Парижа, Мадрида и Иерусалима предложили ему кафедры. «Теперь у меня больше профессорских кафедр, чем умных мыслей в голове», – писал он, сопроводив эти слова грубоватой поговоркой...

Летом 1933 года Эйнштейн выступил с лекциями в Англии: в Глазго и Оксфорде. Затем он поехал в Америку, чтобы с октября приступить там к заранее обусловленной научной работе.

В гитлеровской Германии имя Эйнштейна было под запретом. Теорию относительности порочили как «большевистскую физику». Лишь немногие ученые осмеливались в своих докладах и лекциях говорить об Эйнштейне и теории относительности. Те, кто так поступал, например Макс фон Лауэ и Вернер Гейзенберг, получали служебные порицания.

В письме голландскому другу Паулю Эренфесту Эйнштейн с горечью говорил об изумлении достойном отсутствии мужества, которое обнаружили «образованные» немцы. В своем ответе венскому физику Гансу Тиррингу, противнику милитаризма и поборнику научных идей Эйнштейна, он заметил, что представители научного мира не выполнили своего долга, состоящего в том, чтобы со всей страстностью

защищать духовные ценности. Еще в 1940 году Эйнштейн сказал одному гостю из Цюриха: «Я всегда надеялся, что немецкие университеты будут вести борьбу за свободу. Моя надежда не оправдалась».

Разочарование Эйнштейна в немецкой интеллигенции при виде ее капитуляции перед фашистской диктатурой Гитлера с годами все более росло. Под впечатлением страшных преступлений, совершенных немцами во время Второй мировой войны над миллионами незащищенных евреев, в душе Эйнштейна сложилось непримиримо отрицательное отношение ко всей немецкой нации. В 1933 году Эйнштейн говорил еще о кучке «больных демагогов», обманывающих и использующих для своих целей политически неразвитый народ. После 1945 года он – за редкими исключениями – уже не делал более различия между сбитым с толку немецким народом и его политическими растлителями. Об этом свидетельствуют потрясающие документы. Так, в конце декабря 1945 года Эйнштейн писал физику-атомщику Джеймсу Франку, что «немцы» по хорошо продуманному плану истребили миллионы гражданских лиц; немногие порядочные люди, оказавшиеся среди немцев, ничего не меняют в общей картине.

Мюнхенскому физику Арнольду Зоммерфельду, просившему его снова стать членом Баварской Академии наук, он ответил:

Немцы убивали моих еврейских братьев; я не хочу более иметь с ними ничего общего, даже если речь идет об участии в сравнительно безобидной Академии.

Незадолго до этого Эйнштейн уже отклонил просьбу Германской Академии наук в Берлине. В ответ на телеграфное заявление ее президента, что Академия, «чувствуя глубокое отвращение ко всей прошлой несправедливости по отношению к нему», просит его о восстановлении его членства, Эйнштейн написал: «После всего страшного, что было, я не вижу возможности принять предложение Германской Академии».

То же самое относится и к «Обществу имени Макса Планка», как после его реорганизации в 1948 году было названо бывшее «Общество кайзера Вильгельма», к которому Эйнштейн принадлежал в качестве директора института. Отто Ган, который в качестве президента этого общества просил Эйнштейна стать его иностранным членом, получил в конце декабря 1949 года твердый отказ. Ему больно, писал Эйнштейн, оттого, что он вынужден ответить «нет» Гану, одному из немногих людей, сохранивших порядочность и в те страшные годы

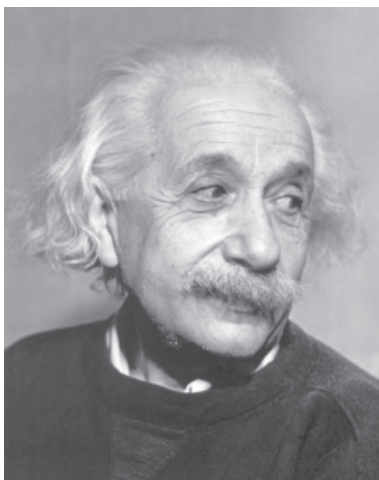
делавших все, что было в их силах. Однако он не может поступить иначе:

Преступления немцев – поистине самое отвратительное, что только можно обнаружить в истории так называемых цивилизованных наций. Поведение немецкой интеллигенции – в целом как группы – было ничем не лучше, чем поведение черни. При таких обстоятельствах я испытываю непреодолимое отвращение к участию в чем-либо, что хоть как-то связано с официальной жизнью Германии.

Из отвращения к немецкому антисемитизму и его ужасным последствиям Эйнштейн не хотел также, чтобы в Германии публиковались его работы.

«Из чувства еврейской солидарности, – говорится в его письме Макс фон Лауэ от апреля 1950 года, – я не желаю, чтобы труды, автором которых я являюсь, выходили в Германии».

...Взаимопонимание между народами, мирное сосуществование государств с различным социальным строем, запрещение ядерного оружия, борьба против пропаганды войны – вот вопросы, которые в последние годы жизни Эйнштейна стояли в центре его внимания, его раздумий и общественно-политической деятельности.



# Эйнштейн и музыка

Любовь Эйнштейна к музыке общеизвестна. В одном из интервью он сказал:

Если бы я не был физиком, я, возможно, стал бы музыкантом. Я часто думаю музыкой. Я грежу наяву в музыке. Я воспринимаю свою жизнь в понятиях музыки... Больше всего радости я черпаю в музыке. [«Saturday Evening Post», 26.10.1929. Цит. по: Calaprice, 2000. P. 155.]

А в частном письме высказался так:

Музыка не *влияет* на исследовательскую работу, но обе питаются из одного источника одиночества и одаривают друг друга чувством свободы. [Там же.]

Жена Эйнштейна, его кузина Эльза, рассказывала:

В детстве я влюбилась в Альберта, потому что он так прекрасно играл Моцарта на скрипке... Еще он играет на рояле. Музыка помогает ему думать о его теориях. Он поднимается в свой кабинет, потом возвращается в гостиную, берет несколько аккордов,

записывает что-то, опять возвращается в кабинет. [Пайс, 1989. С. 287 — 288.]

Моцарт был его любимым композитором:

Музыка Моцарта настолько чиста и прекрасна, что я считаю ее отражением внутренней красоты вселенной. [Calaprice, 2000. P. 157.]

Объясняя, как он отдыхает после занятий физикой, играя на скрипке в кухне своей берлинской квартиры (поскольку именно там наилучшая акустика), Эйнштейн сказал:

Сначала я импровизирую; если это не помогает, я ищу утешения в Моцарте. Но если при импровизации я чувствую, что из этого может что-то получиться, я обращаюсь к четким конструкциям Баха, чтобы продолжить и успешно дойти до конца. [Там же.]

Ниже помещены материалы, касающиеся отношения Эйнштейна к музыке, которое, как они свидетельствуют, было неразрывно связано с его отношением к людям.



Борис Шварц

## Музыкальные и личные воспоминания об Альберте Эйнштейне<sup>66</sup>

Я не ученый. Я музыкант, который хочет поделиться своими музыкальными и личными воспоминаниями об Альберте Эйнштейне.

Эти воспоминания переносят меня в 20-е годы, в Берлин. Как кажется, в 1923 году я был представлен профессору Эйнштейну как многообещающий юный скрипач (мне еще не было двадцати). Меня пригласили прийти со скрипкой в квартиру Эйнштейнов на улице Габерландштрассе, и мне пришлось почти два часа идти пешком, поскольку наш дом находился в Грюневальде, а транспорт в Берлине не работал из-за забастовки. Со мной шел мой отец, Иосиф Шварц, известный концертирующий пианист.

Я до сих пор помню их квартиру: войдя в нее, вы попадали в длинную, довольно узкую гостиную с диваном, развернутым в сторону большой двустворчатой двери, которая вела в музыкальную комнату. Когда мы пришли, госпожа Эльза Эйнштейн проявила материнскую заботу — может быть, вы слишком устали от долгого пути, чтобы играть?

После краткого отдыха я вынул из футляра свою скрипку, отец сел

---

<sup>66</sup> Boris Schwarz. Musical and Personal Reminiscences of Albert Einstein. In: G. Holton, Y. Elkana, eds. Albert Einstein: Historical and Cultural Perspectives. The Centennial Symposium in Jerusalem in March 1979. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 1982. P. 409 — 416.

за фортепиано, и я начал играть. То была первая часть скрипичного концерта соль-минор Макса Бруха. Я стоял у рояля, перед открытыми дверьми, а Эйнштейны сидели на диване в гостиной. Когда я заканчивал прекрасную вторую тему — играя, как я привык, с закрытыми глазами, — я вдруг почувствовал, что передо мной стоит профессор Эйнштейн. Он сказал: «*Da kann man sehen, dass er die Geige liebt!*» [«Тут можно понять, что скрипку он любит!»]. Когда я кончил играть, профессор Эйнштейн вынул из футляра свою скрипку, и мы сыграли двойной скрипичный концерт Баха, а потом еще произведения для двух скрипок и фортепиано. То был незабываемый день и начало отношений, которые я не решаюсь назвать дружбой из-за большой разницы в возрасте.

Наши музыкальные послеобеденные встречи сделались регулярными. Раз или два в месяц я и мой отец приходили на Габерландштрассе, захватив пачку нот камерной музыки, все для двух скрипок и фортепиано, и занимались музицированием вместе с профессором, читая принесенные нами произведения. Его музыкальный вкус был изысканным и избирательным: помимо Баха и Моцарта он любил исполнять сонаты-трио Вивальди, а также Генделя, Корелли, Перселла, Телемана и других композиторов эпохи барокко. Я помню, мы менялись ролями — то он играл первую скрипку, то я. Он имел большой опыт в беглом чтении с листа, играл, строго соблюдая ритм и отлично интонируя, чистым, ясным звуком и минимально пользовался вибрато. Известно предание, будто бы Эйнштейн, играя с Артуром Шнабелем, сбился с такта, на что Шнабель насмешливо спросил: «Профессор, вы что, считать не умеете?!» Я убежден, что это чистый вымысел: во время наших музыкальных занятий профессор Эйнштейн ни разу не сбился со счета.

Мы всегда играли сидя, и я как сегодня вижу его характерную позу — наклонившись вперед, он слегка сутулится над пюпитром с выражением полной сосредоточенности и блаженного счастья. Рисунок Эмиля Орлика, висящий в моем музыкальном кабинете в Нью-Йорке, передает эту его посадку с удивительной точностью. На этом рисунке Эйнштейн написал моим родителям: «*Herrn und Frau Schwarz zur Erinnerung an frohe Stunden*» [«Господину и госпоже Шварц на память о славных часах»]. А мне был подарен гравированный портрет, выполненный Германом Штруком, с надписью: «*nach wundervollen Solo zugeeignet*» [«чудесному солисту



посвящается»]. У меня также сохранилась фотография, сделанная в музыкальной комнате Эйнштейна, где мы сняты за исполнением баховской сонаты трио и где Эйнштейн надписал свое шутовое двустишие: «Dem Vater und dem Sohne — Das Spielen war nicht ohne» [«Отцу и сыну — их игра / была как будто недурна»].

В 20-е годы профессор и госпожа Эйнштейн опекали меня и всячески помогали. Помнится, профессор как-то одолжил мне на месяц свою скрипку, поскольку мой инструмент был недостаточно хорош. Стоило мне разучить новое произведение, которое, как мне казалось, может порадовать Эйнштейнов, я всегда исполнял его для них. Он слушал сидя очень тихо, с полной концентрацией внимания. Его замечания в адрес музыки всегда изобличали понимание, но были кратки: он не любил обсуждать музыку, он просто любил ее и наслаждался ею, и слушая, и играя. Он предпочитал стиль XVIII века, чистый, изящный, уравновешенный. Даже у Бетховена он больше любил ранние вещи, предшествовавшие его более зрелому периоду «штурма и натиска»<sup>67</sup>. Но Эйнштейн не был ригористом — он слушал и виртуозные пьесы, которые я готовил для концертных выступлений. Когда музыка доставляла ему особенное удовольствие, он заливался смехом, смеялся по-детски — неожиданно — и столь же внезапно обрывал смех. Наигравшись вдоволь, мы откладывали инструменты и шли отдыхать в столовую, усаживались вокруг большого стола и наслаждались «кофе и стряпней» госпожи Эйнштейн.

Позволю себе перенестись в 30-е годы. Эйнштейны покинули Берлин, я остался. Позднее, в 1935 году, я получил письмо из Принстона за подписью «Эльза Альберти». Таков был псевдоним госпожи Эйнштейн, когда она писала в Германию. Она спрашивала о нашем житье-бытье и спрашивала, не хочу ли я переехать в Америку и укрыться от нацистского террора, — профессор вышлет мне заверенное гарантийное письмо. В марте 1936 года меня ждало необходимое для въезда в США гарантийное письмо от Альберта Эйнштейна, посланное прямо в американское консульство в Берлине; это письмо давало мне право на иммигрантскую визу. Я не забыл, как американский консул подозрительно спросил меня:

<sup>67</sup> «Слушая Бетховена, я испытываю неловкость. Я считаю, что он слишком личный, почти нагой. Дайте мне лучше Баха, а затем — еще Баха». [Из интервью в январе 1947 г. Цит. по: Calaprice, 2000. P. 156.]

«Насколько близко вы знакомы с профессором?»), а я гордо показал фотографию, где мы вместе музицируем, и этого оказалось достаточным.

В июле 1936 года я прибыл в Нью-Йорк, и моя дружба с Эйнштейнами вступила в следующую фазу. То лето Эйнштейны проводили на озере Саранак-Лейк, и я получил написанное от руки письмоцо профессора:

Саранак-Лейк, 22 VII [1936]

Дорогой Борис Шварц!

Добро пожаловать в Америку! Я надеюсь и верю, что теперь все изменится к лучшему...

Я, конечно же, был бы рад увидеться с вами сразу по вашем приезде. Но серьезная болезнь моей жены вынуждает нас провести это лето в гористом районе на севере штата Нью-Йорк.

Я надеюсь, что вы скоро получите маленькую комнату в центре по приему иммигрантов, созданном женой раввина Вайза<sup>68</sup>. Поддерживайте в этой комнате чистоту и порядок, будьте хорошим мальчиком и не уподобляйтесь русским цыганам, чтобы я мог гордиться вами перед женским персоналом.

С добрыми пожеланиями и сердечными приветствиями,

ваш

А. Эйнштейн.

Два месяца спустя я получил от него еще одно рукописное письмо:

Принстон, 20.IX.36.

Дорогой господин Борис!

Пожалуйста, не истолковывайте мое молчание как недостаток заинтересованности и симпатии. Со всей моей корреспонденцией

<sup>68</sup> В 1949 г., после смерти Вайза, Эйнштейн написал некролог: «Мне посчастливилось встречаться с людьми, которые отдали массу сил делу справедливости и которые немало потрудились для блага тяжко притесняемого еврейского народа. Лишь немногие из них были лишены эгоизма, но ни один из них не был столь щедр в своей любви и энергии, как Стивен Вайз. Всю жизнь он отстаивал сионизм, и этим навсегда запомнится его неутомимая деятельность. Он шел тернистым путем истинного пророка, презирал низкие компромиссы и никогда не угодничал перед властью имущими. Он безжалостно выставлял напоказ слабости и изъяны, которые находил как в наших собственных рядах, так и в среде титулованных политиков нееврейского мира. Это был ни с чем не сравнимый вклад. Были люди, которые его не любили, но никто не мог отказать ему в признании и уважении, ибо каждому было известно, что за титаническим трудом этого человека всегда стояло страстное желание сделать человечество совершеннее и счастливее».

я очень напоминаю клячу, которая вынуждена тянуть слишком тяжелый воз, – она сдалась и покорно ждет, что ее высекут.

Я был весьма огорчен, когда мои попытки получить для вас место оказались безрезультатными, особенно после того, как меня заверяли в обратном. Но так уж тут часто бывает. Обычно не рекомендуют задерживаться в Нью-Йорке, где всего не хватает, тогда как в глубине страны возможностей для устройства больше. С другой стороны, Нью-Йорк позволяет вам познакомиться с людьми, которые могут указать вам места возможного приложения ваших сил. Все так неопределенно и зависит от случая.

Болезнь моей жены причинила нам много хлопот. Теперь она несколько лучше, но все лето ей пришлось провести в постели.

Я рад, что вы уже получили свой «первый документ». Теперь это вас немножко поддержит. Было бы так хорошо, если бы вы со временем устроились здесь и смогли вызволить своих родителей из немецкого дурдома. Какое счастье, что хотя бы вы здесь!

Сердечно приветствую вас,

ваш

А. Эйнштейн.

Это письмо, полное отеческой заботы, показывает, насколько практичным был ум профессора Эйнштейна, отлично знакомого с реальностью и ее проблемами. Наконец 12 ноября 1936 года я получил телеграмму из Принстона:

ЖДЕМ ВАС СЕГОДНЯ МЕЖДУ ЧЕТЫРЬМЯ И ПЯТЬЮ ЧАСАМИ.  
ПРИВЕТСТВУЕМ АЛЬБЕРТ И ЭЛЬЗА ЭЙНШТЕЙН

Это была радостная и — если говорить о госпоже Эйнштейн — омытая слезами встреча. Госпожа Эльза была очень больна, то был последний раз, когда я видел ее в живых<sup>69</sup>. Помню, я принес с собой скрипку и играл в сопровождении Валерия Баргмана, молодого ассистента профессора Эйнштейна и, как оказалось, бывшего ученика моего отца.

Мне требовалась помощь в поисках работы, чтобы надежно устроиться и выписать из Берлина своих родителей. Профессор Эйнштейн никогда не бывал слишком занят, чтобы помочь, посоветовать, написать необходимые письма и рекомендации. Он гордился тем, что я быстро

<sup>69</sup> Эльза Эйнштейн умерла 20 декабря 1936 г.

нашел место, и семь месяцев спустя мои родители приехали в Нью-Йорк по моей собственной гарантии. Он оказал им столь же теплый прием, как и мне, поддерживал и ободрял. Помню, он обещал прийти на наш первый концерт в Филадельфии. Было условлено, что я заеду за ним в машине по пути из Нью-Йорка. Когда я прибыл на Мерсер-стрит, 112, в полном концертном облачении, я нашел профессора в его уютной домашней одежде — в джемпере и мокасинах, без сорочки и без носков. Когда я вопросительно посмотрел на него, он заявил, блаженно улыбаясь: «Ich bin fertig!» [«Я готов!»]. Мисс Дюкас в шутовском отчаянии всплеснула руками: «Aber Herr Professor, Sie müssen sich etwas umziehen!» [«Но, господин профессор, вам еще нужно немножко приодеться!»]. Покорно он поднялся наверх и вернулся в вечернем костюме с отложным воротником. После концерта мы снялись у камина в музыкальном колледже в Филадельфии, и он вручил мне фотокарточку с рифмованным двустихием следующего содержания:

Hier sitz ich und streck meine Fusse raus,  
Und doch sieht man deutlich, es war nicht zu Haus.

A. Einstein 1942

[Хоть я сижу здесь, вытянув ноги, / видит всякий,  
что это не дома.]

Ясно, что этот шутовский комментарий касался его парадного костюма.

В 1941 году я подал заявление на работу в колледж Квинз в Нью-Йорке, и профессор Эйнштейн охотно написал для меня два рекомендательных письма: одно — президенту колледжа, а другое — заведующему музыкальным отделением, мне же выслал две сделанные под копирку копии. В обоих письмах Эйнштейн вспоминал наши бывшие счастливые совместные музицирования. Я хотел бы добавить, что я получил место в колледже и проработал там тридцать пять лет, честно оправдав тем самым доверие профессора.

В 40-е и 50-е годы я навещал Эйнштейна в Принстоне примерно раз в году и всякий раз приносил с собою скрипку. В последние годы своей жизни он, однако, играть на скрипке уже не мог — не позволяло здоро-

вье<sup>70</sup>. Помню, как я послал ему записанные мной на фонографе шесть сонат Баха для скрипки и клавесина и как он был рад подарку. Мы иногда переписывались: теперь настал мой черед исполнять его просьбы и помогать новым иммигрантам, об устройстве которых Эйнштейн заботился.

Два эйнштейновских письма особенно дороги мне: это написанные им от руки соболезнования по поводу смерти моих родителей, мамы в 1943 и отца — в 1945 году. Он выражал печаль и сочувствие, выбирая слова так безыскусно простые и одновременно столь глубоко прочувствованные, что их смысл проникал сквозь твою скорбь и касался общефилософских категорий жизни и смерти. Он писал, как и говорил, с предельной прямоотой и ясностью, изящными и отточенными фразами, каждая запятая, каждая точка на своем месте, и при этом ни грама педантизма. Эти письма слишком личные, чтобы оглашать их, за исключением одного абзаца, касающегося внезапной смерти (мой отец погиб при несчастном случае). Вот эти слова Эйнштейна:

Aber es bleibt Ihr Trost, dass ein plötzlicher Abschied von dieser besten aller Welten dasjenige ist, was man einer geliebten Person in erster Linie wünschen muss, dass es nicht wie in Haydns Abschiedssymphonie, wo ein Instrument des Orchesters nach dem andern sich verflüchtigt. So wird das Bild, das wir alle von diesem lebenswerten Manne haben, ungetrübt durch die Erinnerung weiterleben. Er war ein ächter Künstler, auf den Sie mit Recht stolz sein dürfen und es bleibt ihnen auch der frohe Gedanke, dass Sie ihm alles waren, was ein Sohn seinem Vater nur sein kann...

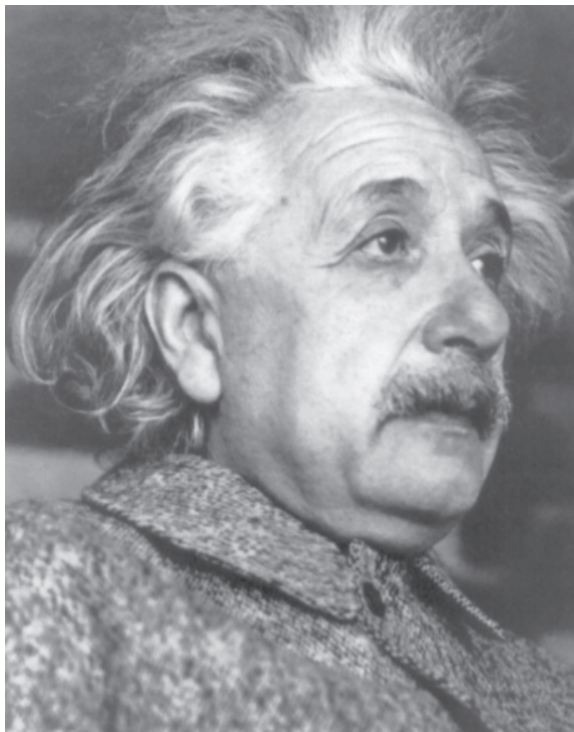
[Но перед лицом внезапного прощания с этим лучшим из миров ты утешаешься тем, что именно этого следует желать своим любимым превыше всего, чтобы не случилось так, как в Прощальной симфонии Гайдна, где инструменты оркестра исчезают один за другим. Тогда образ, который мы сохраняем о любимом человеке, останется не искаженным памятью о медленном угасании, он будет по-прежнему жить как самое пре-

---

<sup>70</sup> Эйнштейну, как кажется, не хотелось признаваться в немоци, тем более в беседе с дамой, а потому он выдвинул такой аргумент: «Я больше не играю на скрипке. С годами мне становилось все более и более невыносимо слушать собственную игру», — сказал он бельгийской королеве Елизавете 6 января 1951 г. [Calaprice, 2000. P. 156.]

красное воспоминание. Он был истинным артистом, и вы можете гордиться им и лелеять мысль о том, что были для него всем, чем только может быть сын для своего отца.]

Таким я помню Альберта Эйнштейна, которого я видел месяцев за шесть до его последней болезни и смерти — «не искаженным памятью о медленном угасании» — на солнечной лужайке в Принстоне, позирующим для снимка с моей женой и маленьким сыном.



Владимир Хазан

## Альберт Эйнштейн и Осип Дымов

Известный русский (а впоследствии, после переезда в 1913 году в США и почти полного перехода на идиш,— еврейский) прозаик и драматург Иосиф Исидорович Перельман, известный под псевдонимом Осип Дымов (4 (17) февраля 1878, Белосток — 2 февраля 1959, Нью-Йорк), оставил об А. Эйнштейне мемуарный очерк, который был напечатан в варшавской идишской газете «Haint» («Сегодня»; 15.03.1929, с. 7, 9).

Публикация очерка была приурочена к юбилею ученого, которому 13 марта 1929 года исполнилось 50 лет. Известно, что не переносивший парадно-торжественных речей Эйнштейн за два дня до этого покинул Берлин — факт, ставший достоянием мировой печати: «Только его жена и дочь проведут с ним этот день без шумихи»,— писала в самый день рождения газета «New York Times» (позволю себе так перевести английское quietly). Дымов, один из тех, кто знал Эйнштейна лично и составлял круг его безусловных почитателей, приветствовал 50-летие всемирно известного ученого юбилейным панегириком в идишской газете (кстати сказать, значительная часть этого номера посвящена данному событию), в котором энергично педалировано еврейское происхождение физика.

В очерке Дымова читатель не найдет каких-то новых фактов, связанных с биографией создателя теории относительности. Берлинский дом в

Баварском квартале, на Габерландштрассе, № 5, в котором Эйнштейн снимал со своей семьей — женой Эльзой и ее дочерьми Ильзой и Марго, девять комнат, а также родившийся в России хозяин этого дома упоминаются в многочисленных источниках (Дымов, правда, дает неожиданное описание привратника Отто — «жесткий, суровый немец, с оловянными глазами и прочными “идеями” давних, ныне уже исчезнувших времен», который в других мемуарных свидетельствах выглядит, как правило, мягче и человечнее). Однако сам по себе этот «мемуар», безусловно, обогащает наше представление о разнообразных связях Эйнштейна с еврейством. Небезразлична, между прочим, к биографиям обоих, автора и его героя, упоминаемая Дымовым деталь о знакомстве с Эйнштейном в его первый приезд в Америку в апреле — мае 1921 года. Не исключено, что они встречались и в дальнейшем, когда Эйнштейн эмигрировал в США. В подготавливаемых мной к печати воспоминаниях Дымова «Минувшее проходит предо мною» мемуарист мимоходом упоминает обращенную к нему фразу Эйнштейна (трудно сказать, к какой в точности эпохе она относится):

— Вы родной брат Перельмана? — с чувством полного почтения спросил меня проф. Эйнштейн уже здесь, в Нью-Йорке.

Яков Исидорович Перельман (1882 — 1942), родной брат Дымова, известный популяризатор математических и естественных наук, погибший в блокадном Ленинграде, был еще одной ниточкой, связавшей великого физика XX века и автора публикуемого ниже очерка.

### *Осип Дымов*

Профессор Альберт Эйнштейн<sup>71</sup>  
(Личные впечатления)

Сегодня профессору А. Эйнштейну исполняется 50 лет. Имя его известно всему миру. Гением этого человека гордится все человечество. Как сфера его идей, головокружительные высоты его мыслей трудны для понимания даже для людей незаурядных, так и при общении с ним чувствуется величие духа его личности. Мы, евреи, должны

<sup>71</sup> Публикуется на русском языке впервые. Перевод с идиша М. Лемстера.



в особенности гордиться одним из самых ярких представителей нашего народа.

Однако нам крайне мало известно о личной жизни Эйнштейна. Как он живет? Как работает? Как творит? Какой он вообще человек?

Мне выпала огромная честь несколько раз встретиться с этим великим человеком в частной обстановке, и я полагаю, что мои личные впечатления могут быть интересны читателю.

\* \* \*

Профессор Эйнштейн живет в Берлине, в доме русского еврея г-на Ст-ина. Я был знаком с г-ном Ст-ном, когда он еще учился в Петербурге. Ныне, разбогатев, он весьма горд, что в его доме живет великий ученый.

– Это уже сейчас является исторической ценностью, – говорит он, показывая на стол, за которым работает Эйнштейн, на мебель, которой пользуется ученый. – Придет время, и все это превратится в святые реликвии, – пророчествует хозяин.

Эйнштейн живет в четвертом этаже, над хозяйскими комнатами. И поскольку великому ученому необходимо такое место, где царил бы абсолютный покой, хозяин дома выстроил для него специальную комнату с металлической дверью. Входить туда строго запрещено. Алчными глазами смотрят на эту дверь газетчики-репортеры. По правде говоря, Эйнштейн не особенно дружелюбен по отношению к ним. Мне кажется, что они единственные люди на земле, к кому этот великий человек строг и мало расположен. Он не желает их видеть и говорить с ними.

– Я могу сам за себя сказать, – говорит Эйнштейн.

Но его жена (это его вторая жена) иногда становится их «защитницей» и приводит репортера в дом.

– Ему тоже кушать нужно, – замечает она, – побеседуй с ним, Альберт!

И Альберт беседует: у него действительно доброе, щедрое сердце. Хоть и газетный репортер, но у него ведь тоже есть мама... Эйнштейн пытается объяснить гостю свою теорию относительности, а несчастный журналист силится это понять!..

Вспоминаю, как профессор Эйнштейн вместе с доктором Х. Вейцманом и М. Усышкиным впервые приехал в Америку. Я встретил высоких гостей прямо в море, на катере.

– Скажите, я прошу вас, – спросил я Вейцмана, – это останется между нами: вы понимаете теорию Эйнштейна?

Доктор Вейцман ответил с улыбкой:

– Мы неделю плавали вместе на корабле, и каждый день Эйнштейн читал мне лекции о своей теории. В конце концов я таки понял, что он ее понимает...<sup>72</sup>

Будучи как-то один на один с Эйнштейном, я рассказал ему об этом ответе Вейцмана. Нужно было видеть, как искренно рассмеялся Эйнштейн, автор теории, которая, по его словам, более правдоподобна, чем теория Ньютона. (Я присутствовал при этих его словах, сказанных американским репортером.)

Главное впечатление, которое остается после встреч и бесед с Эйнштейном – это его простота. Настоящая, большая, благородная простота, так редко встречающаяся у людей, и в особенности у заслуживших всемирную славу. Эйнштейн настолько демократичен в личной жизни, что зачастую можно просто онеметь от удивления.

Полгода назад он был очень болен, страдал болезнью сердца. Тогда хотели умолчать о его недомогании. Ближайшие друзья очень хорошо знали о серьезности его положения и что он сам в этом виноват. Приехав как-то в Давос (Швейцария), он на станции не позволил носильщику нести чемоданы, так как, по его мнению, это не демократично, негуманно. Сам пошел вверх, в гору, в гостиницу, таща тяжелый чемодан. Его слабое сердце не выдержало такого напряжения, и Эйнштейн был вынужден пролежать в постели три месяца<sup>73</sup>. Сейчас он уже хорошо отдохнул – но кто знает? – если он вновь попадет в такое положение, то, наверное, поступит точно так же.

Швейцар дома, в котором живет Эйнштейн, такую демократию понимать не желает. Этот швейцар – жесткий, суровый немец, с оловянными глазами и прочными «идеями» давних, ныне уже исчезнувших времен. Швейцар видит, как подъезжает дорогой автомобиль, в котором сидит профессор Эйнштейн и еще кто-то. Автомобиль, разумеется, принадлежит этому самому «кому-то», а не великому ученому. Эйнштейн выходит из машины, жмет руку этому «кому-то», благодарит за то, что его подвезли домой, и затем жмет руку шоферу. Данного жеста бравый немец времен Вильгельма пережить не может. Он

<sup>72</sup> Эту историю со слов Аббы Эвена пересказывает и А. Пайс, но имени Дымова не называет. [Pais, 1994. P. 154.]

<sup>73</sup> Ср. данные биографа: «1928, февраль или март: упадок сил в результате физического перенапряжения. У Эйнштейна обнаружено расширение сердца. В течение четырех месяцев он на постельном режиме и бессолевой диете. Он полностью выздоравливает, но испытывает слабость в течение еще одного года». [Пайс, 1989. С. 540.]

таращит свои оловянные глаза и качает коротко остриженной головой. Назавтра швейцар останавливает хозяина дома и говорит ему:

– Извините меня, но я полагаю, что профессор еще отнюдь не профессор. Я не знаю, кто он, но в его теорию я не верю. Это натуральное мошенничество...

Бравый швейцар не только не верит в теорию относительности, но он также невысокого мнения о девушке-прислуге Эйнштейна. Он не хочет давать ей подниматься в лифте. Служанка Эйнштейна не больна и вполне может пешком подняться по ступенькам, считает швейцар.

Профессор Эйнштейн пришел к хозяину дома с «практическим» предложением:

– Я понимаю, что для швейцара нелегко каждый раз поднимать вверх лифт и тащить в нем мою служанку. Мы поступим следующим образом: моя служанка пусть пользуется лифтом, ведь ей приходится несколько раз на день бегать за покупками. Я же могу и пешком подняться, чтобы не утруждать швейцара.

Несмотря на то что швейцар не верит в теорию Эйнштейна, великий ученый работает над новой проблемой.

Кто-то спросил у него:

– То, над чем вы сейчас работаете, – это практическая вещь?

– Да, – спокойно ответил Эйнштейн, – это касается планеты Юпитер. Конечно же, это практическая вещь: ведь раньше объектом моего исследования была бесконечность, а сейчас только планета. Действительно, это ближе к земле.

Очень интересно описывать, как великий открыватель теории относительности работает и как выглядит его рабочий кабинет.

Вы, конечно же, думаете, что на его столе полно бумаг, книг с математическими формулами и чертежами. А как же иначе? Но это, в самом деле, иначе. Чистый, пустой стол. Ни одной книги, ни одной тетрадки. Только – под рукой – маленький кусочек бумаги. Эйнштейн не пишет, он – думает. Он так углублен в раздумья, что не слышит и не видит, что творится вокруг. Как будто пребывает в состоянии транса. Он витает где-то далеко, смотрит сон с открытыми глазами. Его курительная трубка давно погасла, но он и этого не замечает. Входит жена – и «будит» его. Ученый приходит в себя и записывает на клочке бумаги числа, и ничего более. Работа завершена, и мир, силой его гения, перевернут, стоит теперь головой вверх – так, как создал его любимый Бог, а он, великий человек, это подсмотрел.

Зоя Копельман

## Письмо Л.О. Пастернака А. Эйнштейну<sup>74</sup>

В читальном зале математической библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме, в кампусе Гиват Рам, висит портрет Альберта Эйнштейна кисти Леонида Осиповича Пастернака (1862 — 1945). Как известно, открыто это учебное заведение было 1 апреля 1925 года, и живописный портрет «самого великого еврейского ученого нашего времени» [Rosenkranz, 1997. P. 388] был приобретен организационным комитетом накануне национального торжества.

Иконография Эйнштейна к началу 1925 года насчитывала несколько живописных и скульптурных портретов. Тем не менее предпочтение было оказано именно работе Пастернака. Леонид Осипович Пастернак в то время был известен в сионистских кругах именно как еврейский художник. Тому способствовал изданный в 1924 году в Берлине первый на иврите альбом-монография с 144 репродукциями живописных и графических работ Пастернака и двумя пространными очерками о нем. Автором одного из них был Хаим Нахман Бялик (1873 — 1934), ивритский поэт первой величины, вовлекший, как он сам считал, русского академика Ле-

---

<sup>74</sup> Русская эмиграция: литература, история, кинолетопись. Материалы международной конференции. Таллинн, 12 — 14 сентября 2002. Иерусалим — М., Гешарим, 2004. С. 296 — 301. (Перепечатывается с сокращениями.)

онида Пастернака в кругу национально мыслящей еврейской интеллигенции (см.: [Копельман, 1999. С. 234 — 272]). Альбом воспроизводит, в частности, целую галерею портретов еврейских писателей, деятелей культуры и сионистского движения, созданных в Москве и Германии. Таким образом, выбор мастера, писавшего Эйнштейна, в большой степени определялся близостью Л.О. Пастернака к кругам сионистов в Берлине, что, конечно же, нисколько не умаляет художественных достоинств портрета.

Портрет неожиданно расцвечен красным, что не типично для изображений Эйнштейна, но характерно для пастернаковских живописных портретов 20-х годов, отмеченных оптимизмом и витальностью (см.: [Пастернак, 1923]). Полотно поражает непосредственностью схваченного выражения: у Эйнштейна живое лицо доброжелательного и заинтересованного слушателя. Как оказалось, это не случайно. Вот что известно об отношении ученого к позированию, в частности на сеансах у Пастернака:

Эйнштейн рассказывал мне, что для него создание картины, включая и его собственные портреты, было всегда и неизменно захватывающим, ибо его изумляло обилие самостоятельных этапов творческого процесса. <...> Вдобавок Эйнштейн любил атмосферу художественных мастерских, где, благодаря нетривиальному зрению художников и их неутолимой страсти к исследованию, он чувствовал себя партнером таких выдающихся интеллектуалов, как Либерман, Орлик или Мопп (Макс Оппенхеймер). Это естественно приводило к возникновению человеческой близости. <...> Его знакомства и последующая дружба с художниками, встретившимися Эйнштейну в Берлине, начались с живописца, которого я не имел чести лично знать: это Леонид Пастернак. <...> Пастернак неоднократно делал с него наброски, а также писал. Во время их сеансов этот впечатлительный и высокоинтеллигентный художник наверняка снискал его уважение, поверяя Эйнштейну секреты искусства портретирования. С тех пор, так он мне рассказывал, портреты стали для него отдельной темой изобразительного искусства, которая вызывала его на разговор. И это я испытал на себе [Grüning, 1990. S. 238 — 239] (*здесь и далее перевод мой*).

В Архиве Альберта Эйнштейна в Национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме сохранилось адресованное ему письмо Леонида Осиповича Пастернака, публикуемое здесь с любезного разрешения Архива. Письмо (ед. хр. 34 - 184) относится, по всей видимости, ко времени планирования персональной выставки Л.О. Пастернака и составления альбома-каталога к ней, куда портрет Эйнштейна войти не успел. Не о ней ли сообщал Борис Леонидович в письме от 21 октября 1926 года к О.М. Фрейденберг: «Папина выставка в Берлине протекает блестяще и встречает баснословный прием» [Переписка Пастернака, 1990. С. 107]?

О знакомстве Пастернаков с Эйнштейном рассказала и дочь Леонида Осиповича Лидия Пастернак-Слейтер (1902 — 1989), которая, однако, сама Эйнштейна ни разу не встречала:

Самой собой разумеется, что мои родители и Эйнштейны состояли в дружеских отношениях. Свидетельством тому служат портреты Эйнштейна, сделанные моим отцом, лучшие из которых остались в нашей семье. Совершенно замечательный портрет Эйнштейна находится в Еврейском университете в Иерусалиме. <...> Впервые мои родители и Эйнштейны познакомились в советском посольстве в Берлине. Посольство было тогда важным общественным местом в сердце немецкой столицы. Оно располагалось прямо на улице Унтер-ден-Линден. Это было небольшое, но заметное здание. Туда ходили послушать концерт, лекцию, посмотреть короткий театральный спектакль или принять участие в непринужденном общении. <...> Однажды в этом посольстве моя мама играла на пианино, и кто-то спросил ее, не могла ли бы она сопровождать Эйнштейна. Однако Эйнштейн воспротивился. Он сказал: «Я не рискну выступать после такой искусницы!» Все же мама его уговорила. И он действительно играл, а она аккомпанировала ему. А отец это зарисовал. И так возник лист, где нарисован играющий на скрипке Эйнштейн.

После этого первого знакомства мои родители и Эйнштейны поддерживали связь. В 1924 году на улице Байеройтер был сделан первый большой портрет Эйнштейна. В конце двадцатых — начале тридцатых годов были созданы другие работы. <...> Без со-

мнения, между Эйнштейнами и нашими родителями существовали постоянные, хоть и не прочные отношения, которые были прерваны в связи с их отъездом в эмиграцию [Grüning, 1990. S. 489]<sup>75</sup>.

Ценность публикуемого ниже в переводе документа и в том, что в нем упоминаются домашние концерты с участием ученого. Общеизвестно, что Эйнштейн играл на скрипке, но замечаний о качестве его игры немного. Иначе обстоит дело с представлением о музыкальном профессионализме и одаренности жены Леонида Осиповича, Розалии Исидоровны Пастернак (1867 — 1939), которая до замужества была профессором Одесского отделения Императорского русского музыкального общества. О ее публичных выступлениях неоднократно писал хвалебные отзывы виднейший музыкальный критик России начала XX века Юлий Энгель<sup>76</sup>. Самый факт совместного музицирования Альберта Эйнштейна и Розалии Пастернак свидетельствует о высоком мастерстве скрипача-любителя.

За текстом письма проступают те же сердечная теплота и озабоченная преданность профессии, что чарующе обнажают себя в эпистолярном наследии Леонида Осиповича в целом. Те же черты, как видим из цитированных выше воспоминаний, пленили и Эйнштейна. Однако этот именно документ показывает, что круг общения российских евреев-эмигрантов в Берлине не замыкался русскоязычной средой. Как кажется, еврейские национальные симпатии и общность универсального культурного мироощущения сближали людей даже биографически далеких. В случае Альберта Эйнштейна и Леонида Пастернака именно национальный сантимерт и любовь к музыке способствовали возникновению более интимных отноше-

<sup>75</sup> Грюнинг репродуцирует не только портрет маслом, о котором идет речь, но и два сделанных Пастернаком карандашных наброска — Эйнштейн играет на скрипке и портрет, несомненно выполненные тогда же, когда было написано публикуемое ниже письмо художника.

<sup>76</sup> Упомяну лишь один наудачу выбранный эпизод: «Концерт Р.И. Пастернак и А. Могилевского [скрипка] состоялся 3 ноября 1908 года в Малом зале Благородного собрания (теперь Октябрьский зал Дома союзов) и прошел с большим успехом. Играли сонаты G-dur Бетховена, с-moll Винклера (впервые) и A-dur Цезаря Франка. Через день в *Русских ведомостях* появилась написанная Энгелем рецензия с констатацией успеха и значения этого сонатного вечера и тонким критическим разбором его деталей...» [Пастернак, 1989. С. 107]. См. также: Зальцберг, 1998. С. 318 — 325; Zaltsberg, 1998. P. 29 — 36.

ний между художником и его моделью (чего не произошло, например, при попытке Пастернака писать Германа Когена)<sup>77</sup>.

Немецкому языку Леонида Осиповича, как, впрочем, и его русскому, присуща некоторая причудливость стиля и эмоциональная «взвихренность» синтаксиса, что хотелось бы сохранить и в переводе:

\* \* \*

Глубокоуважаемый, любимейший господин профессор!

У меня не хватает слов благодарности за Вашу чрезвычайную доброту и готовность к самопожертвованию, и я прошу Вас отнестись благосклонно к моим нижеследующим строкам, поскольку они искренни, без тени лукавства, обиды или прочего чувства.

Итак, первое: для того, чтобы сеанс прошел успешно, я должен – как я уже говорил – знать по меньшей мере за день, чтобы сделать приготовления, то есть полностью грунтовку, тогда я по свежему на сеансе все смогу немедленно начать. Сегодня у меня осталось мало времени и никак невозможно.

Во-вторых, я тут все еще переживаю грустные дни – смотрите, поскольку это <сеанс> не получится перед выставкой и поскольку торговец картинами требует для каталога перечень реальных вещей – я должен вычеркнуть этот портрет из каталога и отложить его до другого раза.

Третье и главное – я по собственному примеру знаю, как я бываю занят и как невозможно, когда человек так занят, выделить свободный час – поэтому не буду в отношении Вас поступать противно своему жизненному принципу: «Не делай ближнему того, что ты не хочешь, чтобы делали тебе»<sup>78</sup>.

И наконец – поскольку я не хочу пропускать музыку и причинять ей ущерб и Вас, мой дражайший и любимейший господин профессор, не хочу отпугивать, ибо Вы уже давно слышав мое имя бе-

---

<sup>77</sup> Интерес к Г. Когену оказался, как известно, в фокусе внимания обоих Пастернаков — отца и сына, см., в частности, письма Бориса Леонидовича отцу из Марбурга [Пастернак, 1992. С. 46 — 47, 54].

<sup>78</sup> Знаменитая максима еврейского мудреца I в. до н. э. рабби Гиллеля. Предание гласит, что некий иноверец пришел к р. Гиллелю и попросил обучить его Торе, пока он сможет простоять на одной ноге. Мудрец ответил: «То, что ненавистно тебе, не делай ближнему своему. Это все Учение, остальное — толкования. Иди и учись!» [Талмуд, Шаббат, 31а].



жать хотели. И в будущем Вас, музицирующего у нас или у Вас, слышать хочу – всё вместе.

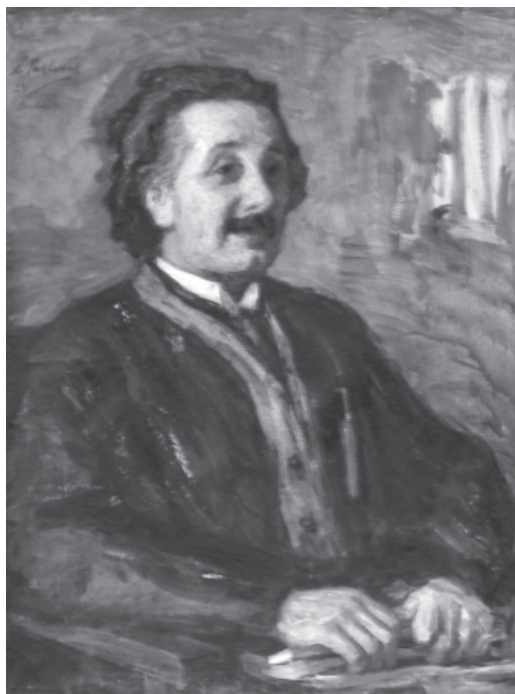
Раз уж я начал говорить по-немецки – я вынужден Вас искреннейше просить о дополнительном свободном времени – этот сеанс отсрочить, я тут хочу сделать с Вас что-то новое! Не думайте обо мне дурно и не считайте, что я так несносен и назойлив – потому что я не переносу ничего, ничего омрачающего, никакой озлобленности или обиды – только свободное безоблачное общение.

Еще раз моя сердечная благодарность доброй и уважаемой госпоже профессорше и Вам, и позвольте нам верить и надеяться, что в дни праздников, когда Вы и мы будем посвободнее, – столь блестяще начатое музицирование будет повторено!

Вас любящий, Вам преданнейший и высочайше Вас ценящий

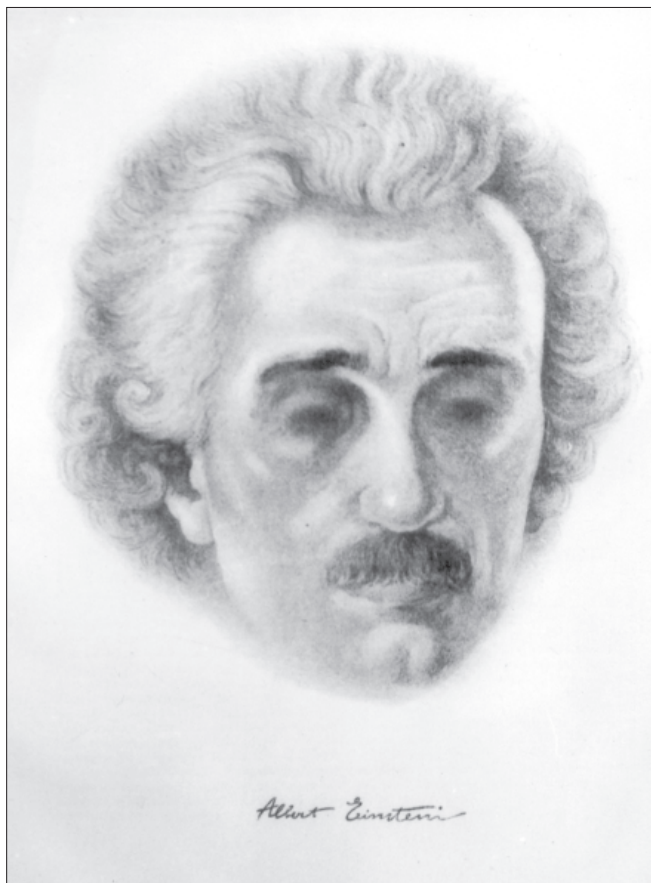
Л. Пастернак.





Портрет А. Эйнштейна работы художника  
Леонида Пастернака. Берлин, 1925.

# Вместо послесловия



Портрет А. Эйнштейна работы художника Савелия Сорина. Берлин, 1920-е годы.

Роман Якобсон

## Эйнштейн и наука о языке<sup>\*</sup>

В радиообращении к форуму Британской ассоциации развития науки в сентябре 1941 года, озаглавленном «Обычный язык науки»<sup>1</sup>, Эйнштейн напомнил слушателям, что в наиболее продвинутой стадии развития язык, несмотря на все свои недостатки, «становится орудием мышления в полном смысле слова». Можно добавить, что для самого Эйнштейна язык, от своего рудиментарного состояния и вплоть до высшей степени изощренности, становится любимой темой интенсивных лингвистических размышлений, особенно в американский, наиболее обращенный в прошлое период жизни. Возросшее внимание ученого к этим вопросам и его поразительный дар к пространным размышлениям на разные темы, связанные с этой областью, следует сопоставить с данными биографов о детстве Эйнштейна.

Например, строки, посвященные «маленькому Альберту» в крайне поучительной книге Филиппа Франка, гласят: «В самом деле, он очень поздно научился говорить, и его родители даже начали бояться, что он

---

<sup>\*</sup> R. Jacobson. Einstein and Language. In: G. Holton, Y. Elkana, eds. Albert Einstein: Historical and Cultural Perspectives. The Centennial Symposium in Jerusalem in March 1979. Princeton University Press, Princeton and Oxford. 1982. P. 139 — 150. Перевод Я. Синичкина.

<sup>1</sup> Published in *Advancement of Science* 2, no. 5 [1941], p. 109 — 110. Здесь и далее примечания автора статьи.

ненормален. В конце концов ребенок начал говорить, но всегда был очень молчалив...» Даже и в девятилетнем возрасте, в последнем классе начальной школы, «его речь все еще не была беглой, и все свои мысли он выражал лишь после длительного обдумывания и рассмотрения»<sup>2</sup>.

Многие биографы упоминали о неспособности либо нежелании Эйнштейна говорить до трехлетнего возраста и о преследовавших его всю жизнь трудностях с изучением и освоением иностранных языков. Кроме того, Джеральд Холтон первым опубликовал письменное заявление сестры Эйнштейна, Майи, о том, что в детстве физик овладевал даром речи «очень медленно, и устная речь давалась ему с таким трудом, что все вокруг боялись, что он никогда не научится разговаривать»<sup>3</sup>.

Известный математик Жак Адамар — в то время декан научного факультета в *Ecole Libre des Hautes Etudes*, созданной французскими эмигрантами в Нью-Йорке, и лектор в нескольких американских университетах — обратился к изучению творческого процесса в математических открытиях. Это исследование было начато им еще в Париже и продолжено в 1943 — 1944 годах параллельно с обширным курсом лекций на эту тему, который Адамар вел в *Ecole Libre*. Его систематическая работа в этой области завершилась книгой, опубликованной в 1945 году. Адамар неоднократно обсуждал со мной проблемы, связывающие этот захватывающий проект с наукой о вербальных и других знаках. По его предложению я набросал, а он включил в свое исследование краткий обзор моих тогдашних взглядов на лингвистические аспекты загадки бессловесного мышления:

Знаки — это необходимая поддержка для мысли. Для социализованной мысли (стадия коммуникации) и для мысли, подвергающейся процессу социализации (стадия формулировки), самой обычной системой знаков является язык в строгом смысле этого слова; однако внутренняя мысль, особенно творческая, охотно использует другие системы знаков, более гибкие, менее стандартизированные,

<sup>2</sup> P. Frank, *Einstein: His Life and Times*, trans. George Rosen, ed. and rev. Shuichi Kusaka, New York, Alfred A. Knopf, 1947, p. 8, 10.

<sup>3</sup> G. Holton, *Thematic Origins of Scientific Thought: Kepler to Einstein*, Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1973, p. 367.

чем язык, и оставляющие больше свободы, больше динамизма для творческой мысли. ... Среди всех этих знаков или символов следует различать стандартные знаки, заимствованные из общественных конвенций, и, с другой стороны, персональные знаки, которые, в свою очередь, могут быть разделены на постоянные, относящиеся к общим привычкам и индивидуальным моделям поведения данного человека, и эпизодические знаки, устанавливаемые *ad hoc* [для данного случая] и участвующие лишь в единственном творческом акте<sup>4</sup>.

Как раз в тот момент, когда он собирался послать свою книгу в печать, Адамар получил, как он пишет в примечании, «письмо от профессора Эйнштейна... содержащее информацию первостепенного значения». Это запоздавшее «Свидетельство» вошло в книгу Адамара как второе приложение. Мы оба подвергли «обстоятельные и подробные» ответы, содержащиеся в послании Эйнштейна, тщательному рассмотрению и сопоставили его интроспекцию с упомянутым выше лингвистическим обзором. Внутренний и почти бессловесный характер творческого процесса Эйнштейна описывается в его ответах на вопросы о том, какого рода знаки появляются в его сознании, поглощенном процессом научного открытия: «Слова языка, написанные или произнесенные, по-видимому, не играют никакой роли в моем механизме мышления».

Психолог Макс Вертхаймер описывает, как он часами сидел наедине с Эйнштейном, когда тот раскрывал ему «историю драматического процесса, кульминацией которого стало создание теории относительности». Эйнштейн признал тогда (десятилетиями раньше своего письма Адамару!), что его мысли на эту тему не возникали в какой-либо вербальной форме: «Я вообще очень редко думаю словами. Мысль приходит, а потом я уже могу попытаться выразить ее в словах». Уверенность определенных людей, что «их мышление происходит всегда в словах», вызывала у него смех<sup>5</sup>. Очевидно, развитие мысли у Эйнштейна предшествовало оформлению языка.

<sup>4</sup> J. Hadamard, *An Essay on the Psychology of Invention in the Mathematical Field*, Princeton University Press, 1945, p. 96 — 97.

<sup>5</sup> M. Wertheimer, *Productive Thinking*, New York, Harper, 1959, p. 213 — 228.

Как свидетельствовал Эйнштейн в приложенном к книге Адамара письме, «определенные знаки и более или менее ясные образы» (курсив мой — Р.Я.), два вида «психических сущностей, которые, видимо, служат элементами мышления», могут — уже в этот довербальный период — путем намеренного повторения и перегруппировки превратиться в личный набор знакового инструментария. Вопрос об одновременном воспроизведении и перегруппировке показывает, что выделение и перестановка элементов или, другими словами, взаимодополняющие идеи инвариантности и контекстуальной изменчивости, занимали Эйнштейна именно по отношению к доязыковой, индивидуально-семиотической стадии. Для него, как он пишет в своем «Свидетельстве», было очевидно, что «именно желание наконец-то прийти к логически связным понятиям являлось эмоциональной основой этой довольно-таки туманной игры с вышеназванными элементами».

За эйнштейновской концепцией творческой мысли как игры в отбор, утверждение и комбинирование стоят три субъективных фактора — желание, эмоции и «чистая интуиция». Его повторяющиеся ссылки на «эту довольно-таки туманную игру» связаны с его *profession de foi* [изложение своих убеждений] в конце того же свидетельства: «То, что вы называете полным сознанием, — это предельный случай, которого никогда невозможно достигнуть полностью».

Для ментальности Эйнштейна и его острой памяти о затяжной борьбе ребенка с неповинуящимся языком весьма симптоматично, что в его ответах на каверзные вопросы Адамара и Вертхаймера как настойчивый поиск «конвенциональных слов», так и их воздействие на первоначальную «ассоциативную игру» откладываются — по нежеланию либо по неспособности — и переносятся на «следующую», очевидно более позднюю, стадию — на «вторичную» фазу, направленную на создание «достаточно устойчивой» системы стандартизованных слов и постоянных конструкций, то есть слов и конструкций, способных по желанию быть повторенными, а главное — «переданными другим». Заявление Эйнштейна, что «на той стадии, когда слова вообще начинают вмешиваться, они», в его случае, пассивны — то есть «в чистом виде поверяются на слух», — полностью соответствует стадии, когда ребенок способен к верному восприятию окружающей его речи, тогда как построение его собственных высказываний все еще несовершенно.



Подобное свидетельство содержится и в «Беседах с Альбертом Эйнштейном», записанных физиком Р.С. Шэнклендом: «Когда я читаю, я слышу слова. Письмо дается трудно, и в такой форме я общаюсь очень плохо»<sup>6</sup>. Примечательно, что в случае Эйнштейна, как показано Адамаром, первичные элементы обычной мысли, «до вмешательства слов», скорее всего, принадлежат к визуальному, а также к мускульному, жестикуляционному типу.

В «Автобиографических заметках» Эйнштейн проводит четкую демаркационную линию между персональным мышлением и межличностным общением<sup>7</sup>. В последнем процессе, с помощью вербализации и правил синтаксиса, системы понятий становятся «коммуникабельными», тогда как сам процесс мышления создает то, что Эйнштейн называет «свободной игрой с понятиями», которая в большинстве случаев может развиваться даже без применения сенсорно осознаваемых и воспроизводимых знаков и, кроме того, может развиваться «в значительной степени бессознательно». Как Эйнштейн утверждал десятилетием раньше, все, что необходимо, — это установить набор правил, сравнимых с произвольными правилами игры, жесткое соблюдение которых делает игру возможной, в то время как «фиксация этих правил никогда не будет окончательной»<sup>8</sup>.

В книгах Эйнштейна существуют два совершенно разных подхода к соотношению между «понятиями, которые возникают в нашем уме, и теми, которые присутствуют в нашем лингвистическом выражении». С одной стороны, в своих «Заметках о теории познания Бертрانا Рассела» он настаивает на невозможности получения как концептуальных, так и вербальных «свободных творений мысли» из чувственного опыта: «мы не осознаем, какая пропасть — логически непреодолимая — разделяет мир чувственного восприятия и мир понятий и утверждений»<sup>9</sup>, — короче говоря, непосредственную эмпирику и теорию науки. С другой стороны, Эйн-

<sup>6</sup> In *American Journal of Physics* 31 [1963], p. 50.

<sup>7</sup> A. Einstein, «Autobiographical Notes», trans. P.A. Schilpp, in Schilpp, ed., *Albert Einstein: Philosopher-Scientist*, Evanston, Ill., Library of Living Philosophers, 1949.

<sup>8</sup> A. Einstein, «Physics and Reality», trans. J. Piccard, *Journal of the Franklin Institute* 221 [1936], p. 349 — 382.

<sup>9</sup> A. Einstein, «Remarks on Bertrand Russell's Theory of Knowledge», trans. P.A. Schilpp, in Schilpp, ed., *The philosophy of Bertrand Russell*, Evanston, Ill., Library of Living Philosophers, 1946, p. 277 — 291, esp. p. 287.

штейн постоянно нападает на язык за то, что он заставляет нас работать со словами, которые, к несчастью, связаны с неадекватными, донаучными понятиями, и за превращение нашего конвенционального инструмента мышления «в опасный источник ошибок и заблуждений». Например, принципиальная эквивалентность двух понятий легко теряется, если для их обозначения употребляются разнородные неадекватные термины.

Что касается главного намерения лично Эйнштейна приписать акту мышления полную независимость от языка, то из его собственного свидетельства очевидно, что эмоциональные переживания не только влияют на направление его творческой мысли в качестве философа-ученого, но и лежат в основе — когда речь идет о таком трагическом опыте, как события Второй мировой войны, — его «страстного желания ясно понять» человечество и наднациональные «общие истины». В такие моменты «слова языка» неожиданно выходят на первый план. В своей процитированной выше радиопередаче 1941 года Эйнштейн заключает: «умственное развитие индивидуума и его способ формирования понятий в высокой степени зависят от языка» и от «словесного наставничества со стороны окружения». Ученый, однако, настаивает, что научные понятия «были установлены лучшими умами всех стран и всех времен» и, *разумеется*, как он не забывает добавить, это делается в *уединении* творческого процесса. Правда, на этот раз он принимает в расчет также «совместные усилия, коль скоро речь идет о конечном результате», общие усилия, которые, «взятые в перспективе длительного времени», могут преодолеть нынешнюю «неразбериху в целях».

\* \* \*

Помимо интимной, можно даже сказать врожденной, погруженности Эйнштейна в фундаментальные вопросы о месте языка в человеческом сознании, следует упомянуть о глубоких духовных узах, связывавших физика с замечательным предтечей современной лингвистики, швейцарским ученым Йостом Винтелером (1846 — 1929). Диссертация Винтелера (1876) демонстрирует методологическое новаторство и проницательность его подхода к звуковой системе языков, когда он вводит фундаментальное различие между ее «случайными свойствами» (вариациями) и «сущностными

свойствами» (инвариантами)<sup>10</sup>. Однако теоретические обоснования ученого натолкнулись на тенденциозное недоверие бюрократов от академии. Поэтому смелый исследователь был обречен оставить свои далеко идущие научные планы в пользу унылой доли школьного учителя, поначалу деятельного, но быстро ушедшего на пенсию.

В 1895 году юный Альберт Эйнштейн, провалив вступительные экзамены в Федеральный институт технологии в Цюрихе, нашел приют в кантональной школе города Аарау, где на год стал учеником, пансионером и младшим товарищем Йоста Винтелера, будущим свекром сестры Альберта, Майи. Многочисленные свидетельства показывают, сколь благотворным оказался этот кратковременный союз. Например, мисс Хелен Дюкас любезно предоставила цитату из краткого мемуара, написанного Майей Винтелер в 1924 г.:

В семье школьного учителя (в Аарау) и исследователя в историко-лингвистической области [Эйнштейна] радушно приняли и с симпатией отнеслись к его поведению, так что он сразу почувствовал себя совсем как дома... Поэтому время, проведенное в Аарау, стало для него во многих отношениях важным и одним из лучших периодов за всю его жизнь.

Юный студент и его старший товарищ несомненно видели политические вопросы в одинаковом свете. Профессор Эльммар Холенштейн из Рурского университета (Bohum) в своей обстоятельной работе «Albert Einsteins Hausvater in Aarau: Der Linguist Jost Winteler»<sup>11</sup> ссылается на неопубликованное письмо Эйнштейна к Винтелеру, написанное в 1901 году, где тот осуждает немецкое «преклонение перед авторитетами» (*Autoritätendusel*) как «наибольший враг истины». Даже за месяц до своей смерти Эйнштейн продолжал превозносить своих учителей в Аарау, «которые не основывались ни на каком внешнем авторитете».

Ежедневные беседы со своим блестящим старшим другом, вероятно, познакомили восприимчивого юношу с основным понятием и термином

<sup>10</sup> Jost Winteler, *Die Kerenzer Mundart des Kantons Glarus, in ihren Grundzugen dargestellt*, Leipzig and Heidelberg, 1876.

<sup>11</sup> In *Schweizer Monatshefte* 59 [March 1979], p. 221 — 233.

диссертации Винтелера — «ситуационной относительностью» [*Relativität der Verhältnisse*]<sup>12</sup> — и с неразрывной связью между понятиями *относительности* и *инвариантности*, которые пронизывают всю теорию Винтелера и которые соперничали между собой в качестве рабочих названий главного открытия Эйнштейна. Особенно интересным среди не опубликованных Холстейном источников является письмо, направленное 10 апреля 1942 года директору Swiss Landesbibliothek и посвященное Йосту Винтелеру, учителю в Аарау. Автором письма был один из сыновей последнего, доктор Йост Фридолин Винтелер, который стремился показать, сколь прочную память оставил его отец у своих учеников и сколь высоко они ценили его ясные, пронизательные суждения:

Именно от него [от отца] я впервые услышал утверждения об относительности, которые затем были математически разработаны Эйнштейном (1905 — 1906), который учился в школе кантона в Аарау, закончил ее и был пансионером в нашем доме.

В соответствии с признанием самого Эйнштейна, «зародыш специальной теории относительности» уже содержался в тех парадоксальных размышлениях [*Gedankenexperiment*], которые впервые вдохновили его в год учебы в школе в Аарау и представлялись ему «интуитивно ясными»<sup>13</sup>.

Эмоциональный стиль Винтелера поражает читателей уже в предисловии к его докторской диссертации:

Моя работа обращена исключительно к тем, кто способен воспринять вербальную форму как такое откровение человеческого разума, которое находится с самим разумом в существенно более тесных и объемлющих отношениях, чем даже лучшие произведения наиболее качественной литературы. Таким образом, адресаты моей работы должны воспринимать исследование скрытых сил, определяющих постоянное движение вербальных форм, как задачу, которая по своей занимательности и значимости может конкурировать с любой другой областью знания<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Winteler, *Die Kerenzer Mundart*, p. 27.

<sup>13</sup> *Autobiographical Notes*, p. 53.

<sup>14</sup> Winteler, *Die Kerenzer Mundart*, p. viii.

Глубокое родство связывает этот отрывок с горячими строками приветственного письма, составленного Эйнштейном в 1918 году в честь Макса Планка:

Высшая задача физика в том, чтобы достичь тех универсальных элементарных законов, из которых простым дедуктивным рассуждением может быть выстроен весь космос. К этим законам нельзя прийти логическим путем; лишь интуиция, основанная на симпатическом понимании опыта, может их постичь<sup>15</sup>.

Ученик школы в Аарау навсегда сохранял возвышенные воспоминания о «провидческом уме» Винтелера. Среди многочисленных драгоценных писем, которыми между 1903 и 1955 годами обменивались верные друзья, Альберт Эйнштейн и Мишель Бессо<sup>16</sup>, можно обнаружить потрясающее послание, отправленное 16 февраля 1936 года из Принстона в Берн, наполненное лихорадочными образами, такими, как «терзающий математический демон», «отчаянное положение дел человечества» и «Die Narren in Deutschland» [«дураки в Германии»]. Это драматическое письмо содержит мимолетное упоминание «пророческого духа профессора Винтелера, который опознал надвигающуюся опасность столь рано и столь точно». Это письмо неожиданно заканчивается словами надежды, что преходящая тирания голой статистической физики будет в конце концов преодолена универсальным спекулятивным разумом.

\* \* \*

Мы рассмотрели идеи Эйнштейна о языке в свете его различных подходов к познанию, с одной стороны, и к коммуникации, с другой. Мы затронули также вопрос о близости юного Эйнштейна к выдающемуся первооткрывателю той эпохи в области лингвистики. Давайте обратимся к вопросу об эйнштейновском влиянии на современные лингвистические теории, или, по крайней мере, к аналогиям между тенденциями в современной физике и лингвистике.

<sup>15</sup> A. Einstein, *Principals of Research*, in Einstein, *Ideas and Opinions* [based on *Mein Weltbild*, ed. Carl Seelig], new trans. and rev. Sonja Bargmann, New York, Crown Publishers, Inc. 1954, p. 224 — 227.

<sup>16</sup> Albert Einstein and Michele Besso, *Correspondance 1903 — 1955*, ed. P. Speziali, Paris, 1972.

Несмотря на разнообразие релятивистских идеологий в различных областях художественной и научной деятельности, общий знаменатель их главных лозунгов, средств и достижений не подлежит сомнению. Я процитирую почти двадцатилетней давности попытку подвести итог международным устремлениям, вдохнувшим жизнь в наше поколение:

Те из нас, кто занимался языком, научились применять принцип относительности в лингвистических операциях; нас постоянно влекло в этом направлении впечатляющее развитие современной физики, а также красочная теория и практика кубизма, где все было «основано на отношении» и взаимодействии между частями и целым, между цветом и формой, между представлением и представляемым. «Я не верю в вещи, — провозгласил Брак. — Я верю только в их отношение»<sup>17</sup>.

Несмотря на несколько различные формы, которые принимает концепция о «фундаментальном родстве» искусства и науки, господство поиска отношений между объектами над рассмотрением самих этих объектов связывает воедино топологическое ядро искусства XX века и эйнштейновскую науку. Какое бы отчуждение ни чувствовал ученый-первооткрыватель при встрече с некоторыми нововведениями в искусстве, невозможно пройти мимо красноречивых свидетельств их солидарности, таких, как манифесты великих современных новаторов в искусстве — например, декларация Пита Мондриана (1920), опубликованная в журнале *Neo-plasticisme* (Париж): «Цветные плоскости как своим расположением и размером, так и интенсивностью цвета пластически выражают *отношения*, а не формы».

Вспоминая и перечитывая разнообразные свидетельства о тесном переплетении этих тем среди московского художественного, литературного и научного авангарда 10-х и 20-х годов XX века, я осознаю, насколько продуктивным было ошеломляющее знакомство с работами Эйнштейна и его последователей. Московский лингвистический кружок (1915), экспериментальное молодежное объединение, боровшееся за ревизию теории

---

<sup>17</sup> These lines were written on the threshold of the 1960s for the conclusion to my *Selected Writings*, The Hague, Mouton, 1962, vol. 1, p. 632.

языка и поэтики, так же как и более позднее ответвление того же направления, так называемая Пражская структуралистская школа, открыто ссылались на методологические эксперименты Эйнштейна в своих попытках связать центральные проблемы относительности и инвариантности. Одним из примеров, иллюстрирующих это декларируемое родство, может служить Проект стандартизированной терминологии, подготовленный и опубликованный Пражским лингвистическим кружком для Фонологической конференции в 1930 году<sup>18</sup>. В списке «фундаментальных понятий» первое место принадлежит *фонологической оппозиции*, а вслед за этим следует статья о самих противоположных сущностях, названных *фонологическими единицами*. Такая архитектурная иерархия становилась все ближе к «новым взглядам в физике» по мере того, как структурный анализ вербального универсума вытеснял предыдущий, механистический подход. В «Теории относительности Эйнштейна, — как пояснял философ Эрнст Кассирер, — существует лишь единство определенных *функциональных отношений*, которые обозначаются по-разному в зависимости от системы наименований, в которой мы их выражаем».<sup>19</sup>

Оценка релятивизма формы мышления, предпринятая двумя в высшей степени оригинальными американскими лингвистами, Эдвардом Сапиром (1884 — 1939) и Бенджаменом Ли Ворфом (1897 — 1941), в особенности прямая ссылка первого из них на «физическую относительность Эйнштейна»<sup>20</sup>, является еще одним важным примером смелой лингвистической инициативы, намеренно приближающейся к концептуальному багажу Эйнштейна и к прямому, хотя и более узкому вопросу, поставленному в упомянутой радиопередаче Эйнштейна 1941 года: «в какой степени одинаковый язык означает одинаковую ментальность». Любое влияние с необходимостью предполагает не только подобие, но и поучительное различие во мнениях.

Возможно, наиболее красноречиво о параллели между новым подходом в физике и в современной лингвистике свидетельствуют те совпадения, которые представляются результатом исключительно независимого

<sup>18</sup> In *Travaux du Cercle Linguistique de Prague* 4 [1931], p. 309 — 323, esp. p. 311.

<sup>19</sup> E. Cassirer, *Substance and Function. Einstein's Theory of Relativity*, New York, Dover, 1923, p. 398.

<sup>20</sup> E. Sapir, *Selected Writings*, Berkley University of California, California Press, 1949, p. 159.

развития этих наук. Такая скрытая переключка обнаруживает тот важный факт, что они идут параллельным курсом. И обращенное к теоретическим физикам требование Эйнштейна стремиться достичь наивысшего возможного стандарта точности в описании чистых *отношений*, как было сказано в процитированном выше приветствии Максуду Планку по случаю его 60-летнего юбилея в 1918 году, и дополняющее его стремление ко все более тщательному исследованию физического мира как сети взаимосвязанных компонентов, отчетливо перекликаются с задачами авангарда лингвистики. Тщательное сравнение фундаментальных понятий релятивистской физики и составляющих языка, проанализированных и определенных современными лингвистами, вскрывает четкий изоморфизм, который может быть с легкостью продемонстрирован на разных уровнях вербальной структуры.

Для понимания общей значимости проблемы вполне достаточно нескольких известных примеров из области фонологии. *Важнейшие свойства*, которые выполняют основную задачу звуков речи, Эйнштейн назвал бы идеями об отношениях в строгом смысле слова, воспринимаемыми на интуитивном уровне как бинарные оппозиции. Так, например, в консонантных системах, в которых так называемое свойство «звонкости» несет смыслоразличительную функцию, *звонкие* согласные феноменологически эквивалентны; в нашем восприятии они различаются преимущественно путем особого понижения своего нижнего форманта. В различных языках мы отмечаем определенные различия в сенсомоторных модальностях этого процесса. Например, довольно похожий звуковой эффект может быть произведен путем лабиализации или фарингализации, другими словами, путем сужения передней или щечной части полости рта. Однако поскольку различие между этими двумя случаями никогда не несет смыслоразличительной функции, общий деноминатор перевешивает различие (так же, как и другие, столь же избыточные модальности). Типология языков утверждает структурную инвариантность обсуждаемых свойств, а универсальные законы языка, как было доказано, признают лишь одну-единственную оппозицию, наличие или отсутствие *звонкости*<sup>21</sup>. В лингвистике принцип эквивалентности (в отличие от механического тождества) ставит

<sup>21</sup> Cf. R. Jakobson and L. Waugh, *The Sound Shape of Language*, Bloomington, Ind., Indiana University Press, 1979, p. 113 ff.



предел важности, которую можно придавать поискам отдельных, нескоординированных деталей опыта, и вместо этого требует направить усилия науки на постепенное открытие небольшого числа управляемых законами фундаментальных отношений, которые лежат в основании вербального (как и физического) универсума.

«Nun fiel mir ein» [Теперь это пришло ко мне] — эта фраза из «Автобиографических заметок»<sup>22</sup> Эйнштейна звучит и как первый проблеск общей теории относительности, и как общий лозунг современной науки, которая стремится свести изобилие сырых фактов к скудости общих законов. Проблема эквивалентности оказалась столь же значимой для принципа относительности, как и для открытия лингвистических универсалий. Радикальный пересмотр пространственно-временной модели, несмотря на различия в постановке этих вопросов в рамках разных наук, уводит нас далеко от прежней механистической рутины. Среди таких новых лингвистических путей, приглашающих к насущной междисциплинарной дискуссии, на передний план выходит представление о динамической синхронности, обратимом ходе текущих событий, и представление о том, что всякое длящееся изменение есть имманентная единовременность воспринимаемых осцилляций.

Нильс Бор неоднократно утверждал, что между современной физикой и лингвистикой существуют глубокие связи, и мы посвятили интеракции этих наук семинар, который совместно провели в Массачусетском технологическом институте в конце 50-х годов. «Необходимость релятивистского инварианта» — любимый термин Бора<sup>23</sup> — намеренно обсуждалась в контексте поиска и структурирования элементарных составляющих как физического, так и лингвистического универсумов, «элементарных квантов», как они обозначались в физике и были заимствованы лингвистикой из физики. Стремление нашего поколения лингвистов рассматривать вербальную массу как «ненепрерывную» материю, состоящую из элементарных квантов и, следовательно, обнаруживающую «гранулярную» структуру, отчасти продолжает прежние разработки. В то же время, однако, оно демонстрирует очевидную зависимость лингвистики от развития точных наук, которое, как я готов засвидетельствовать, было истинным источни-

<sup>22</sup> *Autobiographical Notes*, p. 64 — 65.

<sup>23</sup> N. Bohr, *Atomic Physics and Human Knowledge*, New York, Wiley, 1958, p. 71 — 72.

ком вдохновения для авангарда лингвистов в первой трети XX столетия как на Западе, так и на Востоке<sup>24</sup>.

Наконец, заметим, что два полярных и неразделимых понятия: с одной стороны, симметрия (с ее различными трансформациями), а с другой — асимметрия, разрушение симметрии — обнаруживают себя в самых далеких науках. В работе «Тематические истоки научной мысли» Джеральд Холтон указал на ведущую, жизненно важную роль, которую играли в физике Эйнштейна соображения симметрии. Аналогичные по сути понятия находят себе все более широкое применение в анализе любой лингвистической структуры. Впрочем, весь комплекс вопросов симметрии-асимметрии в лингвистическом исследовании, как в своем онтологическом выражении, так и в качестве чисто формального приема, следует рассматривать скорее как поле завтрашних побед, чем результат вчерашних и сегодняшних ответов. Тем не менее в этом вопросе мы можем утешаться мыслью, которую Эйнштейн записал всего за четыре недели до смерти: «Для нас... различие между прошлым, настоящим и будущим есть лишь иллюзия, хотя и весьма живучая»<sup>25</sup>.

В современной поэзии эпохальная научная теория может переродиться в стихийный миф. Владимир Маяковский, например, русский авангардный поэт, с первого восторженного знакомства с теорией относительности в 1920 году и вплоть до своего самоубийства в 1930-м славил «футуристический мозг Эйнштейна»<sup>26</sup> и посвятил свою последнюю драму «Баня» сокрушительной победе такого необыкновенного мозга над кажущимся абсолютom времени.



<sup>24</sup> A. Einstein and L. Infeld, *The Evolution of Physics*, New York, Simon and Schuster, 1942, p. 263 — 313.

<sup>25</sup> Einstein and Besso, *Correspondance*, p. 537.

<sup>26</sup> See Victor Erlich, *Twentieth-Century Russian Literary Criticism*, New Haven, Yale University Press, 1975, p. 151.

**Альберт Эйнштейн: вехи жизни**

- 1879** Родился 14 марта в 11.30 в г. Ульм, Германия
- 1880** Эйнштейны переезжают в Мюнхен
- 1885 — 1888** Ученик католической начальной школы в Мюнхене. Берет частные уроки на дому по еврейской религии и традиции
- 1888 — 1894** Ученик Луитпольдской гимназии в Мюнхене, посещает еврейскую школу до 1892
- 1894** Родители Альберта уезжают в Милан. Шесть месяцев спустя он бросает гимназию, не окончив среднего образования, и присоединяется к родителям в г. Павиа, Италия
- 1895 — 1896** Ученик областной школы Аарау, Швейцария
- 1896** Отказывается от немецкого гражданства
- 1896 — 1900** Студент в Политехникуме (позднее Федеральном технологическом институте), Цюрих
- 1901** Принимает швейцарское гражданство. Завершает свою первую научную статью.  
Временный преподаватель в школе г. Шафхаузен, Швейцария
- 1902** У Милевы в г. Новый Сад, Венгрия, рождается от Альберта дочь Лизерл.  
Назначен на должность технического эксперта третьего класса в патентном бюро в Берне
- 1903** Женится на Милеве в Берне. Вместе с Конрадом Габихтом и Морисом Соловином основывает «Академическую Олимпию».

- Дочь Лизерл, как видно, отдана на удочерение в другую семью
- 1904** В Берне рождается сын Ганс Альберт
- 1905** **Annus mirabilis:** статьи о световых квантах, броуновском движении и специальной теории относительности. Получает степень доктора философии (PhD) в Цюрихском университете
- 1906** Продвигается по службе: назначен техническим экспертом второго класса в Патентном бюро Швейцарии
- 1907** Открывает принцип эквивалентности
- 1908** Назначен лектором Бернского университета
- 1909** Уходит из Патентного бюро. Назначен профессором-ассистентом физики в Цюрихском университете
- 1910** В Берне рождается второй сын Эдвард
- 1911** Предсказывает отклонение света
- 1911 — 1912** Профессор теоретической физики в Германском университете в Праге
- 1912 — 1914** Профессор теоретической физики в Федеральном технологическом институте в Цюрихе
- 1914** Профессор Берлинского университета (без преподавательской нагрузки) и член Прусской Академии наук. Расстается с женой Милевой Марич, которая вместе с сыновьями возвращается в Цюрих. Подписывает «Обращение к европейцам» и присоединяется к пацифистской «Лиге за новое отечество»
- 1915** Завершает логическую схему общей теории относительности

- 1916** Публикация общей теории относительности
- 1917** Пишет первую статью о космологии. Назначен директором Физического института имени Кайзера Вильгельма в Берлине
- 1917 — 1920** Страдает болезнью печени, язвой желудка и общей дистрофией, кузина Эльза Эйнштейн ухаживает за ним
- 1918** Поддерживает Веймарскую республику в Германии
- 1919** Развод с Милевой Марич и брак с Эльзой.  
Отклонение света зарегистрировано учеными во время солнечного затмения в Западной Африке и Бразилии.  
Первые беседы о сионизме с Куртом Блюменфельдом.  
Сенсационные заголовки в «Таймс» и «Нью-Йорк таймс», Эйнштейн становится мировой знаменитостью
- 1920** Массовое выступление против общей теории относительности в Берлине.  
Эйнштейн назначен гостевым профессором в Лейденском университете
- 1921** Первая поездка в США вместе с Хаимом Вейцманом с целью собрать деньги на Еврейский университет в Иерусалиме
- 1922** Завершает первую статью по единой теории поля
- 1923** Поездка в Палестину: публичная научная лекция на месте будущего Еврейского университета в Иерусалиме.  
Составляет первый научный сборник Еврейского университета
- 1924** Создание «Института Эйнштейна» в Потсдаме, Германия
- 1925** Поездка в Южную Америку.  
Член совета директоров и академического совета Еврейского университета в Иерусалиме

- 1927** Начало дебатов с Нильсом Бором о квантовой теории
- 1930** Интенсивная пацифистская деятельность
- 1930 — 1932** Три поездки в США
- 1932** Поддерживает попытки сохранить Веймарскую республику.  
Открытая переписка с Зигмундом Фрейдом о природе войны.  
Назначен профессором в Институте продвинутых исследований в Принстоне.  
Уезжает из Германии в США, как оказалось, окончательно
- 1933** Заявляет, что никогда не вернется в Германию, и выходит из Прусской Академии наук.  
После нескольких месяцев в Европе эмигрирует в США.  
Публикует эссе «Почему война?»
- 1934** Публикует книгу эссе «Мир, как я его вижу»
- 1936** Смерть второй жены Эльзы
- 1938** Публикация книги «Эволюция физики»
- 1939** Подписывает письмо президенту Франклину Д. Рузвельту с рекомендацией приступить к ядерным исследованиям
- 1940** Получает гражданство США
- 1943** Работает над исследованиями в оборонной промышленности США
- 1944** Рукопись статьи Эйнштейна по специальной теории относительности (1905) продана на аукционе за шесть миллионов долларов, которые пожертвованы физиком на военные нужды США

- 1945** Потрясен масштабами Катастрофы европейского еврейства
- 1946** Председатель Чрезвычайной комиссии по атомным исследованиям
- 1947** Активный участник движения за разоружение
- 1948** Выступает в поддержку создания Государства Израиль. Смерть первой жены Милевы Марич. Аневризма брюшной аорты
- 1949** Публикация «Автобиографических заметок»
- 1950** Составляет завещание: Еврейский университет в Иерусалиме назван единственным распорядителем всего его личного архива
- 1952** Получает и отклоняет предложение занять пост Президента Израиля. Будирует общество США для оказания помощи в трудоустройстве еврейским иммигрантам, прошедшим через Катастрофу
- 1955** Подписывает «Манифест Рассела — Эйнштейна», предупреждающий человечество о последствиях атомной войны. Умирает 18 апреля в 1.15 в больнице в Принстоне в возрасте 76 лет. Тело его было кремировано, а прах развеян в неизвестном месте

### **Биографический комментарий**

Ахад-га-Ам (Ушер Гирш Гинцберг; 1856, Сквир, Украина — 1927, Тель-Авив), еврейский публицист и философ, теоретик «духовного сионизма». Призывал к воспитанию пассионарности в сионистах, поскольку не верил в то, что переезд в Палестину избавит евреев от экономических и социальных проблем; ратовал за превращение Земли Израиля в духовный и культурный центр еврейского народа.

Адлер, Фридрих (1879 — 1960), один из лидеров австрийской социал-демократической партии, теоретик марксизма.

Бальфур, Джеймс Артур, лорд (1848 — 1930), английский дипломат, в 1917 г. — министр иностранных дел Великобритании, автор так называемой Декларации Бальфура «о доброжелательном отношении» правительства Его Величества к восстановлению «национального очага» для еврейского народа в Палестине, которая была опубликована 9 ноября 1917 г. и стимулировала сионистское освоение Земли Израиля.

Бентвич, Норманн де Маттос (1883, Лондон — 1971, там же), английский сионист, юрист, в 1910-е годы издавал в Лондоне (при участии Ахад га-Ама) англо-еврейский журнал «Jewish Review». В 1912 — 1915 — английский юридический советник в Египте, в 1916 — 1918 служил в британской армии, а в 1920 — 1931 занимал пост юридического советника и генерального прокурора мандатной администрации в Палестине, вводил английское право, заменившее законы Османской империи. В 1931 г. вследствие антисионистской политики Великобритании ушел в отставку и стал профессором курса международных отношений в Еврейском университете в Иерусалиме (до 1951). В 1933 — 1936 возглавлял комиссию Лиги Наций по проблеме еврейских беженцев из Германии. В 1951 г. вернулся в Англию и занимался общественной деятельностью в пользу Еврейского университета в Иерусалиме.



Бентвич, Тельма, сестра Норманна (1895, Лондон — 1959, Иерусалим; жена Элиэзера, сына Давида Елина), виолончелистка. Окончила Королевскую музыкальную школу в Лондоне, училась у Казальса. Приехала в Иерусалим в 1920 г., основала здесь музыкальную школу, в которой преподавала, и Общество музыкантов-исполнителей. Имя Тельмы Елин носит тель-авивская Школа искусств.

Бен-Хорин, Меир (1908 — ?) — деятель еврейского просвещения в США, автор книг о сионизме и еврейской педагогике.

Бергман, Хуго Шмуэль (1883, Прага — 1975, Иерусалим), один из создателей и директор (1920 — 1935) Национальной библиотеки при Еврейском университете в Иерусалиме, фонд которой за годы его руководства вырос с 32 тысяч до 300 тысяч томов. Учился в Праге и Берлинском университете, где в 1907 г. получил степень доктора философии; с 1935 г. — профессор философии в Еврейском университете в Иерусалиме, в 1935 — 1938 — ректор этого университета.

Блюменфельд, Курт Иегуда (1884, Берлин — 1963, Иерусалим), сионистский деятель, в 1923 — 1933 — председатель сионистской федерации Германии, с 1933 г. поселился в Палестине, где стал членом правления фонда Керен га-Йесод.

Брух, Макс (1838, Кельн — 1920, Берлин), немецкий композитор и дирижер.

Вайз, Стивен Сэмюэл (1874 — 1949) — реформистский раввин и сионистский деятель. Начал сионистскую деятельность в конце 90-х годов, принимал участие в формировании идеологии сионистского движения и создании его организационных основ. В 1897 г. основал Нью-Йоркскую федерацию сионистских обществ, в 1898 — Федерацию американских сионистов, в 1936 г. создал Всемирный еврейский конгресс. Принимал активное участие в антифашистском движении и в организации помощи жертвам нацизма.

Вейцман, Хаим (1874, Могол Пинской губ. — 1952, Реховот, Израиль), первый президент Государства Израиль (1949 — 1952), президент Всемирной сионистской организации (1920 — 1921, 1935 — 1946). Совмещал политическую деятельность с наукой: с 1901 г. — преподаватель химии в Женевском университете, с 1906 — исследователь в Манчестерском университете, где в годы 1-й мировой войны изобрел новый способ получения ацетона, необходимого для изготовления боеприпасов. Активно участвовал в пропаганде палестинофильских настроений в высших политических кругах Великобритании, способствовал подготовке Декларации Бальфура. Приезжавший в 1930 г. в Палестину Бернард Шоу рассказал принимавшим его Эдвину и Хадассе Сэмюэл историю, которую Э. Сэмюэл назвал апокрифической:

«Когда лидер сионистов (как его звали? — а, да, доктор Вейцман) встретился с Бальфуром (я полагаю, так оно было) и предложил некое изобретение (что? ацетон? — да, ацетон), Бальфур спросил его, сколько он за это хочет. Вейцман сказал: “Ничего”. Бальфур заметил: “Это странно, ведь вы — еврей”. Вейцман сказал: “Все, чего я хочу, это Палестина”. — “А, — сказал Бальфур — а, это вы можете получить незамедлительно”». [Samuel, 1970. P. 113.]

Вилканский, Ицхак Авигор (впоследствии Вулкани; 1880, м. Айшишок Виленской губ. — 1955, Реховот), агроном, животновод, сионистский деятель. В Литве получил еврейское традиционное образование, затем изучал естествознание, философию и политэкономия в университете Берна, в Сельскохозяйственной академии в Берлине и Кенигсберге. В Палестине с 1908 г., где посвятил себя постановке сельского хозяйства на научную основу. Возглавлял опытные фермы и агрономические хозяйства в Хульде, Бен-Шемене, преподавал в университете. Создал в Реховоте факультет сельского хозяйства Еврейского университета в Иерусалиме и тематическую библиотеку «Ба-кфар» («В деревне»).

Герц, Джозеф Герман (1872, Ребрин, Словакия — 1946,?) , с 1913 г. пожизненно был главным раввином еврейских конгрегаций Великобритании. Учился в Нью-Йорке, в Колумбийском университете

(доктор философии) и Еврейской теологической семинарии (сан раввина). В 1920 — 1930-е гг. был активным приверженцем сионизма, чем нажил много врагов среди английских евреев, опасавшихся обвинения в двойной лояльности. Входил в совет директоров Еврейского университета в Иерусалиме, много сделал для высшего еврейского образования в Англии и за ее пределами. Автор комментариев на Тору и ряда книг по еврейской религии.

Герцль, Теодор Биньямин Зеев (1860, Будапешт — 1904, Эдлах, Австрия), литератор, публицист и общественный деятель, основатель движения политического сионизма, стремившегося к созданию независимого еврейского государства на Земле Израиля, создатель Всемирной сионистской организации (в 1897). Автор книги «Еврейское государство» (1886), ставшей идеологической программой сионистского движения.

Гесс, Моше (1812, Бонн — 1875, Париж), один из первых немецких социалистов, поначалу сторонник ассимиляции евреев, а затем — национального самоопределения; предтеча сионизма, автор книги «Рим и Иерусалим» (1862), ставшей классикой сионистской литературы.

Гинцберг, Шломо (впоследствии Гиносар; 1889, Одесса — 1968, Иерусалим), сын Ахад-га-Ама. Получил философское образование в Сорбонне, Париж, и возглавлял отдел образования Всемирной сионистской организации в Лондоне, где в 1920 — 1922 гг. был распорядителем «Фонда еврейского университета» и секретарем по делам еврейского университета. В 1922 г. переехал в Палестину и до 1925 г. служил инспектором еврейских школ в администрации мандатных властей, а после открытия Еврейского университета в Иерусалиме стал его административным секретарем.

Громмер, Яков (? — 1933), физик, соавтор Эйнштейна и его коллега в работе над квантовыми проблемами.

Дьюи, Томас Эдмунд (1902 — 1971), американский политический деятель, в 1942 — 1954 гг. — губернатор штата Нью-Йорк, в 1944

и 1948 — кандидат на пост президента США от республиканской партии.

Елин, Давид (1864, Иерусалим — 1941, там же), педагог, писатель, филолог. В 1889 г. — один из создателей комитета языка иврит в Палестине, с 1903 — глава союза еврейских учителей в Палестине, с 1912 г. — заместитель директора учительской семинарии в Иерусалиме (сегодня его имени), с 1926 г. — профессор ивритской средневековой поэзии мусульманского периода в Еврейском университете в Иерусалиме.

Зиф, Израэл Мозес (1889 — 1972), британский предприниматель, филантроп и сионистский деятель.

Калер, Эрих фон (1885, Прага — 1970, Принстон), историк, социолог, философ. Выступал с лекциями по странам Западной Европы. В 1933 г., после прихода Гитлера к власти, эмигрировал из Германии, с 1938 года жил в США, где читал лекции в разных университетах. Дружил со многими интеллектуалами, особенно с Томасом Манном. Активно поддерживал сионистское движение, выпустил книги «Народ Израиля под властью других народов» (1936), «Евреи среди наций» (1967).

Левин, Шмариягу (1867, Свислочь Минской губ. — 1935, Хайфа), доктор истории, казенный раввин, сионистский деятель, литератор. Много сделал для пропаганды сионизма в еврейских кругах США и Европы.

Лоуренс, Томас Эдуард, прозванный Аравийским (1888, Сев. Уэльс — 1935, ?), английский разведчик. Окончил университет в Оксфорде, Великобритания, впервые оказался на Ближнем Востоке как археолог и исследователь языка и культуры местных народов, а затем — разведчик в Синае под маской ученого. С началом 1-й мировой войны — офицер разведки в Каире, где внес большой вклад в борьбу местных шейвов против Османской империи. В последние годы войны Лоуренс был ранен и заключен в сирийскую тюрьму, где его жестоко мучили и пытали. После освобождения в

1919 г. вышел в отставку. В Палестине сблизился с сионистами, проникся их идеалами и стал помогать им в освоении тактики партизанской войны. С 1922 г. — летчик-испытатель британской авиации. Погиб в дорожной аварии.

Магнес, Иегуда Лейб [Леон] (1877, Сан-Франциско — 1948, Нью-Йорк, еврейский политический и общественный деятель. Возглавлял реформистскую синагогу в Бруклине (1904), затем в Нью-Йорке (1906). В 1903 г. организовал в Нью-Йорке самую крупную еврейскую демонстрацию против погромов в России. Примкнул к сионистскому движению и в 1922 переехал в Палестину. В 1925 — 1948 гг. был президентом Еврейского университета в Иерусалиме. Выступал против раздела Палестины на два независимых национальных государства. Автор многочисленных статей в пользу еврейско-арабского сотрудничества и политического единства.

Маймонид Моисей (Моше бен-Маймон, Рамбам; 1135 — 1204) — величайший еврейский мыслитель средневековья, философ, ученый, врач, математик и астроном.

Мах, Эрнст (1838 — 1916), австрийский физик и философ.

Мосинзон, Бенцион (1878, с. Андреевка Таврической губ. — 1942, Иерусалим), педагог, в 1912 — 1915 и 1919 — 1941 — директор Гимназии Герцлия в Тель-Авиве, где преподавал Танах с привлечением научных и археологических данных, что было новаторством. Учился в Бернском университете (1902 — 1906), в Палестине с 1907 г.; во время 1-й мировой войны был выслан турецкими властями и временно жил в США.

Мукадасси (947? — ок. 1000), арабский географ, посетивший многие страны Востока и оставивший их подробные описания.

Навон, Ицхак (р. 1921, Иерусалим), израильский государственный деятель, 5-й президент Израиля. В 1952 г. — секретарь по вопросам политики в канцелярии премьер-министра Д. Бен-Гуриона.

Ротшильд, Эдмонд Джеймс, барон (Авраам Биньямин; 1845, Париж — 1934, там же), еврейский филантроп, организатор и покровитель еврейского поселенческого движения в Палестине. Под финансовым покровительством Ротшильда создавались и действовали поселения Ришон ле-Цион, Рош-Пина, Петах-Тиква и Зихрон-Яков (прежде Заммарин).

Рутенберг, Пинхас (1878, Ромны Полтавской губ. — 1942, Иерусалим), деятель революционного движения в России, сионист, один из создателей промышленности в Палестине времен Британского мандата. С 1919 г. жил в Палестине, где обследовал водные ресурсы страны и разработал план ее электрификации, который поэтапно воплощал в виде строительства гидроэлектростанций. В 1923 г. учредил Палестинскую электрическую компанию. Активно участвовал в политической жизни и в 1920 г. вместе с В. Жаботинским организовал еврейскую самооборону в Иерусалиме, а с 1921 г. стоял во главе еврейской подпольной вооруженной организации Хагана.

Спиноза, Бенедикт (Барух; 1632 — 1677), еврейский философ-пантеист.

Сэмюэл, Герберт Луи, виконт (1870, Ливерпуль — 1963, Лондон), британский политик, активный сторонник еврейской колонизации Палестины. Получил ортодоксальное еврейское образование и окончил университет в Оксфорде. Сотрудничал с Х. Вейцманом в подготовке почвы для Декларации Бальфура о создании в Палестине еврейского «национального очага», в частности, в 1915 г. представил английскому парламенту меморандум о Палестине, где назвал ее возможным убежищем для российских и прочих евреев, вплоть до 3 миллионов человек. В 1920 — 1925 гг. занимал пост Верховного комиссара Палестины и Трансиордании, т.е. был первым еврейским правителем на Земле Израиля (правда, от Великобритании) со времен падения Иудеи в I веке н.э. Герберт Сэмюэл ввел постановление об обязательном соблюдении субботы во всех, даже нерелигиозных еврейских населенных пунктах Палестины.

Сэмюэл, Эдвин, 2-й виконт, сын Герберта Сэмюэла (1898, Лондон — 1978, там же), сотрудник мандатной администрации в Палестине,

сионист, израильский общественный деятель, лектор. В годы 1-й мировой войны служил в британской армии в Палестине, в период британского мандата был администратором иерусалимского округа, руководил службой радиовещания Палестины в 1945 — 1948 гг. Автор ряда книг о Палестине времен мандата и об Израиле.

Его жена, 2-я виконтесса Хадасса Сэмюэл (урожденная Гразовская; 1897, Яффо — ?), старшая дочь ивритского педагога и лексикографа Иегуды Лейба Гразовского (впоследствии Гура; 1862, Погост, Слуцкого уезда — 1950, Тель-Авив; в Палестине с 1887). Окончила педагогический семинар им. Левинского в Тель-Авиве и колледж в Женеве, училась музыке в Лондоне. В годы 1-й мировой войны агитировала евреев Палестины записываться в Еврейский легион.

Толковский, Шмуэль (1886, Антверпен, Бельгия — 1965, Рамат-Ган), инженер сельского хозяйства, сионист. В 1909 г. получил в Лондоне диплом инженера сельского хозяйства, с 1911 г. жил в Палестине, где занимался разведением фруктовых садов. В годы 1-й мировой войны служил в бельгийской, затем в британской армии. В 1920 — 1924 гг. возглавлял градостроительную комиссию в муниципалитете Тель-Авива. Инициировал создание предприятий по переработке и экспорту цитрусовых, был одним из создателей еврейского флота в Палестине и первым израильским консулом в Швейцарии.

Усышкин, Авраам Менахем Мендл (1863, с. Дубровна Могилевской губ. — 1941, Иерусалим), сионистский лидер, один из идеологов еврейского заселения и освоения Палестины, где поселился с 1919 г. В составе Ваада Леуми (с 1921), исполнительного органа евреев [еврейской экзекутивы] подмандатной Палестины, много сделал для налаживания контактов еврейских колонистов с мандатными властями.

Фейсал ибн Хусейн ибн Али (1883 — 1933), эмир Ирака с 1921 года.

Франк, Джеймс (1882 — 1964), немецкий физик, лауреат Нобелевской премии; в 1933 г. эмигрировал из Германии.

- Хадж Амин аль-Хусейни (1893 — 1974), лидер националистического движения палестинских арабов, сторонник радикальных мер в борьбе с еврейским заселением Палестины, главный идеолог и организатор террора арабов против еврейских колонистов. Искал поддержки фашистской Италии и нацистской Германии, в годы 2-й мировой войны активно сотрудничал с Гитлером, вербовал мусульман-добровольцев для выполнения плана уничтожения евреев.
- Хабер (Габер), Фриц (1864 — 1941), немецкий физик и химик, один из основоположников современной физической химии, лауреат Нобелевской премии. В 1933 г. эмигрировал из Германии.
- Хаксли (Гексли), Томас Генри (1825 — 1895), английский биолог, соратник Ч. Дарвина и активнейший пропагандист его учения.
- Холдейн, Ричард Бардон (1856 — 1928), английский политический деятель и философ, автор работ по философии и социологии; в 1912 — 1915 и 1924 г. занимал пост лорд-канцлера, один из важнейших в правительстве Великобритании.
- Чернявский, Аарон (1887, Екатеринославская губ. — 1966, Хайфа), физик, сионист. Окончил гимназию в Харькове, с 1905 г. жил в Женеве, где окончил университет и преподавал в 1913 — 1914 гг. (с 1912 — доктор наук по физике). В Палестине с 1919 г., был учителем в Гимназии Герцля в Тель-Авиве, в 1923 — 1950 преподавал физику и теоретическую механику в Технионе, Хайфа, ректором которого был в 1928 — 1929 гг. Основал в Тель-Авиве и Хайфе Общества подготовки инженеров. Автор ряда научных и научно-популярных статей и книг по физике и общему естествознанию.
- Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер (1874 — 1965), государственный деятель, лидер консервативной партии; в 1940 — 1945 и 1951 — 1955 гг. занимал пост премьер-министра Великобритании.
- Штрук, Герман (Хаим Аарон; 1876, Берлин — 1944, Хайфа), художник-график, один из основателей движения религиозных сионистов



Мизрахи в Берлине (1902). С 1922 г. жил в Хайфе, в собственном доме, который после его смерти стал Центром музыки и искусства. Рисовал портреты, в том числе Эйнштейна, пейзажи, преподавал, участвовал в создании Школы искусств и ремесел «Беца-лель» в Иерусалиме (в 1903 г., во время поездки в Палестину) и Художественного училища в Хайфе.

### Список использованной литературы

- Эйнштейн, 1967 — Альберт Эйнштейн. Собрание научных трудов. Т. IV. Статьи, рецензии, письма. М., Наука.
- Бурцев, 1989 — Владимир Бурцев. В погоне за провокаторами. Репринтное издание. М., Современник.
- Копельман, 1999 — Копельман, Зоя. *Письма Л.О. Пастернака Х.Н. Бялику*. In: Lazar Fleishman, ed. *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography. Essays in Honor of Wojciech Zalewski*. Stanford (Stanford Slavic Studies), Vol. 20.
- Пайс, 1989 — Абрахам Пайс. *Научная деятельность и жизнь Альберта Эйнштейна*. Пер. с англ. В.И. и О.И. Мацарских. М., Наука.
- Пастернак, 1992 — Пастернак Б. Л. *Собрание сочинений в 5-ти томах*. Т. 5: Письма, Москва: Художественная литература.
- Пастернак, 1989 — Пастернак Е. Б. *Борис Пастернак: материалы для биографии*. Москва, Советский писатель.
- Пастернак, 1923 — Пастернак Л. *Альбом портретов*. Текст Г. Штрука. Берлин.
- Переписка Пастернака, 1990 — *Переписка Бориса Пастернака*, Москва, Художественная литература.
- Einstein, 1931 — A. Einstein. *About Zionism: Speeches and Letters by Professor Einstein*. Transl. and ed. by L. Simon. New York, The Macmillan Company, 1931.
- Einstein, 2002 — A. Einstein. *The Collected Papers of A. Einstein in the Hebrew University of Jerusalem*. English translations of selected texts. V. 7. Princeton University Press, Princeton and Oxford.
- Frois, 1964 — Frois, B. *Batim we-simtaot*. In: *Sefer ha-Aliya ha-Shlishit*, v.2. Tel-Aviv, Am-Oved (in Hebrew).

- Ginossar, 1971 — Shlomo Ginossar [Гинцберг]. *Ktavim*. Jerusalem, Dvir (in Hebrew).
- Grüning, 1990 — Grüning M. *Ein Haus für Albert Einstein. Erinnerungen. Briefe. Dokumente*, Berlin: Verlag der Nation.
- Calaprice, 2000 — Calaprice, Alice. *The Expanded Quotable Einstein*. Princeton University Press. Princeton and Oxford.
- Katz, 1983 — Katz, Ben-Tzion. *Al 'Itonim we-Anashim*. Tel-Aviv (in Hebrew).
- Pais, 1994 — Abraham Pais. *Einstein Lived Here*. Clarendon Press, Oxford. Oxford University Press, New-York.
- Rosenkranz, 1997 — Ze'ev Rosenkranz. "Lofty Spiritual Centre" or "Bug-Infested House"? *Albert Einstein's Involvement in the Affairs of Hebrew University, 1919–1935*. In: S. Katz, M. Heyd (ed.), *The History of the Hebrew University of Jerusalem*, Magnes Press, Jerusalem (in Hebrew).
- Rosenkranz, 1998 — Ze'ev Rosenkranz. *Albert Through the Looking-Glass. The Personal Papers of Albert Einstein*. The A. Einstein Archive, The Jewish National & University Library, The Hebrew University of Jerusalem.
- Samuel, 1925 — Samuel, Herbert, viscount. *Palestine*. Report of the High Commissioner on the Administration of Palestine, 1920 — 1925. London.
- Samuel, 1945 — Samuel, Herbert, viscount. *Memoirs*. Cresset Press. London.
- Samuel, 1970 — Samuel, Edwin, second viscount. *A Lifetime in Jerusalem. The Memoirs of the Second Viscount Samuel*. Israel University Press, Jerusalem.
- Ussyshkin, 1934 — *Sefer Ussyshkin*. Jerusalem, Ha-va'ad le-hozaat ha-sefer (in Hebrew).
- Zaltsberg, 1998 — Zaltsberg E. *In the Shadows: Rosalia Pasternak, 1867-1939*. East European Jewish Affairs. Vol. 28, № 1.

## Именной указатель

- Абдель Малек 116  
 Авраам 116, 123, 127  
 Адамар, Жак 220-223  
 Адлер, Фридрих 26, **238**  
 Азеф, Евно 59-60  
 Александр Македонский (Великий)  
 123, 128  
 Алленби, [Эдмунд Генри Хайнман]  
 35-36, 63  
 Аристотель 29  
 Ауэрбах 83  
 Ахад-га-Ам (Ушер Гирш Гинцберг)  
 23, **238**  
 Бальфур, Джеймс Артур, лорд **63**,  
 64, 68, **238**  
 Баргман, Валерий 201  
 Батлер, д-р 104  
 Бах, [Иоганн Себастьян] 196, 198-  
 199, 203  
 Бек, Лео 178  
 Бен-Гурион, Давид 37, **137**, 138-139,  
 243  
 Бентвич, Норманн де Маттос 82,  
**238**  
 Бентвич, Тельма **239**  
 Бен-Хорин, Меир 126, **239**  
 Бергман, Хуго Шмуэль 36, 57, **81**,  
 85, **239**  
 Берлин, Исая 12, 17-32  
 Бернштейн, Эдуард 40  
 Бессо, Мишель 227  
 Бетховен, [Людвиг ван] 31, 199, 213  
 Бирам 83  
 Блюменфельд, Курт Иегуда 21, 37,  
 235, **239**  
 Бор, Нильс 31, 45, 231, 236  
 Борн, Макс 24, 28, 191  
 Брандес 44  
 Браудо, Александр Исаевич 59-60  
 Брух, Макс 198, **239**  
 Бубер, [Мартин] 115  
 Бурцев, Владимир 60  
 Бэкон, [Фрэнсис] 27  
 Бялик, Хаим Нахман 64, 210  
 Вайз, Стивен Сэмюэл 94, 200, **239**  
 Вейцман, Хаим 20, 26, 35-37, 42-  
 46, 63-64, 68, 83, 94, 126, 131-  
 132, 137, 186, 207-208, 235, **240**  
 Вертхаймер, Макс 221, 222  
 Верфель, Франц 24  
 Вивальди, [Антонио] 198  
 Вилканский (Вулкани), Ицхак Ави-  
 дор 88, **240**  
 Вильгельм 80  
 Вильсон, Вудро 111-112, 114  
 Винклер 213  
 Виноградов, [А.К.] 58, 60  
 Вингелер, Йост Фридолин 224-227  
 Винтерштейн, Эдуард фон 179  
 Вольтер 19, 29  
 Вольфсон, Давид 57  
 Ворф (Уорф), Бенджамен Ли 229

- Габихт, Конрад 233  
Гайдн, [Франц Йозеф] 203  
Галилей, [Галилео] 18, 31  
Ганн, Отто 173, 193  
Гейзенберг, Вернер 192  
Гейман 190  
Гельпах, Вилли 178, 185-186  
Гендель, [Георг Фридрих] 198  
Георг [V] 35  
Гернек, Фридрих 177  
Герц, Джозеф Герман 63, 94, **240-241**  
Герцль, Теодор Биньямин Зеев 21-22, 87, 89-90, 147, 185, **241**  
Гесс, Моше 23, **241**  
Гиллель 214  
Гинцберг (Гиносар), Шломо 42-43, 56, 80-81, 83, 85, 89, **241**  
Гинцбург, Давид Горадиевич, барон 57-58, 60-61  
Гитлер, [Адольф] 26, 124, 163, 168, 193  
Гойтейн, Давид 137-140  
Гольдциер, Игнац 57  
Гольдштейн 79  
Гразовский (Гур), Иегуда Лейб **245**  
Громмер, Яков 55, **241**  
Гроссман, Василий 170  
Грюнинг 213  
Дарвин, Чарлз Роберт 18, 30-31  
Дворецкий, Арье 156  
Дизенгоф, [Меир] 87-89  
Диц, С. 81  
Додд 125  
Донау, Джеральд 148  
Дубнов, Семен Маркович 40-41, 59  
Дымов, Осип (Перельман, Иосиф Исидорович) 12, 205-206, 208  
Дьюи, Томас Эдмунд 125, **241-242**  
Дюкас, Хелен 202, 225  
Евклид 72, 73  
Елизавета [II] 203  
Елин, Давид 82, 85, 239, **242**  
Елин, Тельма 239  
Елин, Элиэзер 239  
Жаботинский, [Владимир (Зеев)] 43, 94, **244**  
Зиф, Израэл Мозес 126, **242**  
Змора, д-р [Моше] 85  
Зольднер 181  
Зоммерфельд, Арнольд 173, 193  
Иегошуа бин-Нун (Иисус Навин) 109, 116  
Иосиф 116  
Иоффе 82  
Ительсон 61  
Йеридия 89  
Казальс, [Пабло] **239**  
Калер, Эрих 109, 116, 122, 125-127, **242**  
Кант, [Иммануил] 18, 29, 90  
Кантор 79  
Карлебах, Азриэль 139, 141  
Кассирер, Эрнст 229  
Кауфман 83  
Кац, Бен-Цион 57, 58  
Кемаль, Мустафа (Ататюрк) 110  
Кир 128  
Коген, Герман 214  
Колек, Гедди 17

- Корелли, [Арканджело] 198  
 Коэн, Бернард 61  
 Краус, Карл 24  
 Кук, Авраам Ицхак 64  
 Лаудермилк, Уолтер Клей 119-120, 130  
 Лауэ, Макс фон 173, 183-184, 191-192, 194  
 Лёве, Генрих 56, 59, 60  
 Левин, Шмариягу 42, **242**  
 Ленард, Филипп **181**, 188  
 Ленин, [Владимир] 58  
 Либерман, [Макс] 211  
 Либкнехт, Карл 182  
 Лонг, Брекенридж 125  
 Лопухин, [Алексей Александрович] 60  
 Лоренц, [Хендрик Антон] 185  
 Лоуренс, Томас Эдуард (Аравийский) 131-132, **242-243**  
 Луначарский, [Анатолий Васильевич] 60-61  
 Магнес, Иегуда Лейб 65, 68, 115, **243**  
 Маймонид (Рамбам, Моше Бен Маймон) 149-150, **243**  
 Мак 44-45  
 Маккавеи (Хасмонеи) 107, 128-129  
 Малер, Густав 24  
 Манн, Томас 242  
 Марич, Милева 45, 233-235, 237  
 Мария из Магдалы (Магдалена) 84  
 Маркс, Карл 155  
 Мах, Эрнст 18, 25, 27, **243**  
 Маяковский, Владимир 232  
 Милль, [Джеймс] 27  
 Могилевский, А. 213  
 Моисей 12, 155  
 Мондриан, Пит 228  
 Моргентгау, [Генри] 111  
 Моргенштерн, Джулиан 115  
 Мосинзон, Бенцион 80, 82, 87-90, **243**  
 Моцарт, [Вольфганг Амадей] 82, 195-196, 198  
 Мукадасси 129, **243**  
 Муссолини, [Бениго] 121, 191  
 Мухаммед 110, 116  
 Мушли 84  
 Мэйн, Эрнест 130  
 Навон, Ицхак 136, 139, **243**  
 Навуходоносор [II] 123, 128  
 Нернст, [Вальтер] 21, 183-184  
 Николай [II] 58  
 Ньютон, [Исаак] 17-19, 25, 30-31, 208  
 Оппенгеймер, Макс 211  
 Орлик, Эмиль 198, 211  
 Пайс, Абрахам 36, 208  
 Папен, [Франц] фон 189  
 Пастернак, Борис Леонидович 212-214  
 Пастернак, Леонид Осипович 210-215  
 Пастернак, Розалия Исидоровна 213  
 Пастернак-Слейгер, Лидия 212  
 Певзнер 83  
 Перельман, Иосиф Исидорович см. Дымов, Осип  
 Перельман, Яков Исидорович 206

- Перселл, [Генри] 198  
Пиль, [Эрл] 124  
Планк, Макс 18, 21, 31, 173, 184, 193, 227, 230,  
Покровский, [Михаил Николаевич] 58  
Райх 88  
Раппард, д-р 63  
Рассел, Бертран 18, 223, 237  
Рагенау, Вальтер 180  
Резерфорд, [Эрнест] 31  
Розенфельд, Леон 191  
Ротке, Мартин 158  
Ротшильд, Эдмонд Джеймс 82, 83, **244**  
Рузвельт, Франклин Делано 236  
Рупин, Артур 81, 85  
Рутенберг, Пинхас 44, 82, 86, 105, **244**  
Руфус, Даниэль Исаак 38  
Саид, Л. 68  
Сапир, Эдвард 229  
Саргон II 123  
Селевкиды 123  
Симон, Леон 91  
Соловин, Морис 42, 187, 191-192, 233  
Соломон 54, 100  
Спиноза, Бенедикт (Барух) 18, **28**, 155, 159, 179, 180, **244**  
Сталин, [Иосиф] 59  
Столыпин, [Петр Аркадьевич] 60  
Страшун 59  
Сэмюэл, Герберт Луи 35, 53, 62, 64, 68, 80, 82, 84-86, **244**  
Сэмюэл, Эдвин 35, 64, **244-245**  
Сэмюэл (Гразовская), Хадасса 84, 240, **245**  
Телеман, [Георг Филипп] 198  
Тирринг, Ганс 192  
Тит, [Флавий Веспасиан] 54, 106, 128  
Толковский, Шмуэль 82, 89, **245**  
Трейчке, Генрих фон 178  
Улсватер, лорд 63  
Уокоп, Артур 130  
Уоррен, сэр Чарльз 131  
Усьшкин, Авраам Менахем Менда 42, 53, 80, 82, 86, 207, **245**  
Фалес Милетский 30  
Фейсал ибн Хусейн ибн Али 132, **245**  
Фишер, Митчелл 103  
Франк, Джеймс 24, 193, **245**  
Франк, Филипп 219  
Франк, Цезарь 213  
Фрейд, Зигмунд 18, 67, 236  
Фрейденберг, [Ольга Михайловна] 212  
Фридман, В.Я. 177  
Хабер (Габер), Фриц 21, 24, 184-185, **246**  
Хадж Амин аль-Хусейни 93, 100, **246**  
Хазан, Владимир 205  
Хаксли (Гексли), Томас Генри 18, **246**  
Хардинг, [Уоррен] 43  
Хасмонеи см. Маккавеи  
Хитти, Филипп 109, 116-118, 121-

- 122, 127-129, 131  
Холдейн, Ричард Бардон 19, **246**  
Холенштейн, Эльммар 225  
Холстейн 226  
Холтон, Джеральд 220, 232  
Цвейг, Стефан 24  
Цезар, Бернард 68  
Чаплин, Чарли 10, 31  
Чернявский, Аарон 71, 82-83, 88,  
**246**  
Черчилль, Уинстон Леонард Спенсер  
118, **246**  
Шапира, Герман 35  
Шварц, Борис 12, 197, 200  
Шварц, Иосиф 197-198  
Шнабель, Артур 198  
Шницлер, Артур 24  
Шоу, Бернард 240  
Штраус, [Льюис Лихтенштейн] 111  
Штрук, Герман 83, 198, **246-247**  
Шустер, сэр Артур 68  
Шэнкленд, [Роберт С.] 223  
Эвен, Абба 137-140, 208  
Эддингтон 72  
Эйзенхауэр, [Дуайт Дейвид] 28  
Эйлат, Элиягу 65  
Эйнштейн, Паулина 180  
Эйнштейн, Эльза 42, 84, 187, 192,  
195, 197, 199, 201, 206, 235-236  
Элькус 111  
Энгель, Юлий 213  
Эренбург, Илья 170  
Эренфест, Пауль 185, 192  
Юлиусбургер, Отто 173  
Юм, Дэвид 18, 25, 29  
Якобсон, Роман 13, 219-232  
Якубович 59